
ГЕННАДИЙ НЕКРАСОВ
ФРОНТОВЫЕ
РАССВЕТЫ

ПАТРИОТ —
ЭТО ЧЕЛОВЕК,
СЛУЖАЩИЙ РОДИНЕ,
А РОДИНА —
ЭТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО НАРОД.

Н. Чернышевский

ГЕННАДИЙ НЕКРАСОВ

ФРОНТОВЫЕ РАССВЕТЫ

МОСКВА
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОСААФ СССР
1979

Р2
Н48

Некрасов Г. М.

Н48 Фронтовые рассветы: Повесть, рассказы.— М.: ДОСААФ, 1979.— 208 с.

60 к., в пер. 70 к.

В новую книгу писателя вошли рассказы о В. И. Ленине, очерки о борьбе советских людей с немецко-фашистскими захватчиками, повесть «Флаг до места». Главный ее герой — потемкинец, активный боец революции, стойкий защитник социалистической Отчизны в годы гражданской и Великой Отечественной войн, коммунист Федор Мельников.

Для молодежи.

Н $\frac{70302-118}{072(02)-79}$ БЗ—42—22—79 БЗВ—2—10—79 4803010100 ББК Р2

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

В НОЧНОЙ ЧАС

На дворе стонал голодный осенний ветер. Блуждая в темноте, он дзекал по стеклам дождинами, точно хотел ворваться в тихую комнату, освещенную настольной лампой, где слышалось поскрипывание пера, да из-за двери доносилось еле уловимое постукивание часов. Но Владимир Ильич ничего не замечал. Лишь иногда откладывал ручку, задумавшись потирал лоб уставшими пальцами и смотрел, смотрел куда-то в неведомую даль, спрятанную за черным окном.

Окончив работу, он бросил взгляд на часы, торопливо собрал рукопись, подумал: «Теперь быстрее спать!» — и вдруг вспомнил разговор с курсантом, который стоял на посту у двери его квартиры. Разговор обычный, но странно как-то отвечал на его вопросы этот юноша — все хорошо, все отлично! Нет, это явно не так! В такое время, когда республику точно в тиски зажали беды: разруха, голод — и «отлично»? Владимир Ильич вздохнул: «Завтра же нужно побывать у курсантов, посмотреть, как они живут, учатся, и — непременно! — поговорить с товарищами... Хотя завтра едва ли удастся выкроить для этого время...» Он еще раз посмотрел на часы и вдруг решительно подошел к вешалке, набросил пальто, на голову — кепку и тихо, чтобы никого не потревожить, вышел в коридор. Заметив часового, улыбнулся ему и шепотом:

— Здравствуйте, товарищ. Понимаете, не спится.

— Второй час ночи, товарищ Ленин.

— Что вы думаете насчет того, если я пройду сейчас посмотрю, как вы живете, удобно ли это? Не побеспокою товарищей?

— Да мы, Владимир Ильич, всегда рады вам.

— Ну что же, иду.

Он осторожно, стараясь не стучать ботинками, вышел на улицу. Темень. Под ногами скользкий булыжник. Промозглый ветер толкнул в грудь. Владимир Ильич пригнул голову и зашагал к подъезду, за дверьми которого разместилась школа по подготовке красных командиров.

Дежурный по школе обернулся на стук двери, увидел человека в пальто, стряхивающего с кепки дождинки, пригляделся и, узнав Председателя Совнаркома, шагнул ему навстречу, поднес руку к головному убору и только хотел отдать рапорт, как Владимир Ильич опередил его:

— Пожалуйста, потише.

Выслушав дежурного, Владимир Ильич попросил показать ему учебные помещения школы. Поеживаясь от холода, он заметил:

— Ветер на дворе просто лютует. Не замерзаете?

— Мы люди молодые, товарищ Ленин. Да и не такое время сейчас, чтобы жаловаться,— ответил дежурный.

— Да, время тяжелое,— согласился Владимир Ильич.— Но замерзать все же не следует.

Внимательно осмотрев учебные классы, Председатель Совнаркома попросил проводить его в жилое помещение. Здесь к нему подошел начальник школы имени ВЦИК Лащук. Ему тайно от Владимира Ильича позвонили на квартиру и подняли с постели. Лащук вошел как раз в тот момент, когда Владимир Ильич проходил между коек, поглядывая на спящих курсантов.

Он молча пожал руку Лащуку, поправил одеяло на одной из коек, а у окна поднес ладонь к раме, проверил, не дует ли.

В коридоре Ленин сказал начальнику школы:

— Товарищ Лащук, вы уж извините, что ночью собрался заглянуть к вам. Времени свободного совершенно нет.

Лащук замялся с ответом, и Владимир Ильич, сузив усталые глаза, заметил:

— Холодновато у вас. И очень плохо, что в классах по тактике и топографии страшно мало, товарищ Лащук, наглядных пособий.

— Но, товарищ Ленин, ведь...

— Не оправдывайтесь. Надо поискать, товарищ Лащук. Надо!

Они вышли в осеннюю стынь. На кремлевском дворе по-прежнему лютовал ветер. Владимир Ильич, прощаясь с провожающими его товарищами, посмотрел на свое светящееся окно.

— Если Надежда Константиновна узнает, что я был у вас ночью, будет мне взбучка. Спокойной ночи, товарищи!

Ленин повернулся и быстро зашагал к своему подъезду.

ПЕСНЯ

Квартира Председателя Совета Народных Комиссаров была на третьем этаже. Окно его комнаты никогда не занавешивалось ни гардиной, ни шторой, ни портьерой, а летом и вовсе было открыто настежь, и до Владимира Ильича доносился и многоголосый шум города, и хорошо было слышно, как занимаются строевой подготовкой курсанты.

Вот и сегодня неожиданно возникшая песня оторвала его от работы — он подошел к окну, прислушался

и не заметил, как сзади тихо стукнула дверь — вошла Надежда Константиновна.

— «Варшавянка»,— сказала она.

— Ты, Наденька? Послушай, как хорошо поют!

Владимир Ильич не знал, что курсанты обычно старались заниматься подальше от его квартиры, но когда узнали, что он с удовольствием наблюдает за ними и слушает их, решили разучить одну из его любимых песен и пройти с ней недалеко от его окна.

Слушая песню, Владимир Ильич шепнул Надежде Константиновне:

— Ты только посмотри, Наденька, как они идут! Я всегда верил, что очень скоро у нас будет своя Рабоче-Крестьянская Армия, прекрасно обученная и вооруженная.

— Знаешь, Володя, что я вспомнила сейчас? — тихо сказала Надежда Константиновна.

— Шушу!

— Да, Шушенское! Помнишь, как мы встречали Первомай!

— Мы тогда шагали по опушке бора, и Оскар размахивал красным платком. Проминский затянул «Варшавянку», и мы удачно подпевали ему.

— Это была наша первая демонстрация!

— Да! — Владимир Ильич стал подпевать хорошо знакомые слова песни.

Но мы поднимем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело,
Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир, за святую свободу...

Запела и Надежда Константиновна. Они вместе любовались легким и стройным шагом красных курсантов и пели песню, которая как бы несла строй на своих могучих крыльях, звала к великой борьбе!

— Мы верили в этот день. А ведь у нас не было еще ни партии, ни сил для борьбы с царизмом. А теперь у

нас есть и партия, и армия, и свобода. Теперь нас не сломит никакая интервенция, никакой голод и разруха — мы непременно победим!

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

Заседание окончилось поздно. Когда все ушли и Владимир Ильич остался в кабинете один, он долго еще стоял у карты — красными флажками вспыхивали очаги боевых действий. Это была безрадостная картина положения наших войск на всем протяжении фронта, который все ближе и ближе подступал к Москве.

Взгляд Владимира Ильича останавливался то на севере — оттуда наступали англичане; то на западе — где немцы, поляки и белогвардейская нечисть все еще приковывали к себе красные полки, которые так необходимы сейчас на востоке; то на юге — где по-прежнему было неспокойно. Да где оно спокойно — враг кругом: даже здесь, в Москве, тайные силы контрреволюции каждую минуту готовы ударить с тыла — и все же мы выстоим! Чего бы нам это ни стоило!

Подойдя к столу, Владимир Ильич просмотрел бумаги и уже собрался было уходить, как заметил на одном из кресел записную книжку.

«Кто-то забыл»,— подумал он, а потом — вслух: — Кто здесь сидел?

Владимир Ильич стал припоминать, но так и не вспомнил. Он раскрыл записную книжку и внимательно просмотрел ее. Но сколько он ни листал ее, так и не встретил ни одной знакомой фамилии. По записям, сделанным в книжке мелким почерком, Владимир Ильич понимал, что они, эти записи, будут нужны товарищу...

Владимир Ильич подошел к телефону и позвонил Дзержинскому.

— Я вас не разбудил, Феликс Эдмундович? — спросил он.

— Нет, нет. Спать я еще не ложился,— ответил Дзержинский.

— Извините, что беспокою в ночное время. У меня к вам просьба. Кто-то из военных товарищей оставил у меня свою записную книжку. Завтра они уезжают. Боюсь, товарищ спохватится, что книжки нет,— будет волноваться. Найдите его, пожалуйста, и пусть он непременно заберет ее у коменданта Кремля.

— Хорошо, Владимир Ильич, я сейчас распоряжусь.

— Прошу вас, Феликс Эдмундович, завтра же позвоните мне, нашли ли этого товарища.

— Найдем, Владимир Ильич, обязательно найдем.

— Спасибо... А почему вы не спите, Феликс Эдмундович? — вдруг спросил Владимир Ильич.

— Скоро ложусь.

— Давно пора! Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Владимир Ильич.

Положив телефонную трубку, Владимир Ильич стал рассматривать карту: «Да, тяжело нам, очень тяжело... Но мы должны выстоять. Должны!»

Он сунул записную книжку в карман и пошел к коменданту Кремля.

СРОЧНОЕ ДЕЛО

Осень. На просторном кремлевском дворе ветер шаловливо крутит и гоняет увядшее золото опавших листьев.

Владимир Ильич вышел из дверей Совнаркома, осмотрелся.

Последнее время он редко бывал на воздухе, мало ходил, и если случалось пройтись по кремлевскому двору, то частенько вспоминались те дни, когда бродил по тайге, по горам. И вот выпала свободная минута, он решил прогуляться. Спустился вниз к кремлевской стене. Задумчиво шагая по дорожкам Тайницкого сада, заметил одинокого курсанта.

— Здравствуйте,— сказал Владимир Ильич курсанту и, увидев в его руке письмо, поинтересовался: — Из дома?

Курсант растерянно посмотрел на Председателя Совнаркома и, спрятав письмо в карман, сказал:

— Здравствуйте, товарищ Ленин!

— Из деревни весточка? — Владимир Ильич указал глазами на карман, где было спрятано письмо.

— Письмо-то? — уточнил с неохотой курсант.

— Да.

— Из деревни.

— Любопытно, что там думают относительно Советской власти?

— Хорошо думают, товарищ Ленин.

— А конкретно?

Курсант замялся.

— По глазам вижу — письмо тревожное. Рассказывайте без стеснения, что там?

Ленин предложил курсанту присесть, и тот стал пересказывать содержание письма. Владимир Ильич, подперев рукой щеку, слушал внимательно, не перебивая, а когда курсант окончил рассказ, посмотрел на часы:

— Простите, как ваша фамилия?

— Никольский... Григорий Иванович...

— Товарищ Никольский, прошу вас, напишите на мое имя заявление и сегодня же передайте его мне через коменданта Кремля. Даю вам честное слово —

добьемся справедливости. Этого дела так оставлять нельзя.

Он пожал курсанту руку на прощание. Вернувшись в свой кабинет, взял лист чистой бумаги и торопливо набросал записку:

«Коменданту Кремля

29.X.1919 г.

Сегодня должна поступить бумага от красноармейца (здесь в Кремле на курсах)
Григория Ивановича Никольского
Рязанской губернии.

Принять ее и доставить мне лично сегодня же.

Пр. СНК *В. Ульянов*
(Ленин)».

Владимир Ильич вручил ее секретарю и попросил немедленно передать коменданту Кремля.

День был, как всегда, напряженным. Заявление курсанта Владимиру Ильичу удалось прочесть только дома при свете настольной лампы. Заявление страшно расстроило его. Посмотрев на часы, он решил не откладывать этот вопрос на завтра и сразу же сел писать.

«Рязань, губисполкому.
Копия Михайловскому исполкому Рязанской губернии.

Немедленно расследуйте дело курсанта *Григория Никольского*. Оказывается ли его семье законная помощь Печерниковским волисполкомом? Если имеются между Никольским и волисполкомом трения на почве отобрания урожая братом священником, расследуйте. Исполнение донести мне.

Предсовнаркома *Ленин*».

В комнату вошла Надежда Константиновна. Увидев, что Владимир Ильич работает, она покачала головой.

— Володя, ты опять пишешь! Ты же обещал отдыхать? Совершенно не думаешь о своем здоровье.

— Извини, Наденька. Но я сегодня дал одному товарищу честное слово, что помогу ему. А раз дал слово — надо держать.

— Но ведь ты можешь это сделать завтра.

— Дело срочное. Ты представить не можешь такого безобразия: за то, что товарищ Никольский решил стать красным командиром, его брат, священник, отобрал у семьи курсанта весь урожай. И это при Советской власти! Неслыханное беззаконие! А ты говоришь — завтра!

ПАЛЬМА

Жизнь, полная борьбы и лишений, сделала Владимира Ильича аккуратным, экономным. Он никогда не позволял себе ничего лишнего и строго пресекал попытки других создавать для него какие-либо привилегии. В кремлевской квартире он жил скромно. Комната служила ему и спальней и кабинетом, обстановка была предельно простой — под синим сукном дубовый письменный стол у окна, книжный шкаф, кровать, заправленная пледом (его подарила Владимиру Ильичу мать, Мария Александровна, в 1910 году во время их последней встречи в Стокгольме), рядом с кроватью тумбочка, на ней — электрическая лампа, несколько стульев и жесткое кресло, у стены кушетка. Правда, в его рабочем кабинете стояла пальма. И хотя зеленая красавица занимала немалую площадь, Владимир Ильич трогательно любил ее.

Однажды он вышел в коридор как раз во время смены караула. Владимир Ильич подозвал к себе разводящего. Курсант по-военному представился.

— Очень прошу вас, товарищ, если можете, помогите мне,— сказал Владимир Ильич разводящему.

— Пожалуйста, товарищ Ленин.

Они вошли в кабинет. Владимир Ильич подвел курсанта к пальме.

— Мне кажется, ей не хватает света. Хотел передвинуть один, боюсь от табуретки на полу останутся следы. Помогите.

— Да мы это мигом, товарищ Ленин! — и курсант направился к двери.

— Нет, нет! Никого звать не нужно. Мы вдвоем управимся.

Они взялись за табуретку с двух сторон и перенесли пальму поближе к окну. Когда пальму установили, Владимир Ильич отошел в сторону и стал любоваться.

— Теперь ей непременно будет лучше. Спасибо, товарищ.

— Прекрасная пальма, товарищ Ленин! — не удержался от похвалы курсант.

— Красавица! — подтвердил Владимир Ильич. Он подошел к пальме и поправил несколько листочков. Ухаживать за ней Владимир Ильич никому не разрешал. Делал это сам. Приходил иногда на работу пораньше — поливал, рыхлил землю и часто говорил товарищам:

— Удивительное дерево: на улице зима, а оно зеленое, вечно молодое.

ПОСЛЕДНЯЯ ПАПИРОСА

На субботнике, во время отдыха, курсанты окружили Владимира Ильича, стали забрасывать вопросами. Завязалась непринужденная беседа. Заметался синенький дымок над веселым гомоном молодежи.

Один из курсантов предложил Владимиру Ильичу закурить.

— О, нет, нет! — Владимир Ильич поднял вверх руки.

— Не курите, товарищ Ленин? — спросил все тот же курсант.

— Не курю,— категорически заявил Владимир Ильич.

— И никогда не курили, товарищ Ленин?

— По правде говоря, будучи гимназистом, баловался.

— Ну и что же? — не унимался курсант.

Владимир Ильич вспомнил, как однажды его застала с папиросой мать и была страшно расстроена. Он рассказал, как она попросила его прекратить курить и он дал ей слово, что это была последняя папироса.

— С тех пор не курите, товарищ Ленин? — спросил курсант и, ожидая ответа, украдкой загасил папиросу о бревно.

— Да, товарищ, с тех пор не курю. И вам не советую!

ПАРТВЗНОС

Из рабочего кабинета на обед Владимир Ильич выходил ровно в четыре часа дня, возвращался в шесть. Обычно он говорил секретарю Фотиевой: «До свидания», но сегодня предупредил:

— Лидия Александровна, если меня не будет вовремя и придут товарищи, пусть обязательно подождут. И прошу извиниться за меня.

— Хорошо, Владимир Ильич,— ответила секретарь.

Владимир Ильич вышел на улицу и, щурясь от солнца, направился в сторону Большого Кремлевского

дворца. В короткие свободные минуты он гулял здесь и любовался Замоскворечьем, но сегодня спешил: нужно во время обеденного перерыва выполнить несколько неотложных дел, но главное — заплатить членские взносы. На учете Владимир Ильич состоял в одной партийной организации с кремлевскими курсантами и каждый месяц аккуратно ходил к ним платить партвзносы.

Вот и сейчас, войдя в помещение, Владимир Ильич поздоровался с курсантами и направился к столу, за которым сидел секретарь партячейки. Секретарь, еще совсем молоденький курсант, приняв партийный билет, сказал Владимиру Ильичу:

— Товарищ Ленин, может быть, вам не приходить с партвзносами? Вы можете присылать с деньгами своего секретаря.

Владимир Ильич удивленно посмотрел на курсанта и серьезно сказал:

— Свой партийный билет, товарищ секретарь, я никому не доверяю.

— Тогда, может быть, мне к вам приходить, товарищ Ленин?

Владимир Ильич неодобрительно покачал головой.

— А разве вы не знаете Устава партии, товарищ секретарь?

— Но ведь вы же — Председатель Совета Народных Комиссаров!

Владимир Ильич ответил:

— Перед партией, товарищ секретарь, мы все рядовые! Запомните это, пожалуйста.

Вернувшись с обеда, Владимир Ильич спросил Фотиеву:

— Товарищи еще не появлялись, Лидия Александровна?

— Нет, Владимир Ильич.

— Думал, придется задержаться, но, как видите, вернулся вовремя.

Он склонился над свежей почтой, просматривая в первую очередь сообщения с фронтов.

ФОТОГРАФИЯ

Погожий майский день. Первый коммунистический субботник. Владимир Ильич вместе с курсантами расчищает кремлевский двор, где еще сохранились баррикады от октябрьских боев. Работа спорится. И вдруг внимание привлек молодой человек, устанавливающий фотоаппарат на штатив. К нему подошел комиссар Борисов. Они поговорили о чем-то, и Борисов кивком головы указал в сторону Председателя Совнаркома. Молодой человек поспешил к Владимиру Ильичу.

— Товарищ Ленин, прошу вас, пожалуйста, пройти с бревном перед фотоаппаратом. Я вас сфотографирую.

Владимир Ильич поправил кепку и с удивлением спросил, улыбаясь:

— С бревном?

— Да, товарищ Ленин. Необходимо показать, как вы работали на субботнике.

— Кому показать?— уточнил Владимир Ильич.

— Народу, Владимир Ильич...

— А может, мне по такому случаю приодеться? — Владимир Ильич заразительно засмеялся и показал на свои рабочие сапоги, куртку, брюки.

Владимир Ильич обвел взглядом курсантов:

— А почему фотографировать только меня?

— Вы же Председатель Совнаркома. Это очень важно для истории.

Ленин обернулся к курсантам:

— Как, товарищи, надо сфотографироваться?

Товарищи, с которыми работал Владимир Ильич, подсунули под дубовый кряж три толстых кола. Владимира Ильича они поставили так, чтобы он шел ближе к фотоаппарату. Проходя, курсанты внезапно приостановились, и фотограф тут же сделал снимок. Но заметив, что Владимир Ильич не смотрел в сторону объектива, стал просить повторить съемку.

Владимир Ильич весело сказал на это:

— Для истории фотография, конечно, важный документ. Но еще важнее — работа!

ПОСТ № 27

Курсанту Русанову не везло: давно в Кремле — и не встретить Владимира Ильича... Сколько раз он стоял у Спасских ворот, но во время его дежурства Владимир Ильич никуда не выезжал. И вот — наконец-то! — пост № 27. Неужели и на этот раз не повезет?

Русанов представлял, как он встретится с Владимиром Ильичем, как будет разговаривать... А встретиться с ним он должен обязательно. Русанов даже высчитал, когда именно должна состояться эта встреча. Если, конечно, Владимир Ильич никуда не уедет.

Мысль Русанова прервал шагающий по коридору человек — среднего роста, в простеньком штатском костюме, он явно шел в квартиру Председателя Совнаркома. Курсант подтянулся и быстро стал у него на пути.

— Здравствуйте, товарищ,— сказал человек.

— Здравствуйте! — как-то само собой вырвалось у Русанова, но он сразу же решительно потребовал пропуск.

— Извините, пожалуйста, но пропуск я оставил дома,— и человек поднял на часового удивленные карие глаза.

— В квартиру Владимира Ильича Ленина пропустить не могу.

Человек усмехнулся и спросил:

— Вы первый раз здесь стоите, товарищ?

— Без документа пропустить не могу,— вместо ответа заявил Русанов.

— А может быть, товарищ, вы все же пропустите меня?

— Нет! — твердо сказал Русанов.— Приказ коменданта Кремля: без пропуска и личного разрешения товарища Ленина никого не пропускать.

— Да, но я здесь живу,— попытался убедить курсанта человек.

— Не могу знать! — категорично ответил Русанов.

Человек взялся за отворот пиджака, внимательно посмотрел на часового, извинился и быстро зашагал обратно.

Сменившись с поста, Русанов сразу же доложил начальнику караула, что какой-то неизвестный мужчина пытался пройти в квартиру Председателя Совнаркома без пропуска.

В караульном помещении засмеялись. Русанов стушевался.

— А ты знаешь, кого ты не пропустил? — спросил его начальник караула.

Русанов пожал плечами: мол, откуда мне знать.

— Ты не пропустил самого товарища Ленина!

— Разыгрываете! — сказал курсант. Но когда узнал, что действительно не пропустил Владимира Ильича, целый день был расстроен, угрюм.

Вечером, находясь на посту, Русанов беспокойно шагал по коридору. С минуты на минуту должен появиться Владимир Ильич. Как он посмотрит Председателю Совнаркома в глаза, как объяснит свой поступок?

Заметив Владимира Ильича, Русанов готов был провалиться сквозь землю. А когда Владимир Ильич подошел к нему и протянул пропуск, Русанов, покраснев, тихо сказал:

— Простите, пожалуйста, товарищ Ленин, что утром так получилось.

— Почему, простите?— удивился Владимир Ильич.

— Что не пропустил вас в собственную квартиру.

— И хорошо сделали, товарищ! — Владимир Ильич внимательно посмотрел на часового и добавил: — Да, да! Службу несете правильно. Очень правильно! А виноват был я. Кто, как не Председатель Совнаркома, должен точно выполнять установленные порядки? Вы, пожалуйста, извините меня, что так получилось.

ФЛАГ ДО МЕСТА

Глава первая

Ранним августовским утром, едва восточная сторона неба вспыхнула бледным румянцем, на прифронтовой аэродром приземлился долгожданный У-2. Самолет пробежал по травяному полю и остановился у лесной опушки, чуть не задев крылом санитарную машину.

Пилот быстро выбрался из кабины на крыло и перед тем, как сойти на землю, решил взглянуть на своих пассажиров: как-то они перенесли перелет?

— Укачало сильно. Филиппке вон совсем плохо. Чуть не вывалился. Да не вертись ты,— ругнулся старик на мальчика.

— Теперь все будет хорошо! — Пилот спрыгнул к обступившим самолет военным и доложил:

— Задание выполнено, товарищ капитан.

— Все благополучно?

— Как никогда.

— Сколько человек привез?

— Троих: старика и двух пацанов.

— Забирайте раненых,— капитан указал глазами на самолет.

— Поосторожнее! — предупредил пилот санитаров и, достав из полевой сумки бумаги, протянул лейтенанту медицинской службы: — Документы на партизан.

Лейтенант пробежал глазами бумаги и в недоумении посмотрел на пилота. Ему приказали принять

доставленных самолетом из вражеского тыла тяжелораненых, и он подумал: генералов, не иначе, а здесь... Он мельком глянул на ребятишек (их переносили в машину), потом на старика, лежащего на носилках. На старике шапка-ушанка из собачьего меха, ватник, валенки. Но поразило не это, поразили огромная рыжая борода и поблескивающие в тусклом утреннем свете глаза.

Ватник на партизане был расстегнут, и бинты в трех местах краснели небольшими пятнами: кровоточили раны.

Лейтенант нагнулся к старику и приложил к его лбу ладонь. Старик едва заметно улыбнулся и через силу сказал:

— Форштевень у меня в порядке, милок, а вот шпангоуты...

Лейтенант отнял руку и приказал санитарам:

— Быстро в машину!

Когда старика унесли, он спросил пилота:

— Моряк, что ли?

— Федор Архипович Мельников. Дед знатный! Матрос с «Потемкина».

— То-то он про шпангоуты.

Попрощавшись, пилот с капитаном направились к землянке. А лейтенант сел рядом с шофером. Машина объехала замаскированный техниками самолет и скрылась в лесу.

Березняк в лучах восходящего солнца играл багряной листвой. День набирал силу.

— Не гони особо, вези осторожнее,— предупредил лейтенант шофера.

Шофер сбавил скорость.

Лейтенанта заинтересовал старик. Он не знал, конечно, что Федор Архипович повидал за свою жизнь многое. Страницы его жизни одну за одной листал тревожный ветер то далекого, то близкого времени.

ПОВОДЫРЬ

— Федька! Мельников! Твоего тятьку казаки зарубили!

Эту страшную весть принесли девятилетнему мальчику ребятишки. Почему казаки убили отца и старшего брата Сергея, Федька не мог понять и, шагая в похоронной процессии, смотрел на мертвых отца и брата, моргал красными заплаканными глазенками и цепко держался за огромную шершавую ладонь незнакомого бородатого дядьки. А женщины вокруг голосили и кричали так мучительно и зло, точно хотели выплеснуть свое безутешное горе на улицы Екатеринослава. Федьке от этого плача было больно и жутко. Изредка всхлипывая, он попытался вырваться, убежать куда-нибудь, но сильная рука не позволила ему сделать это. После похорон бородатый дядька отвел Федьку в чистый домишко на самой окраине Екатеринослава и, уже сидя за самоваром, гладя его взлохмаченную голову, как-то неуклюже-нежно говорил:

— Вот тут, Федюшка, у Николая Павловича и Анастасии Федоровны и будешь теперь жить. А мамку твою с малышами устроим в деревне.

Федька робко посмотрел на мужчину с черной повязкой на глазах, который сидел напротив за столом и пил из жестяной кружки чай, потом на молодую женщину. Она улыбалась, и Федьке впервые за этот день стало хорошо. Он повернулся к бородатому дядьке, и тот подмигнул ему:

— Ничего, Федюшка, мы тебя в обиду не дадим!

А прощаясь, бородатый снова дружески потрепал его по голове и как взрослому пожал руку.

В эту ночь Федька забылся тревожным сном. В темноте за стеной что-то тихо стучало, а может, это казалось ему. Потом он увидел отца и брата: они нарядные стояли на другом берегу реки, кричали и махали

ему руками, но что они кричали, Федька так и не мог разобрать. Он одиноко бегал по пустынному берегу. Ему хотелось перебраться к отцу и старшему брату, но он сорвался вдруг с крутого обрыва и полетел вниз, попытался схватиться за камни, руки не слушались, и тогда от страха он закричал:

«Ма-ма!» — и проснулся. У кровати стояла Анастасия Федоровна.

— Будешь вставать, Федюшка? — тихо, будто ничего не произошло, спросила она.

Федька в недоумении смотрел на нее и не знал, что сказать в ответ. Он никак не мог прийти в себя от страшного сна. Да и откуда взялись эти чужие добрые люди, приютившие его.

Открылась дверь. Вошел Николай Павлович, повесил трость на спинку кровати и весело спросил:

— Ты город, Федюшка, хорошо знаешь? Нам нужно сходить сегодня к заводу. Не заблудимся?

— Нет, что вы, я часто бегал туда к тятьке,— с охотой отозвался Федька.

— Хорошо. Тогда вставай, позавтракаем и пойдем прогуляемся.

Федька обрадовался. Быстро вскочил с постели. Умылся. Надел новую белую рубаху, подаренную Анастасией Федоровной, и подумал: «Вот мамка рада была бы, увидев такую обновку!»

Ели они молча. Федька украдкой посматривал на Николая Павловича. Позавтракав, отправились к заводу.

Федька вел Николая Павловича осторожно, предупреждая о каждой колдобине, о каждом бугорке, а тот осторожно постукивал о землю тростью и рассказывал ему о славном богатыре Илье Муромце. Рассказывал о том, как тот спас народ русский от Соловья-разбойника. Сбоку у Николая Павловича висела огромная сумка,

в которую (Федька это отлично видел) Анастасия Федоровна положила какие-то скрученные листки бумаги, а сверху закрыла черными ржаными кусками хлеба.

Около завода с ними поравнялся бородатый мужчина. Федька хотел поздороваться, но мужчина прошел мимо, не обратив на них внимания. Правда, Федька услышал все же, как он сказал, чтобы они шли за ним. В бараке их встретили другие рабочие, они вынули из сумки свертки бумаги, и Федька повел Николая Павловича домой.

— Запомни, Федюшка, ты никого из них не знаешь и никогда не видел,— предупредил Николай Павлович.— Ясно?

— Ясно, Николай Павлович,— кивнул Федька.

— Вот и добре! А завтра поедем на поезде. Мы с тобой, Федюшка, во многих местах побываем. Ты только смотри повнимательнее и все запоминай. А потом мне расскажешь о том, что видел.

— Хорошо, Николай Павлович. А вы так ничего и не видите?

— К сожалению, ничего не вижу, Федюшка...

Федька вздохнул.

Четыре года он был поводырем у Николая Павловича. Ездил с ним в Киев, в Харьков. Федьке все это было страшно интересно. Но однажды, когда ехали в поезде, жандармы забрали их. Но им повезло: они не стали рыться в нищенской котомке и быстро отпустили.

Доехали тогда до Лозовой, где их встречал нарядный гражданин. Он открыл свой чемодан и, вытащив оттуда такой же мешок, как у Николая Павловича, протянул его Федьке:

— Держи, малыш! А то вы без сухарей пропадете! — А мешок Николая Павловича, улыбаясь, сунул к себе в пустой чемодан и, передав привет «мамаше», удалился, что-то насвистывая.

— Прекрасный парень! — сказал о нем Николай Павлович Федьке, и они поехали на другом поезде обратно.

Анастасия Федоровна учила Федьку грамоте. Вот тогда-то он и начал понимать, что за бумаги они разносили в сумке. Узнал Федька и о том, что по ночам в подвале, в который можно было попасть через пол в прирубе, Анастасия Федоровна печатала прокламации и листовки. К ним в дом никогда никто не приходил и только тогда, когда Николай Павлович тяжело заболел и вскоре умер,— к ним снова явился бородатый дядька. С тех пор Федьке пришлось бегать к заводу одному. Стала отлучаться и Анастасия Федоровна.

Когда Федька оставался один, он читал книги. Особенно ему нравилось читать про Спартака и Гарибальди. Так с книгой и засыпал, не слыша, когда возвращается Анастасия Федоровна. Однажды она домой не вернулась. Федька отнес, как она велела, прокламации на завод и передал их бородатому дядьке. От него мальчик узнал, что Анастасию Федоровну арестовали, и велел ему на время перебраться к матери в деревню, а назад ни в коем случае не возвращаться. Но Федька решил все же наведаться домой, чтобы забрать последние свертки, которые он должен был отнести на станцию. Он целый день не появлялся у дома, а вечером, когда стемнело, осторожно пробрался во двор, прислушался: тишина. Стараясь не шуметь, отомкнул замок, прошел коридорчиком, нащупал скобку в черноте, но в это время чьи-то сильные руки схватили его и зажали рот... Он хотел вырваться, укусить сильную руку, но не смог.

Вскоре Федьку привезли в участок. В просторной комнате Федьку любезно встретил молодой, гладко выбритый офицер, пахнущий духами. Офицер был приветлив. Он спросил, не голоден ли Федька, и приказал накормить его. Потом Федьку отвели в соседнюю ком-

нату и сказали, что он может спать на диване. Рядом с ним в кресле всю ночь дремал жандарм. Утром опять появился офицер, пахнущий духами, а потом пришел и другой офицер. Они попросили почитать что-нибудь и подали листовку, которую Федька печатал вместе с Анастасией Федоровной, но мальчик сказал, что не умеет читать такие мелкие буквы.

— Ты разве не видел этих бумажек и не знаешь, что это такое? — любезно спросил офицер.

Федька насторожился. Он знал, что жандармы с казаками зарубили его отца и брата Сергея, и, хотя они казались ему добрыми, Федька даже подумал, может, и не они убили отца и брата Сергея, но он знал еще и то, что против них боролись не только отец, но и слепой Николай Павлович. Анастасия Федоровна не раз говорила, что придет время, когда народ сметет царя и жандармов. Знал он и содержание листовок, которые ему приходилось не только разносить, но и помогать печатать.

Офицеры заигрывали с Федькой. Они пригласили его даже прокатиться по городу на рысаках.

— Николай Павлович рассказывал нам, что у тебя, Федор Архипович, прекрасная память, что ты отлично знаешь всех его знакомых,— улыбаясь, сказал офицер, когда они свернули на улицу, ведущую к заводу.

Федька выглянул из кареты и увидел понуро шагающих навстречу им рабочих в грязных одеждах, хмуро поглядывающих на жандармов. Окончилась смена. Часто с Николаем Павловичем они приходили сюда в это время и раздавали листовки. Федька вспомнил рассказ Николая Павловича, как тот потерял на заводе зрение, как товарищи помогали ему, когда хозяева выгнали его с завода.

— Сколько тебе лет, Федор Архипович? — неожиданно прервал его мысли офицер.

— Тринадцать,— ответил Федька. Николай Павлович не раз предупреждал его, если арестуют жандармы, на все их вопросы отвечать «нет» или «не знаю».

— Ты уже совсем взрослый. Посмотри, не найдешь ли среди этих людей знакомых Николая Павловича?

Федька увидел знакомые лица рабочих, но промолчал.

— Неужели у тебя, Федор Архипович, такая плохая память? Ай-яй! — пожурил его офицер.

— Может быть, покажешь, куда ты водил Николая Павловича?

— Мы ходили с ним на базар за продуктами.

— Как тебе не стыдно врать, Федор Архипович! А мы хотели тебя устроить учиться. Ты стал бы большим человеком! А ты занимаешься враньем...

Вернулись они в высокое здание поздно. Федьке очень хотелось есть. В комнате, где его оставили, было пусто и темно. В приоткрытую дверь вползал вкусный запах жаркого. Федька глотал слюнки, ждал, что вот-вот его накормят, но так и уснул не евши. Утром от голода у него кружилась и побаливала голова.

Знакомый офицер, пахнущий духами, пришел к нему в полдень. Он снова просил рассказать о друзьях Николая Павловича и Анастасии Федоровны. Но Федька молчал.

Вечером мальчика привели в кабинет с огромным портретом.

— Ну, Федор Архипович, будешь говорить? — строго спросил офицер.

— Я ничего не знаю,— ответил Федька.

Федька увидел стоящий на столе ужин, он проглотил слюнки, и у него все закружилось перед глазами.

— Садись ешь,— сказал офицер.

Федька сел за стол, взял ложку и только поднес ее ко рту, как распахнулась дверь и два жандарма ввели Анастасию Федоровну.

— Уведите, уведите,— крикнул им офицер,— нам и так все известно!

Федька посмотрел на Анастасию Федоровну, и ему показалось, что она улыбнулась ему своими большими карими глазами. Когда ее вывели, офицер подозвал Федьку к себе:

— Значит, ты никого не помнишь? Может, не знаешь и этой женщины? А она нам все рассказала, и мы хотим лишь проверить, не напутала ли она чего. Ну так кого ты знаешь из рабочих?

— Я никого не знаю,— ответил Федька.

— Не знаешь?!— офицер спросил грозно и уставился в мальчика черными злыми зрачками.

— Нет, дяденька, никого не знаю, откуда же мне знать. Ведь я с Николаем Павловичем...

Офицер, пахнущий духами, вдруг резко изо всей силы ударил его по щеке, да так, что Федька упал на пол.

Жандармы схватили мальчика и заперли в холодной темной камере. Его били и все спрашивали: кого из друзей Николая Павловича и Анастасии Федоровны он знает. Но он молчал. Через месяц его, исхудавшего и бледного, вывел из камеры жандарм и зло крикнул:

— Проваливай отсюда, пока цел!

Как давно это было! Как давно! С той поры минуло больше пятидесяти лет. А теперь... Где я? Что это за помещение с койками?

Федор Архипович приподнял голову, увидел на соседних койках своих мальчишек и скупо улыбнулся. Ах вот куда мы попали из-под Смоленска...

Глава вторая

В палату вошел молодой красноармеец и предложил старику сбрить бороду. Дед, хмыкнув, улыбнулся:

— Она мне, сынок, еще пригодится.

— Морока с ней, товарищ партизан. Да и главврач приказал. Он у нас строгий...

— Строгий? Подстриги тогда Филиппку. Можешь наголо.

— Я не хочу наголо, деда Федя.

— Видишь. И Филиппка против. Может быть, Мишку? Миша, ты как чувствуешь себя? Ничего. Крепись. На живом, родной ты мой человек, все заживет.

— Перед эвакуацией вас приказали всех постричь,— не унимался красноармеец.

— Ты лучше скажи, милок, куда нас повезут? — все так же полушутя-полусерьезно спросил Федор Архипович.

— В тыл. От войны подальше.

— Теперь, милок, везде война... А мы, может быть, и не поедем. Подлечимся здесь и назад... Филиппка!

— Чево, деда Федя?

— Как ты, внук, думаешь: мы в долгу перед карателями?

— В долгу.

— Вот и я думаю, в долгу. А долг платежом красен.

Мишка тихо застонал.

— Больно, Миша?

У Филиппки рана оказалась пустяковая. Правда, он плохо перенес полет. Но сейчас отлежался. Миша чувствовал себя неважно. Температура у него не снижалась. Федор Архипович бодрился, хотя до выздоровления ему было еще далеко. Но эвакуироваться никому не хотелось.

Лежа на койке в прифронтовом госпитале, Федор Архипович все время возвращался в мыслях к прошлому. Он потер лоб. Все в голове перемешалось. «А ведь увезут нас теперь в тыл, увезут»,— подумал он, глядя то на Филиппку, то на Мишку, то на красноармейца, в нерешительности остановившегося у его постели с ножницами и машинкой в руках.

ЛИСТОВКИ

Осенняя темень. Подслеповатые окна тускло освещают дорогу, изрезанную колесами телег. Федор идет, немного пошатываясь, что-то напевая себе под нос. Иногда он останавливается, оглядывается назад, прислушивается. И вдруг ловко перемахивает через забор. В темноте по огородам пробирается к знакомому дому, где по вечерам тайно собираются екатеринославские социал-демократы.

Вчера Федор с Григорием, молодым энергичным парнем (он старше Федора всего на три года), печатали прокламации. Им было поручено подыскать надежное место для тайного хранения печатного станка. Место они нашли укромное. Установили печатный станок. Не поспали ночь, и вот сегодня Федор шагает в хорошем настроении. У него — свежие прокламации.

Федору вспоминается, как год назад встретился он в Екатеринославе с дядей Васей. Мать послала в город за покупками. Был воскресный день. На базаре Федор не столько думал о покупках, сколько глазел на шумную и говорливую публику. Среди толпы он заметил знакомого бородача. Быстро пробрался к нему и тронул за рукав:

— Здравствуйте, дядя Вася!

— Здравствуй! День ясный! Что-то не признаю я тебя...

Бородатый мужчина долго оглядывал крепкого юношу. Прищурившись, он потер пальцами лоб, силясь вспомнить, откуда этот юноша знает его как дядю Васю.

— Чей же ты будешь, хлопец?

— Да Федька я, дядя Вася, Федька Мельников, аль запамятовали? Помните, как тятьку хоронили...

— Федька? Да неужто ты вымахал в такого парнягу? Ну-ка, ну-ка, дай на тебя посмотреть,— он повернул Федьку, как бы оценивая его статность.

Они вышли на улицу. Заглянули в трактир. Облюбовали свободный столик. Тут Федька и рассказал дяде Васе, как сидел в тюрьме, как потом, когда его выгнали оттуда, устроился в деревне подпаском и что теперь уже работает пастухом.

Дядя Вася отлично знал, что Федькино молчание спасло от ареста многих товарищей, и решил снова привлечь его к подпольной работе.

— Тебе скоро восемнадцать лет, Федор? — начал он издалека.

— Восемнадцать...

— На завод не думаешь поступать?

— Надо бы.

— Как мать себя чувствует?

— Мать ничего.

— А ребятишки?

— Подросли.

— Тогда приходи на завод, устроиться поможем.

— Вот сезон закончу и приду.

— Читать-то не разучился?

— Что вы! Сколько книг прочел. Учитель мне дает их.

— И все, поди, про любовь?

Федор застеснялся, пробубнил что-то невнятное, а потом коротко ответил:

— Всякие.

Из трактира они вышли друзьями.

— Город не забывай, через недельку зайдешь вот по этому адресу,— Василий Егорович показал на дом,— первый этаж, вторая квартира. Спросишь дядю Васю. Тебе ответят: «Здесь такой не живет». Ты скажи: «Посылку он должен был оставить для Федора». Запомнил?

— Запомнил.

Они пожали друг другу руки и разошлись. После этой встречи Федор зачастил в город. Теперь он читал иные книги и уже основательно познакомился с политической литературой, а «Коммунистический манифест» почти наизусть выучил.

Лето, как назло, тянулось долго. Как только скот перестали выгонять на пастбище, Федор собрал свои скудные пожитки и отправился в Екатеринослав. Осенью он трудился уже на заводе. В шумном, грязном цехе, в том самом, где когда-то работали его отец и брат Сергей, Федор числился теперь учеником слесаря. После четырех лет, проведенных среди лугов, большей частью почти в одиночестве (с коровами много не поговоришь), он стал замкнутым и сдержанным. И хотя цех первое время не нравился ему — в поле было куда вольготнее, сам себе хозяин, все же в цехе кругом были люди, которые стали ему хорошими друзьями. И с работы он часто шел рядом с дядей Васей.

— Приходи, Федор, сегодня на чай,— тихо говорил ему дядя Вася.

У Василия Егоровича Федор и встретился с Григорием. Вначале они долго провозились с печатным станком, и хотя Федор мало спал в ту ночь, был в прекрасном

настроении. Он нес листовки, которые впервые отпечатали они с Григорием.

Подошел к дому. Постучал в не закрытое ставней светящееся окно. Женщина, возившаяся у печки, взяла со стола лампу и вышла. Значит, все в порядке! Он два раза стукнул в ставень окна, второго от угла, и остановился у двери. Ему открыл сам дядя Вася.

— Заждались тебя! — сказал он и потянул Федора за рукав в комнату.

— Здравствуй, дядя Вася.

— Идем, идем, быстрей!

Только вошли, Федор передал мужчине листовки. Тот поспешно развернул пачку и торопливо поднес белый листок к лицу, втянул в себя еле ощутимый запах типографской краски.

Федор смотрел на сияющего Григория. Кто-кто, а он-то знал, как мучительно долго возился тот, пока не написал текст. Потом этот текст обсуждали с дядей Васей и другими рабочими, а когда все согласились, что получилось как раз то, что надо, Федор и Григорий набрали его, смазали шрифт типографской краской и, осторожно отпечатав первую листовку, сразу стали читать.

— Здорово, Гришка, получилось! Головастый ты, черт! — похвалил Федор. Уж больно понравился ему текст, правильно, очень правильно в листовке писалось о хозяевах.

— Какое там. Здесь моего, Федя, ни строчки почти нет — все из Маркса!

— Все равно здорово! Я бы так ни в жизнь не написал...

Они начали печатать. Работа спорилась: один подкладывал чистые листы бумаги, другой опускал пресс, и через два часа стопка листовок была готова. Здесь же решили и заночевать. А утром, еще не забрезжил рассвет, разошлись по домам, а там и на работу пора.

Федора сразу же утром проведал дядя Вася, видно было, что ему не терпелось узнать, как дела. Он прошел мимо верстака, за которым работал Федор, но ничего не сказал. По тому, как блестели счастливые глаза Федора, он понял — все отлично.

— Сейчас бы этот листик наклеить на дверь его превосходительства, а? Знай, мол, наших,— не вытерпел Федор.

— Ты что? С ума сошел? — испугался дядя Вася.— Ни в коем случае! Эти прокламации напечатаны не для того, чтобы злить жандармов. Нам нужно сделать все, чтобы об их существовании жандармы как можно дольше не подозревали! Самое главное, чтобы каждое напечатанное в них слово запало в душу рабочего. А удаль свою побереги для других времен.

— Так я же...

— Ладно, ладно,— дядя Вася дружески обнял Федора.

— Дядя Вася прав,— тихо сказал Григорий.— Наша борьба только начинается. Всему свое время. Необходимо открыть рабочим глаза, помочь понять, что они — сила!

Дядя Вася подошел к Григорию.

— Светлая у тебя голова, Гришка,— сказав это, он сунул ему прокламацию.— Читай. Послушаем, что ты здесь сочинил.

Все подвинулись ближе к столу.

Григорий начал читать. Читал он полушепотом, но четко и ясно. Каждое его слово доходило до сердца, было понятно и близко слушателям.

Федор во все глаза смотрел на друга и гордился им. Тогда он не знал еще и не мог представить себе, что слова прокламаций, отпечатанных такими же, как и они, революционерами в Петербурге, в Москве, в Иванове и здесь, в Екатеринославе, как свежий ветер свободы, перерастут в бурю народного негодования,

которая навсегда сметет с родной земли деспотизм и вековую несправедливость.

Пока лишь несколько человек в тесной комнатке жадно вслушивались в слова прокламации. Завтра их тайно будут передавать друг другу рабочие.

Глава третья

Санитарный поезд шел на восток. Уже не слышалось орудийных выстрелов, взрывов снарядов, пулеметной скороговорки, и воздух был очищен внезапно налетевшей грозой. Дождь умыл листву на иссеченных осколками деревьях (дорогу часто бомбили), ветерок заносил в открытые окна вагона утреннюю свежесть.

Федор Архипович занимал купе вместе со своими ребятами. Филиппка очень обрадовался, что ему досталась вторая полка над Мишкой.

Родился он в лесном селе, далеко от железной дороги. О поездах он только слышал, да и видел их лишь издалека, когда они вместе с Федором Архиповичем ходили в город на разведку.

Сейчас, лежа на животе, он смотрел на пробегающий за окном вагона лес. Мишке, может быть, и не так интересно, как ему, он все же городской, из Ленинграда. Приехал на летние каникулы, да так и задержался на Смоленщине.

С Федором Архиповичем ребята познакомились в самое тяжелое время, в сорок первом, почти год назад. Филиппка был тоненький, светловолосый мальчуган в синей рубашонке, свисающей с худеньких плеч. Мишка постарше своего приятеля года на два. Парень смышленый, бойкий. Если в Филиппкиных глазах светилась кротость, то в Мишкиных — дерзость и вызов: мол, мы еще сами посмотрим, на что ты способен, старик?

Мишке старик не понравился. Он подумал: «Откуда этот бородач появился в селе? Уж не с немцем ли прибыл? То-то у Сотниковых начальство остановилось».

А встретились они на реке. Старик сидел на берегу в зарослях кустарника и рыбачил сразу на две удочки.

Внимательно посмотрев на Филиппку, Федор Архипович после странной, как показалось ребятам, беседы тогда спросил:

— В лесу не заблудишься?

Филиппка надулся, не хотелось даже отвечать этому бородачу на такие вопросы.

— Молчит,— только и сказал старик, обращаясь к Мишке: — Стрелять умеешь?

— Умею,— небрежно бросил Мишка и добавил: — Из ППД, из ППШ, из винтовок, из немецкого шмайсера...

— По-немецки балакаешь?

— Зачем мне немецкий?

— Так,— вздохнул старик и покачал головой.

«Ты, Архипович, не спеши с решением, внимательнее приглядись к ребятам»,— упрекнул он себя и так посмотрел на Филиппку и Мишку, что они поняли: а бородач этот, видно, не зря с удочками сидит.

«Он что, дед, с ума сошел? Да мы с Филиппкой проберемся туда, куда никому не проникнуть, а он еще дразнится»,— Мишка шмыгнул носом и теранул по верхней губе рукавом. Обидел старик его, до слез обидел. Сам ни одной рыбешки не поймал, а их пытает, как маленьких.

Теперь, в санитарном поезде, Филиппка подумал: «А ты еще, деда Федя, не верил в нас, эх ты, деда Федя. Но мы еще с фашистами рассчитаемся. Вот только раны подживут, и мы фрицам покажем, где раки зимуют...»

А Федор Архипович под перестук колес погрузился в воспоминания.

БРОНЕНОСЕЦ «КНЯЗЬ ПОТЕМКИН-ТАВРИЧЕСКИЙ»

1901 год встретил Федора Мельникова севастопольскими казармами. Полгода он утрамбовывал плац подошвами матросских ботинок, а затем был направлен на учебное судно «Чесма» и только потом, уже кочегаром, вместе с другими матросами отдал честь флагу броненосца «Екатерина II».

— Послужим на матушке-царице! — усмехнулся Мельников и подмигнул товарищам.

Мичман, который сопровождал моряков, зло посмотрел на матроса и зашагал навстречу дежурному офицеру, чтобы доложить о прибытии на корабль группы специалистов для дальнейшего прохождения службы.

На броненосце Мельников неожиданно встретил офицера, знакомого еще по «Чесме». Как-то в кочегарке, во время вахты, инженер-механик отобрал у матроса запрещенную книгу, но начальству не доложил — прочитал и вернул. А затем пригласил подчиненного к себе в каюту. Заметив у офицера много книг, Федор удивился:

— У вас, господин инженер, тут целая библиотека! — ахнул он, совершенно забыв, что его вызвали из-за запрещенной книги.

— Интересуешься книгами? — спросил офицер, вставая, и в глазах его Мельников не уловил неприязни, скорее наоборот — любопытство и удивление. И Мельников, чтобы опередить офицера, не дать ему выплеснуть в глаза подчиненного строгость и непримиримость к тем, кто нарушает указания начальства, спросил:

— Хотелось бы, господин инженер, почитать что-нибудь по своей специальности.

Коваленко подал Федору книгу и спросил:

— А грамоте где выучился?

— Это длинная история, господин инженер. Нашлись добрые люди, выучили.

— О каком это призраке, который бродит по Европе, ты объяснял матросам?

Федор улыбнулся:

— Это стихи, господин инженер.

— Сти-хи-и-и?

— Да,— бойко ответил Федор, а в голове вертелся вопрос, беспокойный, настойчивый: «Неужели, гад, подслушал, как я матросам «Коммунистический манифест» читал?»

— Выходит, ты стихами увлекаешься? Ну и кого же ты любишь из поэтов?

— Многих.

— А конкретно?

Федор стал вспоминать фамилии поэтов, книги которых он брал у деревенского учителя, когда работал пастухом, но никак не мог вспомнить и сейчас ругал себя, что не обращал внимания на это. Он лукаво, с какой-то наивной небрежностью посматривал на своего начальника и молчал.

— Ну? — не дождавшись ответа, спросил Коваленко.— А какие, к примеру, книги приходилось тебе читать?

— Всякие! — неопределенно буркнул Федор.

— И, конечно, Das Kommunist?

— Не пойму, о чем это вы, господин инженер? Не по-нашенскому вроде?

Коваленко припомнил первую строку из «Коммунистического манифеста», который он читал еще в институте, и процитировал ее по-немецки:

— Ein Gespenst geht um in Europa — das Gespenst das Kommunismus.

Федор смотрел на Коваленко, широко раскрыв глаза, шмыгнул носом и — с улыбкой:

— О чем это вы, господин инженер?

— Не притворяйся, Мельников, это «Коммунистический манифест». Я прошу тебя, достань мне эту книгу, хотя бы на один вечер.

— Нет у меня такой книги.

— Ты опасаешься, Федор? — Коваленко назвал матроса по имени.

— Нет, господин инженер. Но у меня действительно нет этой книги.

— Но я же слышал, как ты читал ее матросам.

Федор вздохнул, потер руки, хотел сказать Коваленко, что «Коммунистический манифест» он выучил на память, еще живя в Екатеринославе, но коротко ответил:

— Нет ее у меня, господин инженер.

— Ну что же, на нет и суда нет. Книгу возьми. Если что будет неясно, приходи, не стесняйся, объясню. А что интересуешься техникой — похвально!

— Спасибо, господин инженер.

Мельников вышел от Коваленко озадаченным. «Неужели провоцирует?» — думал он, хотя никаких оснований не верить инженеру у него не было.

И вот теперь они снова вместе. Коваленко не угодил на «Чесме» начальству, и его с учебного судна списали на боевой корабль. На броненосце Федор встречался с инженером реже, но он был доволен, что на корабле есть знакомый человек, с которым можно поговорить по душам на любые темы. А Коваленко любил матросов, никогда не кричал, умел толково объяснить непонятное, если к нему обращались с вопросом. С Федором они разговаривали теперь только в кочегарке.

Однажды Мельникова неожиданно посадили в карцер за то, что в беседе с матросами он нелестно высказывался о царе-батюшке, хотя Коваленко все время предупреждал его об осторожности. «Неужели среди

нашего брата-матроса есть доносчики?» — думал Федор, а в карцере у него для этого времени было предостаточно.

Один он сидел недолго (свято место пусто не бывает) — стали коротать время вдвоем. А когда отсидели срок, дружок по карцеру пригласил его в увольнение. В город они пошли втроем: пристал к ним веселый парень, никогда не расстающийся с гитарой, москвич Александр Петров. Он шел между матросами и, наигрывая что-то цыганское, тихо подпевал звонким голосом. За городом к ним присоединились еще трое: два матроса и девушка.

— Привет, братва! — окликнули они троицу с гитарой.

— А, Ваня! — удивился Петров.— Знакомьтесь. Это мои товарищи.

— Мельников,— представился Федор, пожимая девушке и матросам руки. Те тоже представились:

— Музыкантова.

— Яхновский.

— Матюшенко.

Подошли к берегу. Уселись у самого прибоя. Петров трогал струны гитары. Матюшенко наблюдал за чайками, как те бросались к зеленоватой волне, и молчал. Музыкантова украдкой поглядывала на Федора и его друзей. Яхновский закурил и протянул руку девушке: та подала ему небольшую книгу.

— Дела, братишки, такие творятся на белом свете: забастовки, стачки и прочее. Но это вам и так известно. Я вам лучше прочту вот это...

Яхновский раскрыл книгу и начал читать. Все внимательно слушали его, посматривали по сторонам. Лишь Петров продолжал тихо играть на гитаре.

Федор слушал и думал о том, что слишком уж сразу поверили они ему. А ведь за чтение таких книг, если узнает начальство, по головке не погладят. Надо

быть осторожнее. Царская охранка, конечно же, засылает в матросскую среду своих наушников. Но Федор не мог даже и предположить, что на флоте существует крепкая группа социал-демократов, во главе которой стоит его новый знакомый матрос Иван Яхновский. С этого дня для Федора Мельникова началась активная тайная работа среди матросов. И все чаще и чаще стали появляться в кубриках прокламации, листовки, запрещенные книги.

Как-то в кочегарку спустился инженер Коваленко и остановился около Федора:

— Предупреди ребят: сегодня или завтра на корабле будет обыск. Всю запрещенную литературу нужно спрятать понадежнее.

— Хорошо, господин инженер...

— Если что, можете передать мне.

И опять задумался Мельников: с одной стороны, не может инженер-механик стоять в одном ряду с матросами и идти против царских порядков, а с другой стороны, он давно бы мог выдать его. А обыск действительно состоялся. Только ничего запрещенного царские ищейки не нашли.

Однако после обыска на кораблях началась чистка — все командиры спешили списать политически неблагонадежных моряков на берег. Был списан на берег и кочегар Мельников. Неделю его держали в казарме, но, как специалиста, вскоре направили на новейший трехтрубный бронированный богатырь, самый мощный корабль Черноморского флота, на носовой части которого золотом горело: «Князь Потемкин-Таврический».

В воскресенье утром командир броненосца капитан первого ранга Голиков, щупленький, в белом мундире, встречал у трапа главного командира флота вице-адмирала Чухнина, который изъявил желание присутствовать на первом молебне.

На броненосце адмирал осмотрел несколько боевых постов, разговаривал с кондукторами.

После обеда Чухнин соизволил сфотографироваться с командой и покинул корабль навеселе.

Командир броненосца, проводив высокое начальство, пребывал в отличном настроении. Перед сном он принял душ и, завалившись в постель, решил почитать.

В дверь постучали. Старший офицер Гиляровский вошел бледный.

— Прошу прощения, ваше благородие,— и подал командиру прокламацию.

Голиков побагровел.

— Никого с корабля на берег не пускать! — закричал он.— Это черт знает что такое! Всех, кто был в городе,— на заметку!

Но, несмотря на тщательную проверку возвращающихся с берега моряков, на броненосце то и дело находили листовки. Но как они попадали на корабль, начальство так и не узнало.

Социал-демократов на корабле было немного. Григорий Вакуленчук как руководитель социал-демократической организации на «Потемкине» поставил задачу: как можно лучше осваивать специальность — революции нужны квалифицированные кадры военных специалистов; завоевывать авторитет среди личного состава, в основном среди матросов, и, конечно же, строжайшая конспирация. Григорий обращал внимание и на отношение к новичкам. Команда броненосца все время пополнялась. Среди новичков немало было хороших ребят, но попадались и провокаторы, следовательно, необходимо было всячески «прощупывать» прибывающих, держать ухо востро. И все же, когда Афанасий Матюшенко с товарищами возвращался однажды с берега, где участвовал в митинге, его выдали. Хорошо, что у него ничего при обыске не нашли, да и был он на отличном счету у начальства.

Командир броненосца вскоре запретил увольнения, корабль готовился к длительному походу. Беспокоило Голикова и то, что броненосец никак не может вступить в строй действующих кораблей. Заводские рабочие, находящиеся на корабле, раздражали его.

Однажды ночью вахтенный офицер задержал нетчика, которого доставила к броненосцу какая-то лодчонка. Кочегара второй статьи Мельникова привели к старшему офицеру.

— Ты что же это, подлец! Устава не знаешь? Где был?

— Устав знаю, господин старший офицер. Уставом не запрещено ночью выйти на верхнюю палубу, подышать свежим воздухом,— без стеснения врал Мельников.

— Молчать! Подлец!

— Есть, молчать!

— Я тебе подышу! — офицер поднес к его носу кулак и закричал: — Обыскать!

Два кондуктора стали ощупывать Федора.

«Пропал»,— мелькнула мысль. К ногам Федора было привязано по брошюре, полученных от Музыкантовой. Но гроза миновала: сверхсрочники не догадались прощупать носки, хотя и заставили снять ботинки.

Вечером Матюшенко успел шепнуть Вакуленчуку о событиях в Одессе и подал брошюры, которые из карцера передал ему Мельников.

— Дела, Гриша, заворачиваются веселые!

— Да. Но как теперь будем связь держать с берегом и с кораблями?

— Надо что-то придумать.

— Хорошо, что у Федора ничего не нашли.

— Придется искать другого человека. С самоволкой надо кончать. Больше рисковать товарищами нельзя.

Они курили на юте и были довольны тем, что дела идут пока хорошо. Команда точно пороховая бочка: искра — и взрыв. Да и на других судах революционные идеи крепко запали в сердца моряков. Жаль, что руководитель черноморской социал-демократической организации матрос Иван Яхновский и другие товарищи арестованы. Но дело, которое они начали, живет, несмотря на то, что командование Черноморского флота стремилось теперь держать корабли как можно дальше от берега.

Из карцера Федора Мельникова освободили досрочно.

12 июня 1905 года броненосец «Князь Потемкин-Таврический» поднял пары и взял курс к острову Тендр, где намечались неплановые тренировочные стрельбы.

Ветер бросал крупные волны на бронированные борта корабля, засыпал брызгами бак и качал корабль так, что командир вынужден был отменить стрельбы. Огромные якоря плюхнулись в темно-зеленую пучину, и капитан первого ранга Голиков перекрестился:

— Слава богу! Подальше от берега спокойнее!

Глава четвертая

Борода старика как бы горела в солнечном свете. Филиппка провел рукой по своей стриженной под машинку голове. Мишка тоже был подстрижен наголо. Он показался Филиппке смешным: уши большие, лицо смуглое, загорелое, а голова белая, будто ее специально чем-то намазали.

Старик и Мишка сразу же подняли на него глаза. Федор Архипович улыбнулся:

— Проснулся? Тебя, Филиппка, и не узнать теперь. Настоящий боец Красной Армии! Поздравь Мишку: температура у него сегодня нормальная. Так что поря-

док. Посмотри в окошко: красота! И тогда, в сорок первом, когда ехал я к фронту, погода стояла почти такая же: солнце и дождик. Правда, время было другое. Злое было время...

Федор Архипович вспомнил, как 3 июля, сразу же после выступления по радио Председателя Государственного Комитета Обороны, стал собираться в дорогу. С первого дня войны он ходил в военкомат с просьбой отправить его на фронт или, в крайнем случае, взять в армию, чтобы помогать стране в эти тяжелые дни своим посильным трудом, но получал отказ. А враг оказался не таким простым, как думалось вначале. Неужели он, Федор Мельников, человек с опытом партизанской борьбы, будет сидеть без дела. Нет! Не таков он, бывший моряк, политкаторжанин и красный партизан. Да и Матрена знала, что не усидит он в такое время без дела, а дело для всех было одно — война!

И этот день пришел: Федор Архипович уезжал на Смоленщину. Секретарем в райкоме партии работал верный товарищ. Вместе в больнице на излечении лежали, в одной палате не один месяц дни коротали. А перед войной заезжал он в Москву навестить старика. Алексей Васильевич пострадал тогда от кулацких пуль, с тех пор немало лет прошло, но годы почти не изменили его, хотя какие у него годы — молодой еще.

Теперь, когда в газетах пишут о развертывании партизанского движения в тылу вражеских войск, Федор Архипович понял, что руководят этим делом партийные организации на местах. И решил не писать Алексею Васильевичу, а сегодня же взять билет, а если что, то и «зайцем» выехать навстречу фронту. Вскоре стало ясно, что враг невероятно силен, что война будет затяжной, и если так серьезно поставлен вопрос о партизанском движении, то, возможно, противника не удастся остановить и в районе Смоленска. Предчувствие не обмануло Федора Архиповича.

Теперь со своими юными друзьями он едет на восток. Мальцы пошли на поправку. Через месячишко, глядишь, выпишут из госпиталя. Но стало закрадываться сомнение: удастся ли снова вернуться в партизанский отряд. Ребят учиться определят, а ему? Все шло гладко и на тебе... Осторожным стал фашист. Сбили с него спесь. В каждом старике, в каждом мальце партизана видит. А ребята оказались боевыми. Лучших помощников не найти. Из-под носа у фашистов уходили...

Федор Архипович смотрит, как осторожно Филиппка спускается с полки

«Смешной стал мальчишка. И зачем было наголо подстригаться? Совсем ребенок. Да-а-а,— вздыхает старик,— чудом живы остались. Чудом... Ничего, скоро дорогой ценой заплатит нам фашист, за все заплатит...»

Перед глазами, едва бросил взгляд в окно, замелькали перелески.

Жаль, что приходится ехать ему в тыл. Видно — отвоевался.

Вчера старик отправил первое письмо домой. Написал, что теперь будет извещать о себе чаще, хотя адреса обратного пока нет. Заныло сердце: как-то там дома?

А за окном мелькали то зеленый ельник, посаженный у железной дороги для снегозадержания, то чудом уцелевшие в деревне два-три дома, то разбитые вагоны и паровозы. И еще бросилось в глаза то, что не пасутся, как бывало, на лугах стада коров, овец, не видно сельских жителей. Это навевало тяжелые мысли: земля, опаленная войной, еще не скоро залечит свои раны. И опять наплыли воспоминания о службе на легендарном броненосце, о тех, с кем вместе пришлось пережить те незабываемые героические дни.

ВОССТАНИЕ

В тот раз Федор лег спать поздно: засиделся с матросами на баке. Ребята на корабле подобрались что надо! Жаль, что Сашки Петрова нет. Если бы были на корабле Петров, Черный, Адаменко, Титов... А что за человек инженер-механик Коваленко? Матросы — это пролетариат, а он? Если бы на всех кораблях были бы такие люди, как на «Потемкине»... Тогда можно смело сказать, что восстание не за горой. Чует, видно, и начальство: все корабли разогнали по Черному морю. Ну ничего, ничего...

Федору вспомнился разговор с Афанасием. Еще при первом знакомстве Матюшенко рассказывал ему про свое село Дергачи.

— Звали меня, Федь, Опанасом. Теперь скоро в унтеры выбьюсь. И мы, хохлы, не лыком шиты!

Серые глаза Афанасия блеснули усмешкой.

— Я сейчас, Федь, о наших адмиралах почитываю. Добрые моряки были. Спиридов — это тот, который в Чесменском заливе турок разгромил! Ушаков — такие, видно, перевелись! А Нахимов, Корнилов?! Чухнин — болотный адмирал. Ничего. Скоро мы его благородию... Каждый революционер должен знать морскую тактику и стратегию. После церковноприходской трудно эта наука усваивается. Ты с Коваленко, с инженером-механиком, в дружбе, может, у него подобные книжонки имеются? Поспрошай. Маловато, понимаешь ли, грамотных матросов у нас. Особо среди наших. Вакуленчук? Макаров? Шестидесятый? Нет у нас ведь своего адмирала. Вот в чем беда. А он нам — вот как нужен! — и резанул ладонью по горлу...

Федор не заметил, как уснул, а рано утром, до подъема, колокол громкого боя сорвал моряков с коек.

Перед завтраком в кубрик проник разговор о червях.

Федор с матросами побежал на ют, где висело приготовленное для обеда мясо.

— Неужели они думают из этой гнили готовить борщ и котлетки?

— А коку что? Сготовит — будешь лопать да похваливать!

— Якорь тебе в глотку! Пусть жрет командир!

Заметив Матюшенко, Федор подошел к другу, но здесь к нему подбежал кто-то из комендоров.

— Видел, Опанас?

— Видел.

— Да-а-а... Я пошел к Григорию Вакуленчуку. Едва ли моряки будут обедать.

И он зашагал в сторону шкафута, не закончив разговор.

Море несколько успокоилось. Но ветер все еще курчавил седину на гребнях волн: ни штиль, ни шторм. Погода нравилась морякам. В ясные дни, когда солнце палит с зенита и накаляет железо, дышать нечем не только в кочегарке, но и на палубе. Хочется броситься за борт, освежиться, но это можно сделать только мысленно. Хотя корабль стоит на якоре, но не за этим увел Голиков крейсер к Тендровскому заливу, чтобы устроить для моряков купание в Черном море.

— Боятся они нас,— сказал Мельников приятелям,— если бы действительно намечались стрельбы — в такую погоду только и стрелять. Или наши адмиралы думают воевать лишь в штиль?

— Помалкивал бы ты, Федя...

— Полундра!

По палубе шагал боцман Мурзак. Он бросил на матросов суровый взгляд:

— Чего собрались?

— К начальству спешите, боцман? — вместо ответа спросил Матюшенко.

— Да... Черт бы вас побрал! Не служится спокойно! Беда с вами!

И он снова быстро зашагал в сторону командирской каюты. Там уже находился старший помощник. Он докладывал командиру о том, что команда отказывается есть борщ. Голиков, ничего не понимая, поднял на старшего помощника удивленные глаза:

— Мясо только вчера доставлено на судно,— и бросил взгляд в сторону боцмана.

— Да, ваше благородие. Но в мясе действительно черви,— смело доложил боцман.

Старший офицер стоял перед командиром руки по швам, растерянно смотрел и ждал, что предпримет начальство.

— Черви?! — с дрожью в голосе переспросил Голиков, и глаза его сузились и потемнели.

Голиков прошелся по каюте и сел у стола.

Он думал о том, как угасить бунт. Как сделать так, чтобы об этом происшествии не узнали в Севастополе. Но он не надеялся на господ офицеров, они способны на все. Слух непременно дойдет до Севастополя.

Командир резко встал и приказал:

— Боцман, полковника Смирнова и мичмана Макарова ко мне!

...Прибыли судовой врач полковник Смирнов и мичман Макаров, доставивший на корабль мясо. Выслушав мичмана, Голиков резко спросил врача:

— Что вы предприняли, чтобы скрыть происшествие?

— Я приказал червей смыть уксусом, добавить в борщ жиров, и, уверяю вас, борщ получился прекрасный!

— Но команда отказывается принимать пищу, ваше благородие,— заметил старший помощник.

Голиков вскипел:

— Построить команду!

Когда Федор бежал на построение, то подумал о том, что наконец-то матросов задело за живое, теперь они будут стоять на своем до конца. Нашла коса на камень! Он увидел Матюшенко и тихо спросил:

— Что будем делать, Опанас?

— Держаться! — подмигнул Матюшенко.

Вакуленчук тоже радовался, что долгому матросскому терпению пришел конец.

— Осенью, ребята, должно совершиться! — твердо заверял он своих товарищей на тайных заседаниях.

О подготовке восстания говорил и председатель Черноморского комитета РСДРП матрос Иван Яхновский:

— Придет, братки, скоро такое время, когда не только флот, но и вся Россия будет наша, народная!

Когда команда построилась на юте, кок на серебряном подносе принес миску с борщом, и полковник Смирнов, осмотрев его, взял холеной рукой тяжелую ложку. Перед тем как попробовать борщ, он посмотрел на злое лицо командира и, зачерпнув из миски немного жижи, поднес ложку ко рту и снял пробу, потом промокнул губы платочком и, не спуская с командира глаз, громко, чтобы слышали все, доложил:

— Чудесный борщ, ваше благородие!

Голиков обвел матросов уничтожающим взглядом и, выбросив руку в сторону мачты, закричал:

— Вы забыли, что бунтовщиков вешали на ноке? Я сейчас же прикажу бутылку с борщом отправить к военному прокурору в Севастополь, и вы отлично знаете, что будет тогда с вами...

Он приказал всем, кто согласен есть борщ, немедленно сделать два шага вперед. Кроме нескольких человек из новобранцев, никто не шелохнулся. Второй и третий раз прозвучала угрожающая команда, но матросы словно окаменели. Еле сдерживая ярость, командир приказал вызвать караул и заставить матросов

повиноваться силой оружия. Прибыла вооруженная команда. Между офицерами и матросами вырос частокол из вороненой стали.

— Вы что, бунтовать?! — рассвирепел командир.— Я — приказываю!..

— Жрите сами! — сквозь зубы процедил кто-то из задних рядов.

Лицо командира броненосца стало белым, как его китель, он прошелся вдоль матросских рядов, заглядывая в глаза подчиненных негодующим взглядом — матросы заволновались. Какой-то внутренний страх качнул сначала новобранцев, они по-одному стали перебегать к двенадцатидюймовой орудийной башне, а за ними потянулись и другие. Заметив, что единство матросов дрогнуло, Голиков понял — упустить инициативу нельзя, и закричал еще сильнее:

— Принести брезент! Я найду на бунтовщиков управу!

Вооруженный караул предупреждающе лязгнул затворами. Брезент белым саваном набросили на группу матросов, стоящих с краю.

Наступила невыносимо длинная минута. Вакуленчук посмотрел на товарищей. «Надо действовать, иначе будет поздно!» — эта мысль точно обожгла Григория Вакуленчука. А из-под брезента кричали:

— Братцы, не стреляйте!

— Своих убьете, товарищи!

Под брезентом билась обреченная кучка людей, пытаясь сбросить страшное покрывало.

— Внимание,— закричал уже Гиляровский, обращаясь к караулу и стараясь своим твердым голосом подействовать устрашающе на взбунтовавшуюся команду,— по брезенту...

В этот момент из строя шагнул Григорий Вакуленчук. Он вскинул руку, будто преграждая ею смерть, и грозно закричал:

— Товарищи, опомнитесь! В кого вы хотите стрелять!

— Огонь! — скомандовал Гиляровский.

Выстрелов не последовало.

«А! Так вот кто здесь мутит воду!» — догадался старший офицер и, выхватив пистолет, почти в упор выстрелил два раза в Вакуленчука.

Когда Афанасий Матюшенко увидел сраженного пулей друга, он подскочил к кондуктору, с силой вырвал из его рук винтовку, и не успел Гиляровский нажать спусковой крючок, чтобы предупредить выстрел Матюшенко, палуба рухнула под старшим офицером и, коротко вскрикнув, он упал к матросским ногам.

— Бей драконов!—заорал Афанасий.— К оружию, матросы!

— Долой тиранов! — прозвучал призыв Матюшенко. Загудела палуба. Полетело за борт тело старшего офицера. Стали прыгать в море перепуганные офицеры, ища там спасение от матросской мести.

Федор увидел, как из кают-компании выскочили Коваленко и Зауткевич, инженер с Путиловского завода. Они тоже, прыгнув за борт, поплыли к мишеням.

— Не стреляйте, братцы, это же Коваленко,— крикнул Федор.

За инженер-механиком спустили шлюпку.

— Где командир? — громко спросил Матюшенко Мельникова.

Кто-то крикнул, что видел, как он побежал к себе в каюту.

— Тащи его на палубу!

— Судить его!

Жалкого, трясущегося командира выволокли на верхнюю палубу.

— Смерть дракону! — закричали потемкинцы.

Серов поднял винтовку и выстрелил.

На «Потемкине» команда высыпала на митинг. Открытым голосованием избрали судовую комиссию, назначили командиром корабля прапорщика Алексеева, а старшим офицером — боцмана Мурзака. Председателем судовой комиссии стал социал-демократ Афанасий Матюшенко.

Так минный машинист Матюшенко, сын харьковского крестьянина-сапожника, в двадцать шесть лет стал во главе восставшего броненосца. С 1900 года он служил на флоте, в 1903 году вошел в социал-демократическую организацию. Физически сильный, волевой, бесстрашный, всем сердцем ненавидящий царизм — таким Матюшенко оставался до конца своей жизни. Став руководителем восстания, он отдал для революции всего себя без остатка.

В тот день на всех боевых постах команда несла вахту особенно старательно. Все приказания с мостика выполнялись быстро и точно.

Федор Мельников стоял на вахте в кочегарке. Его удивляло то, что впервые матросы ни одной минуты не бездельничали. Кто следил за паром в котлах, кто драил механизмы. Да, теперь моряки чувствовали, что корабль для них не только свободная территория, но и их надежда. А свою свободу они так легко не уступят!

Одесса встретила революционный корабль восторженно. Народ появился на набережной сразу же. Все с удивлением смотрели на «Потемкин», идущий под красным флагом.

Едва плюхнулись в воду якоря броненосца, как прозвучала команда спустить катер.

Григория положили на носилки. Федор и еще трое моряков вынесли тело своего руководителя на верхнюю палубу.

Катер подошел к парадному трапу. Перед тем как спустить носилки с Вакуленчуком в катер, с товарищем

пришли проститься моряки. В почетный караул стали члены судовой комиссии.

Федор положил на ноги мертвого друга заранее заготовленный плакат: «Один за всех, все за одного». Этот красный плакат со старейшей матросской заповедью было решено повесить над палаткой, там, на берегу, в которой будет лежать тело моряка.

Первым к Григорию подошел Афанасий. Он снял бескозырку, опустился на правое колено и поцеловал друга в лоб. Потом, помедлив немного, встал и, не надевая бескозырки, громко сказал:

— Прощай, Григорий. Мы клянемся тебе, что выполним свой революционный долг до конца. Наше дело верное. Свобода или смерть!

Он стал у изголовья рядом с членами судовой комиссии.

Матросы, обнажив головы, молча прошли мимо тела убитого друга. Затем команду построили по борту.

Федор с товарищами подняли носилки и перенесли тело Вакуленчука в катер. Под музыку траурного марша катер отвалил от борта броненосца.

На Новом Молу катер встретили сотни портовых рабочих. Вместе с рабочими моряки построили палатку и поставили туда носилки с убитым моряком. Над палаткой Федор прикрепил плакат со словами: «Один за всех, все за одного».

Застыли у палатки матросский и рабочий караул, как символ братства и единства пролетариата и моряков.

Одесса, обнажив головы, стекалась к телу убитого революционера, на груди которого лежал картон с надписью, что матрос был зверски застрелен офицером. Заканчивалась надпись призывом: «Да здравствует свобода!».

На катерах, на шлюпках прибыли на мол представители от моряков. Вскоре берег заполнился народом.

Митинг у тела Вакуленчука вылился, как и планировали социал-демократы, в политический протест против самодержавия.

Ораторы от моряков и рабочих призывали народ взяться за оружие и освободить от тиранов многострадальную Россию.

Всеобщая стачка одесских рабочих быстро разрасталась.

Однако повести эту революционную силу на решительный штурм самодержавия члены Одесского комитета РСДРП не сумели, хотя они и послали на броненосец своих представителей для связи. Не решились и потемкинцы покинуть корабль и с оружием в руках повести пролетариат за собой. Они с минуты на минуту ждали появления на горизонте эскадры, а броненосец без личного состава стал бы для царского флота не факелом, способным воспламенить пожар восстаний на других кораблях, а плавучей мишенью. Моряки все еще надеялись, что восстание охватит весь Черноморский флот, а это куда важнее! Время было напряженное, неясное, но радостное — наконец-то впервые в истории на боевом корабле поднят стяг революции и свободы.

В эти дни Афанасий Матюшенко, как убитый, падал на свою матросскую койку. Он спал среди верных друзей. Засыпал сразу — короток был его сон. Федор часто виделся с другом, но разговаривать им почти не приходилось — Афанасий был так занят, что ему некогда было даже как следует поесть. Он да и все на броненосце понимали, что самодержавие бешено ищет выхода из создавшегося положения на Черном море. К Одессе спешно перебрасывались войска. Рейд пустел. Пришло в себя и растерявшееся одесское начальство. Провокаторы учинили ночью в порту погромы. Возникли пожары. Огонь полз даже по воде — горел мазут.

16 июня на одесском кладбище состоялись похороны Григория Вакуленчука. Гроб с телом революционера сопровождала огромная траурная процессия.

От порта до кладбища власти выставили охранение. Солдаты молчаливыми взглядами провожали процессию. Некоторые из них снимали головные уборы, некоторые брали на караул. «Значит, запрет властей не испугал ни рабочих, ни солдат»,— думал Федор.

Гроб с телом Григория Вакуленчука несли посменно то рабочие, то моряки. После короткого митинга стали прощаться с другом, затем гроб опустили в могилу.

Люди стояли молча. Мельников почувствовал на себе чей-то взгляд. Он посмотрел на девушку. Лицо показалось знакомым. «Где же я ее видел?» Она сама подошла к нему и сказала:

— Здравствуйте!

Федор кивнул головой. «Откуда она меня знает?»

— Что с Афанасием? — тихо спросила девушка.

«Ах! Вот это кто!» — догадался Федор. Это была знакомая Афанасия Матюшенко.

— Он жив?

— Здравствуйте. Я вас не узнал. Афанасий жив-здоров. Но очень занят. Сейчас у нас дел невпроворот. Того и гляди появится эскадра.

— Как же вы?

— Будем драться.

— Передайте Афанасию, что я буду ждать его.

— Добре.

Она проводила Федора до катера, и он долго смотрел в сторону берега и махал ей бескозыркой.

— Жена? — спросил незнакомый матрос.

— Нет.

— Последний раз, видать, смотрим на Одессу.

— Как сказать.

На следующий день все восемнадцать котлов броненосца подняли пары — к Одессе шла Черноморская

эскадра, ее дымки уже курились у горизонта. Но «Потемкин» с миноносом «267» смело принял вызов самодержавия: революционные корабли пошли навстречу эскадре. На «Потемкине» флаг поднят до места — к бою готовы. Победа или смерть — другого не дано!

Приближалась минута, когда должна решиться судьба не только революционных кораблей, но и Черноморской эскадры. Грозная минута! Все ближе и ближе жерла орудий эскадры, нацеленных на мостик броненосца. По борту проплывают уже тени «Трех святителей», «Двенадцати апостолов», «Георгия Победоносца», «Синопа»...

На всех кораблях в поддержку потемкинцев прогремело матросское «Ура!».

Несколько дней стоял легендарный крейсер на одесском рейде. Восстание на Черноморском флоте не получило широкого распространения, и революционный «Потемкин» взял курс к чужим берегам — в Румынию. Но для самодержавия он остался «непобежденной территорией революции».

Глава пятая

В начале второй половины июля после тяжелых оборонительных боев пал Смоленск. Наши войска вынуждены были оставить его, и, несмотря на то, что под Ярцевом на реке Вопь враг был остановлен, события этих дней тревожили людей, шагавших по лесной дороге к месту базирования партизанского отряда. Среди коммунистов и комсомольцев, держась за повозку, шел и Федор Архипович.

— Присядь на телегу, Архипыч,—сказал ему Алексей Васильевич. Но старик не отозвался. Он только скосил глаза на бодро шагающего в полувоенной форме человека среднего роста, широкого в плечах, с автоматом на груди.

Посмотрел Федор Архипович на друга и подумал: «Как время летит!» На двадцать первый день войны выехал он из Москвы навстречу фронту. Два раза эшелон бомбили вражеские самолеты, несколько раз старика пытались ссадить, но все же он добрался до пункта назначения. Едва вышел из вагона — его снова остановили патрульные: необычный вид бородатого мужчины с вещмешком и палкой в руке привлек их внимание не столько внешностью, сколько походкой.

Военный с двумя кубиками в петлицах потребовал у него документы, а когда старик сунул ему паспорт, пенсионное удостоверение, наградную книжку, внимательно осмотрел его с ног до головы. Проверив паспорт, спросил:

— Куда едете, отец?

— Воевать еду, сынок, воевать!

— Вы же инвалид.

— Я — бывший потемкинец, политкаторжанин, красный партизан! А вы — инвалид.

— Вы понимаете, отец, бои идут на подступах к Смоленску. Враг, не считаясь с потерями, рвется...— военный, заметив, как нахмурил брови старик, замолчал.

— Поэтому, сынок, я сюда и приехал. Если вы не в силах остановить германца... Вы читали, что товарищ Сталин пишет? А я старый воин! Мне до райкома партии надо добраться. Думаю, что я пригожусь здесь...

Бойцы, окружившие старика, не видели, что в его документах написано, но с любопытством разглядывали бородача. Трудно было предположить, что это вражеский диверсант, но в то же время, когда все стремятся уехать подальше от фронта, чтобы не остаться на территории, занятой врагом, старик — наоборот: едет воевать, как он говорит, с германцем, а сам еле на ногах стоит.

— Лучков,— обратился лейтенант к красноармейцу.

— Слушаю вас, товарищ лейтенант.

— Доставь гражданина Мельникова в райком партии.

— Есть, доставить в райком партии. Давайте, папаша, ваш саквояж, подсоблю нести,— красноармеец с любопытством разглядывал бородача: на старике военная гимнастерка, подпоясанная ремнем, черные брюки, заправленные в прочные кожаные сапоги, а на голове — небрежно нахлобучена старая кепка. Но главное — орден Красного Знамени.

Может быть, поэтому и задели лейтенанта за живое слова старика о том, что они вот, военные люди, не могут остановить германца, а он, инвалид, сразу остановит, что без него здесь никак не обойтись. Хотя все прекрасно понимали, что остановить фашиста не так-то просто, как думает старик. Да, трудно объяснить, почему Красная Армия не сумела до сих пор разгромить врага. События этих первых дней войны казались тяжелым кошмаром.

В небе то и дело появляются вражеские самолеты с желтыми концами крыльев и черными крестами. Они до того обнаглели, что порой гоняются за одним грузовиком. И вот Лучков с вещмешком, приноравливаясь к походке старика, семенит по мощеной улице к главной площади города, к зданию районного комитета партии. Ему не терпелось заговорить с этим необычным человеком, у которого такой высокий орден на гимнастерке. Человека с таким орденом он видит впервые: «Наверно, старик действительно герой».

— Ты, милок, не очень-то беги,— укрощает спешку Лучкова старик.— В свое время я тоже был ходок, а теперь ноги не те...

Лучкову хочется спросить у старика, что у него с но-

гами, но неудобно заводить разговор на эту тему. Шагает молча.

Старик поинтересовался:

— Немец-то далеко?

— Не знаю. Все подготовлено к эвакуации...

— Значит, не надеетесь удержать германца? Снова будете пятиться? Вроде бы и некуда уже: за Смоленщиной — Московская область.

— Говори, папаша, о чем-нибудь другом.

— Понимаю, милок, стыдно. Мы все теперь за Родину в ответе. Все! И с тебя и с меня, со всех спросит история: Что же вы, сукины дети, свое Отечество не защитили, какому-то паршивому Гитлеру позволили топтать нашу землю?..

— За такие речи, папаша...

— Ты меня не стращай. Мне теперь одно страшно — слишком много мы отдали захватчикам городов, сел, деревень. А ведь их освобождать придется нам с тобой...

Не рад был красноармеец Лучков, что сопровождал этого старика, правда слов которого жгла душу. Он что ли, простой боец, виноват, что враг оказался сильнее нас, что приходится Красной Армии пока что отступать. Без его речей на душе муторно. Помолчал бы старый.

В воздухе стал нарастать гул вражеских самолетов. Лучков научился уже определять безошибочно, чьи летят самолеты, и заметил:

— Опять станцию бомбить будут.

Старик посмотрел в небо, но не остановился За спиной, у вокзала захлопали зенитки. Но странное дело, самолеты пролетели мимо, не сбросив ни одной бомбы.

У двухэтажного здания райкома партии стояли две полуторки и черная «эмка», около них несколько вооруженных людей в гражданской одежде. Лучков передал старику вещмешок, сказал караульным, что доставил

3 9-242

гражданина Мельникова в райком партии, а сам быстро поспешил назад.

— Что вам нужно, товарищ? — спросил Федора Архиповича мужчина в толстовке с пистолетом на поясе.

— Мне нужно повидать секретаря райкома.

— Вас вызывали?

— Нет. Я — из Москвы.

Посматривая не столько на старика, сколько на орден Красного Знамени, мужчина в толстовке уточнил, по какому вопросу товарищ орденоносец прибыл к секретарю райкома.

— Личный вопрос. Доложите Алексею Васильевичу, что приехал Мельников.

Из помещения выносили ящики и грузили на полуторку.

Федор Архипович посмотрел на молодых ребят, вероятно, это были комсомольские работники. И успокоился, что успел-таки, прибыл вовремя.

— Алексея Васильевича сейчас на месте нет.

— Как? — не поверил этому Федор Архипович и переспросил: — Где же он?

— В Смоленске.

— Вот тебе и на... Я же к нему из Москвы. А кто вместо него?

В это время из райкома вышел молодой мужчина лет тридцати пяти. Тоже в толстовке и с пистолетом на боку.

— Валентин Петрович, вот из Москвы товарищ к Алексею Васильевичу.

— Подождите минуту, — ответил Валентин Петрович и подошел к кабине машины, что-то тихо сказал шоферу. Пожал руки стоящим у автомобиля и сразу к Федору Архиповичу: — Слушаю вас.

— Мы с Алексеем Васильевичем вместе в больнице раны залечивали. Он прекрасно знает, кто я. У меня к нему...

— Хорошо, товарищ. Идемте.

Когда Федор Архипович вскинул за спину вещмешок и засеменил к входу, Валентин Петрович сразу заметил, что как-то странно шагает орденоносец. Спросил:

— Вы ранены?

— Нет. Это старые раны.

— Давайте ваши вещи,— и, сняв с плеча Федора Архиповича вещмешок, повел за собой в кабинет на второй этаж.

— Присаживайтесь,— Валентин Петрович сел за стол и начал просматривать бумаги.— Рассказывайте, что у вас за просьба к Алексею Васильевичу. Извините, но сейчас нет ни минуты свободной.

— Простите, а вы кто?

— Я второй секретарь. Алексея Васильевича срочно вызвали в обком партии. Время тревожное.

— Приехал я к нему с просьбой остаться работать с ним у немца в тылу,— откровенно признался Федор Архипович.

Валентин Петрович оторвался от бумаг и посмотрел на старика.

— Вы думаете, немцы оккупируют наш район?

— Я бы не хотел этого. Но ведь рядом Белоруссия. Она занята врагом. Можно перебраться туда. Думаю, Алексей Васильевич в этом поможет мне.

За окном послышался шум. Подъехали машины. Хотя до передовой линии и далеко (Федор Архипович, правда, не представлял, где сейчас проходит линия фронта), но обстановка в городе, да и в самом райкоме партии напоминала прифронтовую: вооруженные люди у здания, военные патрули, распоряжения и указания, не свойственные мирному времени. Да и тяжелые ящики, которые грузили в машину молодые люди, были или с оружием, или с бумагами. Если с оружием, значит, готовятся к борьбе в тылу врага; если с бумага-

ми — эвакуируют партийный архив. Так или иначе, но ради предосторожности предусматривается вариант и на худший исход событий на фронте.

— Вы кушали?

— Пожевал малость.

Валентин Петрович подошел к распахнутому окну, позвал товарища по фамилии Попов и, когда тот вошел в кабинет, сказал:

— Отведите товарища Мельникова в столовую. Накормите,— и, провожая Федора Архиповича, сказал: — Вещи можете оставить здесь. Возможно, Алексей Васильевич скоро вернется. А пока сходите поешьте...

И вот — вместе с Алексеем Васильевичем шагают они за подводой по лесной дороге. Старик семенит, но крепится, не сдается.

«Многие считают меня калекой,— подумал Федор Архипович.— Что ж, может быть, они и правы, ходок я неважный. Но не так уж я стар. Если округлить — шестьдесят лет. Для мужчины — расцвет. Пожалуй, бороду действительно надо бы сбрить. А в то же время — солидность, да и не так врага насторожит, если случаем в разведку придется идти». Федор Архипович понимал, как не хотелось Алексею Васильевичу верить в то, что гитлеровцы оккупируют Смоленщину, что придется ему возглавить партизанское движение в районе, все оттягивал события, а вдруг, а вдруг. Но немецко-фашистские войска продвигались в глубь нашей территории. Когда он возвращался из обкома партии, не думал, что через несколько часов придется покинуть родной город. Хорошо, что подчиненные ему люди четко выполнили свои обязанности. А здесь еще этот бородач Мельников нагрянул. И вовремя. Последним Алексей Васильевич покинул здание районного комитета партии, когда на улицах города появились немецкие танки. На машине он проскочил знакомыми дорогами до

места сбора отряда, и вот теперь с группой шагал лесной дорогой за повозкой, груженной оружием и боеприпасами. Машину жалко было бросать, но пришлось.

Немецко-фашистские войска наступали по основным магистралям, а по дорогам, которые не значились ни на одних картах, можно было ехать спокойно. Конечно, не хотелось уходить далеко от города, но секретарь райкома понимал, что там, в лесных краях, можно будет надежно укрыться от оккупантов и делать оттуда дерзкие вылазки, вести разведку, нападать на вражеские гарнизоны. Но для того, чтобы узнать, что происходит в районе, а особенно чтобы иметь сведения о противнике, нужна хорошая связь с оставленными для этой цели людьми, тогда и действовать можно успешнее.

Алексей Васильевич был уверен сейчас и в том, что правильно решил, куда определить Федора Архиповича. Может быть, и лучше было бы оставить его в городе. Жил бы там под своей подлинной фамилией. Едва ли оккупанты обратят на него внимание. В случае чего: приехал на лето, застала война... Хотя в селе тоже нужны надежные люди.

А Федор Архипович, семеня за повозкой, думал, глядя на своего старого друга, о том, что годы не изменили его. Только, может быть, сединки засеребрились на висках да четче проступили складки между бровей и у глаз. Хотя какие это годы — сорок пять лет. Если бы не ноги, и в шестьдесят еще не чувствовалось бы старости, хотя и называют его стариком, но это, скорее, из-за бороды. Пожалуй, правильно поступил, что не сбрил ее. Можно даже в попы податься, только Федор Архипович ничего не смыслит в этом деле. А ведь германец непременно постарается открыть церкви. Попов, продажных и злых на Советскую власть, найдут, а мо-

гут и своих поставить, чтобы легче было одурачивать народ, держать его в покорности «новому порядку».

— Архипыч,—позвал Алексей Васильевич,—жаль, не удалось мне более обстоятельно поговорить с тобой о твоей теперешней работе, но не мне тебя учить. Может быть, у тебя есть ко мне какие вопросы?

— Вопросы? Что тебе сказать, родной ты мой человек. Особых пока нет. Ты сам смотри, как и где тебе лучше меня использовать. Но отряду быть без разведки, что без глаз, без ушей. Это ты прав.

— Орден тебе не помешает?

— Награды оставлю у тебя.

— Я подумал сейчас: может быть, лучше было бы пристроить тебя в городе. Человек ты городской. Завел бы какую-нибудь мастерскую.

— Мысль ценная. Но я больше люблю деревенскую природу. Но если прикажешь — готов ковылять назад.

— Не будем менять решенного дела. Теперь недалеко и до твоего села.

— Да-а, не думал я, что так силен фашист...

— Тпру! — Алексей Васильевич остановил лошадь.— Садись-ка, Архипыч, побереги ноги.

Они уселись на телегу рядом. Алексей Васильевич достал из сумки карту и передал ее старику.

— Вот в этом селе,— указал он, когда развернутая карта легла на коленях у старика,— отсюда это километров шесть, ребята подвезут тебя туда. Зайдешь в дом под зеленой железной крышей напротив школы в центре села. Живет в нем женщина лет пятидесяти с дочкой-красавицей (муж у нее добровольцем ушел на фронт в первые дни войны) — будешь жить у нее как отец ее мужа. Ты приехал из Москвы. Объяснишь ей, что к чему. Это наш человек. Ну а насчет ног придумай на досуге что-нибудь сам. Твоя задача собирать все сведения о противнике. У Анюты, да, твою невестку Анютой зовут, есть тетка в городе. Будешь наведывать-

ся в город. Ну а мы тебя на днях навестим. Связь будем держать, как было условлено.

— Есть! — по-флотски ответил Федор Архипович.— Я понимаю, дорогой мой Алексей, что не боевой я у тебя вымпел. Но к бою готов! Я ведь воевать буду не за страх, а за совесть. Так что знай, у меня флаг поднят до места.

— Данилов! — позвал секретарь райкома молодого белобрысого парня, ехавшего верхом на лошади. Подвода остановилась, и Алексей Васильевич помог старику слезть с телеги. Парень сразу же отозвался:

— Слушаю вас, Алексей Васильевич!

— Возьми еще одну лошадь и с Земляниным доставьте Федора Архиповича в село...— Секретарь райкома обстоятельно объяснил, как туда добраться и куда надлежит затем вернуться. Предупредил, чтобы ехали осторожнее, не наскочили на немцев.

ЧУЖБИНА

Из Румынии Мельников с друзьями для безопасности перебрались в Венгрию. Коваленко, как инженер, там сразу поступил на постоянную работу, а Федор и Кирилл Петров перебивались поденщиной. Матюшенко положили в лазарет. Целых два месяца почти каждый вечер друзья навещали больного друга; но, когда Афанасий поправился, решили снова переехать в Румынию к товарищам, которые жили там коммуной. Встретили потемкинцы друзей с радостью. Вскоре решено было связаться с Женевой, где находился Владимир Ильич Ленин. Направлен туда был Матюшенко. Вернулся Афанасий в Румынию через полгода: повидал свет. Приехал и сразу стал готовиться к возвращению в Россию. Он не мог жить без борьбы, без активного участия в революционной деятельности.

Как-то вечером, когда друзья собрались дома, Матюшенко изложил свой план возвращения на Родину. Друзья слушали его молча.

— Извини, Афанасий, но возвращаться сейчас в Россию я считаю безумием. В России после подавления революционного подъема свирепствует жесточайший террор. Без надежной связи там сейчас — особенно тебе да и мне, как бывшим членам судовой комиссии,— делать нечего! — Коваленко закурил.

Кирилл, все время смотревший на Афанасия, сказал только одно слово:

— Опасно.

— Значит, прозябать здесь? Отсиживаться? Если все революционеры побегут из России, точно крысы с тонущего корабля, что будет с нашим Отечеством?.. Молчите?.. Революция непобедима! Я теперь знаю, в чем наша ошибка: мы слишком робко и нерешительно действовали. Задним числом и я поумнел. Если бы восстание нам удалось поднять не тогда, а теперь — я знал бы, что делать! Если вы остаетесь, я еду один. У меня есть письмо в Одессу. Там о нас позаботятся.

— Почему ты горячишься, Афанасий? Мы высказали свое мнение,— заметил Кирилл.

— Почему же ты молчишь, Федор? — спросил Матюшенко.

— Я еду с тобой,— тихо ответил Мельников.

— Раз так — и я еду,— Кирилл попросил у Коваленко папиросу.

— Я все же считаю, друзья, поступать так, значит, рисковать.

— Мы рисковали и тогда, когда на «Потемкине» поднимали красный флаг. А ты разве не рисковал, перейдя на нашу сторону и став членом судовой комиссии?

— Я не мог поступить иначе.

— И я не могу! Понимаешь, не могу!

— Когда мы едем? — спросил Кирилл.

— Через пять дней.

— Извините, пожалуйста, друзья, но я считаю, ехать сейчас в Россию чрезвычайно опасно,— снова сказал Коваленко.

— Может, ты, Коваленко, и прав. Но я иначе не могу,— помолчав немного, сказал Матюшенко.

С 24 июня 1906 года до дня отъезда в Россию они были почти все время вместе: Матюшенко, Коваленко, Петров и Мельников. Они все делили между собой поровну — и радости, и невзгоды.

«Ничего,— думал Федор,— в Екатеринослав бы только заявиться, достанем документы, и тогда ищи нас!»

Они сожгли все, что удостоверяло бы их личность, сходили в парикмахерскую. Настроение было прекрасным! В новых костюмах выглядели щеголевато.

— Присядем!

Присели перед дорогой. Встали. Расцеловались.

— Не поминайте, друзья, лихом,— сказал на прощание Коваленко.

— А иди ты, Коваленко, к черту! Живи здесь спокойно, но не забывай Россию!

— Счастливо, друзья!

На берегу потемкинцев встретил мужчина с пышной черной бородкой. Афанасий подошел к нему и, как давнишнему знакомому, пожал руку. Поздоровались с ними и Федор с Кириллом. Румын весело затараторил что-то на своем языке, Федор больше половины не мог разобрать из его разговора, хотя понял, что тот хвалит ночь. А ночь действительно была хороша! Небо искрилось звездами. Ветерок наполнял парус и лихо гнал лодку. Мужчина с бородкой сидел за рулем на корме, а его помощник, молодой, безусый, видно, сын, ловко

управлял парусом. Волны толкались о борта и приятно освежали лица, успокаивали. Шли молча, лишь ветер шумел в нехитрых снастях самодельного судна. Федор полулежал на рыбинах, притулив голову на банку, смотрел на звезды и думал о прожитом. Как-то там мать, братья? О броненосце им, конечно, известно тоже. Вспомнил и дядю Васю. Он знал, что в Екатеринославе друзья помогут им. И хотя Афанасий рвется в Севастополь, нужно будет ему доказать, что и в Екатеринославе мы принесем пользы не меньше. Документы нам достанут. Это точно! Только Кирилл что-то начал хандрить: нервы сдают у парня.

За думами Мельников не заметил, как срубили парус, как молодой румын сел за весла. «Видно, не в первый раз идут»,— подумал Федор, когда форштевень ткнулся в берег. Молча пожали руки на прощание румынам и выпрыгнули на родную землю. Было легко и радостно, но опасность была теперь повсюду. Афанасия словно подменили, он шутил, был счастливым, словно спешил на долгожданное свидание:

— Знаешь, Федор, я даже мертвый смогу спокойно лежать только в русской земле. И плевать мне на то, что я приговорен к смерти! Волков бояться — в лес не ходить! Но мы, я верю, очистим землю от волков! Ты что, Кирилл, приуныл? Через недельку будем в Одессе.

— Думаю, Афанасий, нам нужно сразу ехать в Екатеринослав. Там у меня знакомые рабочие из социал-демократов,— перебил Афанасия Федор.

— Не волнуйся, Федька! У меня есть письмо в Одессу. Там нам помогут достать документы.

Но впереди был еще Кишинев. Город они решили обойти. А за Кишиневом на первой же станции дождались поезда.

Перед Одессой Афанасий стоял в тамбуре и не отрывал взгляда от окна. Адрес он знал на память. Поезд

подошел, и Афанасий, не дожидаясь, когда вагоны остановятся, спрыгнул с подножки и, сияющий, чуть не столкнувшись с жандармом, сразу же потащил друзей к морю.

— Знаете, ребята, я почти на память выучил статью женевского товарища. Он, братцы, наш человек! Тоже тоскует по России. Страшно тоскует...

— Что за статья, Афанасий, расскажи,— попросил Федор.

— Там написано, братцы, о нашем восстании. Написал он здорово. События с поразительной быстротой подтвердили своевременность призывов к восстанию и к образованию временного революционного правительства. Чувствуете?!

— Ну, а дальше?

— Дальше он пишет так,— Афанасий задумался, не спуская с рейда своих прищуренных с лукавинкой глаз, точно там он видит свой броненосец, словно снова слышит слова корабельных команд, и, вздохнув, наконец-то заговорил тихо и быстро: — Громадное значение последних одесских событий состоит именно в том, что здесь впервые крупная часть военной силы царизма — целый броненосец! — перешла открыто на сторону революции.

Афанасий, как когда-то на митингах, говорил твердо, убежденно. И, как бы подчеркивая правильность своего решения вернуться в Россию, продолжал:

— Никакие репрессии, никакие частичные победы над революцией не уничтожат значения этого события. Первый шаг сделан. Рубикон перейден. Переход армии на сторону революции запечатлен перед всей Россией и перед всем миром. Новые еще более энергичные попытки образования революционной армии последуют неминуемо за событиями на Черноморском флоте... Поняли? Нет, братцы, сидеть в такое время в румынских барах и попивать пиво — позор для революционе-

ров. Надо суметь и смертью своей агитировать за революцию!

— Да, ты прав, Афанасий,— сказал внимательно слушавший его Кирилл,— хотя подобный риск все же ни к чему.

День начал тускнеть, наползали вечерние сумерки. Зайдя в кабачок и перекусив, друзья направились по адресу, полученному Афанасием в Женеве. В дом пошел Афанасий один — Кирилл и Федор остались с чемоданом на улице. У куста акации они нетерпеливо поджидали друга, то и дело посматривая на подъезд. Через несколько минут явился Афанасий. Он был раздосадован, прошел молча мимо. Друзья последовали за ним.

— Нет ее дома, братцы,— развел он руками.

— Что будем делать? — спросил Кирилл.

— Утро вечера мудренее.

— А где будем коротать время до утра?

— Что-нибудь придумаем.

И они отправились искать ночлег.

— Дела такие. Кто-то из вас должен ехать и найти ее. Нужно передать одну важную посылку. Придется ехать тебе, Федор. А мы с Кириллом пока поживем у моей знакомой. К твоему возвращению попытаемся достать через одесскую организацию большевиков документы, а там — бой.

— Когда ехать?

— Сегодня! Вот ее адрес.— Он сунул Федору бумажку, на которой карандашом было что-то написано.— Сначала отдашь письмо, отдашь только лично! Деньги экономь.

Федору не хотелось уезжать, но поездка была необходима. Он взял на вокзале билет, и вновь застучали неугомонные колеса свою бесконечную песню.

Глава шестая

Появление в селе бородатого старика не привлекло особого внимания — было не до него. Все с трепетом ждали: вот-вот прибудут захватчики. И хотя все уже было припрятано, но неизвестность пугала. Враги и вправду нагрянули неожиданно. Прошел слух о том, что наши выбили гитлеровцев из Ярцева, но кто подтвердит эти сообщения, когда в селе замелькали сплошные зеленые френчи.

Дом у Анюты Сотниковой был чуть ли не лучшим в селе. Остановилось в нем начальство, но и оно не обратило никакого внимания на старика. Потеснили его только: выселили в тесную пристройку, а сами заняли просторные комнаты. Здесь впервые почувствовал Федор Архипович острую необходимость знания немецкого языка. Без опаски бродил он возле вражеских солдат. В четверг, прихватив удочки, отправился на речку поудить рыбу. Именно там по уговору с Алексеем Васильевичем он должен был встречаться с партизанским связным. В первую неделю месяца: понедельник — четверг; вторую: вторник — пятница; третью: среда — суббота (при встречах могут быть назначены другие дни). Время встречи — полдень.

Задание у него было посильное: следить за передвижением вражеских частей по шоссе и об этом сообщать связному. А во вторник он получил новое задание: дать точные сведения о воинских подразделениях, стоящих в их селе. И вот, сидя на берегу у кустов, он так увлекся рыбалкой, что не заметил, как сзади остановились два грузных вражеских солдата с автоматами на груди. Старик взмахнул удилищем, и в воздухе на леске из конского волоса забился красноперый окунь.

— О! Корошо!

Федор Архипович, правда, сразу не обернулся, хотя понял: сзади стоят немцы. Он спокойно снял с крючка

окуня и бросил его в ведерко с водой. Потом насадил червяка, забросил крючок в воду и посмотрел на солдат. Поздоровался с ними по-румынски. Гитлеровцы переглянулись. Один из них подошел к ведерку с рыбой, опрокинул его: в траве сразу же забилась куча плотвичек и окуней.

— Корошо! — снова, демонстрируя знание русского языка, сказал гитлеровец и, развернув носовой платок, стал складывать туда рыбу. Когда на платок упал последний окунь, солдат связал уголки и, передав рыбу напарнику, что-то весело говоря по-немецки, побрел по кустам к деревне.

«Вот тебе и наудил на жаренку фашистам»,— сплюнул старик. Затем встал. Подошел к реке, наполнил водой ведерко и снова начал рыбачить.

Вскоре к нему подбежали два мальчика. Они заглянули в ведерко и, обнаружив там чистую воду, засмеялись. Эх ты, мол, деда, ни одной рыбешки не поймал!

— Что, огольцы?

— А где же рыба?

— В реке.

— Клюет, клюет! — закричал вдруг меньшой, Федор Архипович дернул удилище, и рыбина сорвалась: поспешил.

— Зачем же ты, деда, так рано дергаешь?

— А ты зачем закричал? Напугал старика до смерти.

Ребятишки развеселились. Присели на корточках подле старика, наблюдая, как тот насаживает нового червяка.

— Чтой-то я вас, огольцы, не знаю. Вы чьи будете-то?

— Чьи? А ты чей?

— Я-то? Я уже такой старый, что являюсь своим.

— Как это?

— Свой, и все.

— Ну да... Чтой-то мы тебя не знаем.

— Присаживайтесь, познакомимся. Сколько вам лет, гвардейцы?

— Мне двенадцать, а Филиппке десять.

— Большие уже. Женихи. А считать-то умеете? Сколько? — и Федор Архипович, поджав большой палец, выставил руку.

— Четыре,— небрежно бросил Филиппка.

— Угадал. Значит, считать умеете. А сколько вам двоим вместе лет? Ну? — улыбнулся Федор Архипович и указательным пальцем боднул в живот мальчика.

— Нам-то?

— Да, вам двоим. Ну? Ай-я-яй! Не знаете?

— Двадцать два! Во! — снова выпалил Филиппка.

— Точно. Смотри-ка, молодцы какие! Ну а сколько в селе домов?

Ребята задумались. Филиппка повернулся к селу. Оно стояло на пригорке по берегу реки. Дома терялись за деревьями, садами, банями, которые как бы сбегали с пригорка к реке, и пересчитать их было невозможно.

— Ну? Что же вы, не знаете, сколько в родном селе домов? Давайте, помогу вам. Каждый дом — камень. Считайте...

Филиппка называл то фамилию, то прозвище (в деревнях на Смоленщине это особенно распространено), а его приятель откладывал камень. Когда закончили счет — оказалось тридцать девять камней.

«Тридцать девять»,— подумал Федор Архипович и вдруг вспомнил про удочку. Поплавка на поверхности воды не было. Он приподнял удилище, оно напружинилось — попался крупный окунь. Ребята бросились его отцеплять от крючка. Старик передал им удочку и еще раз пересчитал камни: тридцать девять!

— Ну а теперь более сложная задача: сколько в каком доме стоит немцев? Решайте! — рассмеялся Федор Архипович.— Что? Никак не решается? Ладно. Сегодня вам эту задачу не решить. Отложим на завтра. Как тебя зовут? — спросил старик старшего.

— Мишка.

— Слушайте задание. Филиппке — подсчитать, сколько всего в селе фашистов. Мишке — сколько автомобилей, танков и броневиков. Ну и есть ли у врага пушки. Вообще какое у них оружие: автоматы, винтовки, пулеметы. Ясно, пионеры?

— Ясно. А откуда вы знаете, что мы пионеры?

— Думаете, если сняли галстуки, то и узнать нельзя. Эх вы!

— Не сними, тетя Поля дала бы...

— Ну а в других деревнях бываете?

— Сейчас нет.

— Почему?

— Стреляют. Убить могут.

— Да, ребятки, застрелить они могут. И глазом не моргнут.

— Они вон ходят с автоматами и никого из села не выпускают,— как тайну сообщил Филиппка.

— А я и не заметил,— притворно удивился старик.— Как же вы вырвались из села?

— Огородами—и вниз к реке,— признался Мишка.

— Выходит, выйти из села можно? — спросил Федор Архипович.

— Конечно, можно. Вы ведь тоже вышли...

— Все верно...

Федор Архипович смотрел на ребят пристально: «А ведь из них неплохие помощники могут получиться. Нужно с ними подружиться. Завтра о немцах будет все известно. От ребячьего глаза ничего не укроешь. Но больно уж малы ребята. Мишка-то, видно, не здешний, городской. Ну ничего, ребятки! Повоюем».

ТРАГЕДИЯ

В заштатном украинском городке Федор быстро разыскал улицу и дом, где должна была находиться Саша — ни фамилии, ни каких-то точных примет он не знал. К тому же ему не повезло. В доме сказали, что Саша вернется только вечером.

Пришлось слоняться по городу, а когда под вечер появился у знакомого дома, к нему выбежала небольшого роста девушка и смело крикнула:

— Вы из Одессы?

— Да.

— Я Саша!

— Здравствуйте!

— Мне сказали, что вы спрашивали меня. Правда?

— Да.

— Видите, как вам не повезло. Идемте в комнату.

За столом, когда они ели, Саша спросила:

— Как там живет Одесса?

— Как всегда — шикарно,— игриво ответил Федор.

— Вы где там живете?

— Нигде.

— То есть? — Саша насторожилась: «Чтобы это могло значить?» — подумала она.

— У меня к вам дело! — твердо сказал Федор.

Она внимательно посмотрела на него большими лукавыми глазами и, смеясь, тихо, словно шутя, спросила:

— Дело? Какое?

— Посылка из Швейцарии.

— Что? Из Швейцарии? — обрадовалась Саша и, схватив потемкинца за плечи, спросила: — Вы из Швейцарии?

— Я — нет, посылка — да.

— Прекрасно!

Федор сначала передал ей письмо.

Она подбежала к окну, посмотрела на улицу, потом, разорвав конверт, быстро прочла письмо.

— Очень хорошо, что вы приехали. Где посылка?

Федор передал пакет и сидел молча, наблюдая, как девушка перебирала книги, потом склонилась над газетой, разложив ее на столе.

Федору не хотелось задерживаться, и Саша после ужина проводила его на вокзал с напутствием не оставаться в Одессе. Слишком там памятны потемкинские дни — жандармы держат ухо востро. Вот и ей на время пришлось уехать к тете.

— Не волнуйтесь. Все будет отлично,— сказал Федор.

Но тот страшный день, о котором никому не хотелось думать, был не за горами.

Однажды вечером Афанасий вернулся домой запыхавшийся, сел на лавку и тихо сказал:

— Еле ушел. Меня выследили. Надо срочно уезжать...

В тот же вечер друзья покинули приютивший их дом. Перебрались в Николаев.

Афанасия тянуло к морю, к военным морякам. Он верил, что они поймут его. Поехать в Екатеринослав он отказался.

— Нет, Федор, наша цель — нести в матросские и солдатские массы идеи революции, и чего бы нам это ни стоило, мы должны быть в гуще этой массы.

— Ты, конечно, прав. Но такую же работу мы можем вести и среди рабочих. В Екатеринославе мы были бы в безопасности.

— Кто знает? Ладно, утро вечера мудренее. Спать!

На следующий день Афанасий ушел в город один.

— Хватит сидеть — надо действовать, действовать и действовать,— твердил Матюшенко друзьям.

Через несколько дней на рассвете их разбудил резкий голос:

— Встать! Вы арестованы!

«Неужели все?.. Ведь прошло уже два года после восстания? Да и никаких документов, подтверждающих наше причастие к потемкинскому восстанию, нет, а у Афанасия даже есть паспорт!»

Матюшенко встал нехотя. Казалось, он был очень спокоен.

— Поспать людям не дадут,— ворчал он небрежно,— что вам надо?

— Пошевеливайтесь, пошевеливайтесь! — торопил жандармский офицер.

В отделение их привезли, когда уже стало совсем светло.

Матюшенко подмигнул Федору, мол, говори, как условлено. Однако вскоре их увезли, а потом в тюремную камеру вошли три офицера с «Потемкина», и в их числе прапорщик Алексеев, который во время восстания был командиром броненосца и отлично знал Матюшенко. Сердце у Федора екнуло: «Все!»

На вопрос жандармского офицера: «Знаете ли вы этих людей?» Алексеев с брезгливой ухмылкой ответил:

— Это Афанасий Матюшенко,— главарь судовой комиссии с броненосца, а это его помощники.

Матюшенко тут же увели, а Федора Мельникова и Кирилла Петрова сначала отправили в Минск, а затем в Петербург. В Петропавловской крепости Федор просидел до 1908 года. На суде Петров и Мельников встретились снова, их посадили на одну скамью, где они и выслушали приговор, который гласил: двенадцать лет каторжных работ на Сахалине. По этапу они шли все время вместе, пока Петрова не свалила коварная болезнь. В Омске его положили на носилки и унесли. Дальше Федор Мельников шел с незнакомыми каторж-

никами, и долго еще качалась под его ногами жесткая дорога, звеня кандалами. Но до Сахалина он не дошел, потребовались люди на Ленские золотые прииски. Четыре года возил Мельников тачку с породой и добывал золото. Добывал до самого того дня, пока на Ленских приисках в 1912 году не обагрилась кровью рабочих сибирская земля.

Глава седьмая

По шоссе семенил старик, опираясь на клюку. Впереди него, зыркая по сторонам озорными глазенками, шагали босые мальчишки. Дед был в потрепанной, выгоревшей офицерской фуражке дореволюционных времен (как она только сохранилась?), в синей с белым горошком косоворотке, подпоясанной тонким ремешком, в поношенном пиджаке, брюках, заправленных в сапоги. На груди болтался Георгиевский крест.

На ребятишках — белые рубашки и длинные серые штанишки. У старшего за плечом — мешочек с провизией. Ребята щурились от солнца, с нескрываемым любопытством разглядывали из-под ладоней немецкую технику.

Вражеские солдаты не обращали на шагавших по обочине путников никакого внимания. Не могли они слышать и разговора ребят со стариком из-за рева машин, бронетранспортеров, танков. Иногда мимо проносились мотоциклисты. Вся вражеская техника двигалась на восток. На шоссе было тесно. Вероятно, если бы кто-то и задумал проехать на запад — не смог бы. Пыль от дороги ветер относил в противоположную от пешеходов сторону, она припудривала траву, кусты, деревья.

— Деда, уже пятьдесят семь грузовиков.

— А я насчитал двадцать три танка, девять бронетранспортеров.

— Продолжайте считать.

На днях связному Данилову Федор Архипович передал у реки данные о противнике, расквартированном в селе. Как Федор Архипович и предполагал, ребята доставили ему точнейшие данные. Теперь они должны были разведать, какая техника движется по шоссе и какие части расположились в городе.

Старик понимал, что немцам сейчас не до них. Привыкшие воевать в Европе, которую они прошли почти маршем, захватывая одно государство за другим, здесь, в России, они тоже мечтали победить малой кровью. И старика беспокоил вопрос: имеет ли он право втягивать в такое опасное дело ребят. Но в то же время он понимал, что без них ему будет трудно выполнить задачу быстро. Кому нужны сведения через неделю, пусть даже они будут самые точные и достоверные? Он сегодня же должен вернуться в село, и завтра все сведения, собранные для него в городе, должны быть переданы в отряд. Но он понимал и то, что необходимо своими глазами увидеть, какими силами располагает враг на данном участке. Теперь старик догадался, почему Алексей Васильевич прислал ему новые документы на имя бывшего капитана царской армии и Георгиевский крест. Так на время он стал Дымовым Юрием Вениаминовичем, бывшим помещиком из Тамбовской губернии, ныне — инвалидом, живущим единственной надеждой, что немецкие войска захватят Россию и он снова получит свои земли.

В полдень они добрались до города. Улицу Садовую нашли сразу. За вишнями, густо разросшимися в палисаднике, на углу деревянного одноэтажного дома с белыми наличниками увидел знакомый номер и, заглядывая в пустынный двор за забором, открыл калитку. Ребята шли за ним по дорожке, выложенной кирпичом. Остановились у крыльца. Собачья конура у входа в са-

рай была пуста. Не постучав в дверь, Федор Архипович крикнул:

— Есть кто живой?

Старик, опершись на клюку, прислушался. Прислушались и ребята. Через минуту за дверью раздались тихие шаги. Щелкнула щеколда, открылась дверь. Вышел бородатый, как и Федор Архипович, старик. Прищурившись, внимательно вгляделся в людей и, почесав за левым ухом, спросил:

— Уж не ты ли, Юрий Вениаминович?

— Кому же быть еще, Захар Захарович?

— Заходи, голубчик, заходи. А это что за босоногая команда?

— Помощники.

Старик качнул головой:

— Это хорошо, что есть помощники. Вы, ребятки, погуляйте пока в огороде. А мы в дом зайдем.

И старики, пожав друг другу руки, скрылись за дверью.

Мишка сбросил с плеча мешочек, положил на крыльцо. Присели на ступеньки. Мишка никак не мог понять, почему старику понадобилось менять свое имя. Перед отправкой в город он сказал, как им следует одеться, и доверительно сообщил, чтобы они звали его теперь Юрием Вениаминовичем. Рассказал, как вести себя, если их остановят немцы. Но их никто не остановил, никто ни о чем не спросил, хотя кругом солдаты, машины, танки. Правда, на Садовой улице (она была немощеная, тихая, даже на дороге росла трава) никаких солдат не было видно. Только одинокая кошка пробежала — и все. Люди, наверное, сидели по домам, лишний раз никто не хотел показываться на улицу.

— Тебе, Филиппка, не страшно было на шоссе? — спросил вдруг приятеля Мишка.

— Не знаю. Вроде бы чуть страшновато. Немцы ведь.

— А я думал: вдруг остановят. Видел, сколько у них машин? А деда Федя смелый.

— Он же теперь Юрий Вениаминович. Не знаешь, зачем?

— Не знаю. Так надо, наверное, чтобы не узнали. И крест нацепил.

За дверью послышались шаги. Вышла молодая женщина.

— Ну, ребятки, проголодались? Заходите. Обедать будем.

— А где собака ваша? — Филиппка посмотрел на женщину, потом на сарай.

— Фашисты застрелили.

— Почему?

— Кто ж их знает. Ворвались в огород. Кур начали стрелять. Тишка загавкал на них, они и убили его. Пойдемте поешьте.

— У нас есть своя еда,— Мишка взял мешочек.

— Идемте, идемте, Юрий Вениаминович вас зовет.

Ребята вошли в дом.

В просторной комнате было не очень светло: видимо, потому, что все окна заставлены цветами.

На столе шипел самовар.

— Ну, босоногая команда,— подмигнул им Захар Захарович,— мыть руки и за стол.

На кухне висел на стене рукомойник. Ополоснули руки. Женщина подала ребятам вышитое красными петухами полотенце. На столе появился картофельный суп с мясом, картошка тушеная с бараниной, чай. Женщина заботливо угощала ребят, а те дружно отказывались, но ели все же в охотку.

— Чьи же вы будете такие? — спросила вдруг женщина.

— Я из Ленинграда, к тете Поле на лето приехал. Она моей маме сестра.

— Потаповой? Ты, папа, знаешь ее?

— Как не знать, с ее Митей вместе в гражданскую воевали. Он-то еще молодой. Теперь где-то на фронте,— старик вздохнул.— А мы вот здесь.

— Ну а ты чей? — обратилась женщина к Филиппке.

— Ермаков.

— Это не твой отец тракторист?

— Мой.

— Знакомые, значит, ребята-то. Не страшно идти было? Ведь немцы кругом.

— Ничего. Они ребята боевые,— ответил за них Федор Архипович.

— Сможете одни сюда приходить? Найдете дорогу?

— Почему не сможем, сможем. Только дома отпустили бы,— и, посмотрев на старика, Филиппка сказал: — С дедом Федей отпустят.

— С каким дедом Федей?

— Это они так меня зовут,— пояснил старик.— Так проще. Кличка у меня такая.

— Немцы новую власть в городе создают,— сказал Захар Захарович.— Думаю, будет нелегко. На станции вчера кто-то пожар учинил. Говорят, много ихних солдат погорело. Да... Может быть, Мишка останется у нас? А завтра бы я его вывел из города.

— Как, Мишка, найдешь дорогу назад? — старик тронул его за плечо и, заметив, что мальчик в растерянности, сказал:

— Едва ли. По шоссе идти на восток опасно. А другой дороги он не знает.

— Я, папа, сама схожу.

— Тебе, дочка, выходить пока не следует. Мало ли что...

— А как же связь держать?

— Что-нибудь придумаем. Ну как, отдохнете или в обратный путь?

— В обратный. Сегодня к вечеру должны быть на месте. Ходок-то я больно неважный. Ребята на буксире тащат. А главное — голова у них свежая, память крепкая, глаза острые и ноги резвые.

Поели, поблагодарили хозяев за обед и — в путь. Провожать их никто не вышел. Сначала на улицу выбежал Филиппка, осмотрелся по сторонам и показал глазами, что никого не видно. Хотя кто-кто, а Федор Архипович знал, что уйти из дома незамеченным здесь просто невозможно, кто-нибудь обязательно бросит взгляд на улицу. А назавтра у соседей спросит: «Кто это к Захару Захаровичу приходил вчера с двумя мальцами? Какой-то старик бородатый шагал прихрамывая». Правда, время такое, что не больно посудачишь. Боятся люди из домов выходить.

Но старик с ребятами как вошел в город, так и вышел без приключений. Правда, на этот раз Федор Архипович вел ребят даже не по дороге, а по тропинке, сбегающей к реке. Мишке пришлось придерживать старика, так как склон к реке был крутым.

Когда остановились передохнуть, Федор Архипович потрепал ребятишкам волосенки и сказал:

— Ну вот, мы и выполнили первое задание. Только вести-то недобрые: немец снова перешел в наступление. Спешит. Пока тепло, думает, видно, захватить Москву. Техники военной, сами видели, у него до лешего, да кишка тонка. Не видать ему нашей столицы, как свинье неба. А вы, дорогие мои пионеры, отныне должны поклясться, что будете слушать только меня и никакой самодеятельности. Я вот что удумал... Поддержи-ка меня, Мишка, а то как бы я в овраг не загремел.

Ребята схватили Федора Архиповича за руки и медленно стали спускаться по крутой тропке вниз, старательно придерживая его. Ребятам льстило, что Федор Архипович доверял, как им казалось, самые большие

секреты. Понимали они и то, что оставили его в селе, вероятно, специально, а поэтому и слушаться они должны его беспрекословно.

Когда тропинка повела их меж кустов по ровному месту, Федор Архипович сказал:

— Так вот, ребятки, что я подумал: от леса (это от нашего села недалеко) хорошо видно шоссе. Каждый день вы будете подсчитывать, сколько каких машин или танков прошло на восток, сколько в обратную сторону. Думаю, что из нашего села немцы тоже покатят на восток. Если германцу удалось прорвать фронт, то делать ему здесь больше нечего. А нам нужно подумать о том, как бы навредить ему, гаду. Только чур: о нашем уговоре никому ни слова, даже самому верному другу. Если тайну знают трое — это уже не тайна, но мы, ребята, докажем обратное. Ясно?

— Никому!

— Никому, деда Федя.

— Вот и порядок. А германцу мы еще бока наломаем. Будет он драпать с нашей земли!

Шли перелеском. Настроение у Федора Архиповича было скверное, хотя он и старался не показать этого. Не удалось нашим сдержать врага. Не удалось. Кто-то сболтнул, как сказал Захар Захарович, что поезда уже через Смоленск идут в сторону Вязьмы. Нужно бы на железной дороге не давать им спокойного движения. Не могут же они охранять каждый метр пути. Нужно минировать дорогу, взрывать мосты... Не давать захватчику ни минуты покоя на нашей земле, чтобы горела у него земля под ногами, чтобы ни днем ни ночью не мог он уснуть под нашим небом.

Перейдя вброд мелкую речушку, поднялись на пригорок. И вдруг Филиппка услышал шум мотора. Сначала он подумал — летит самолет, даже поднял к небу глаза, но вскоре догадался — это автомобиль или трактор.

— Деда Федя, слышишь?

Остановились. Прислушались. От дороги, она проходила на другой стороне речушки, все явственнее доносился уже не шум, а рокот мотора. «Уж не немцы ли?» — и, подумав так, Федор Архипович поспешил с ребятами к кустам. В это время они заметили на дороге танк.

— Ложись! — только и успел крикнуть старик.

Пулеметная скороговорка ударила по ушам и, уже падая, Федор Архипович почувствовал, будто его укололи в ногу. Однако он не придал этому значения, волнуясь главным образом за ребят, приказал:

— Ползком в кусты!

Новая пулеметная очередь прошла над самой головой. Фашистский пулеметчик стрелял метко. Федор Архипович не мог понять: зачем он тратит патроны на старика и детей, ведь прекрасно видит, в кого стреляет. Впереди засверкали грязные ребячьи пятки. Кусты были уже совсем рядом, когда раздалась новая очередь и на старика полетели срезанные пулями листья и ветки...

СЕМИРЕЧЬЕ

Свобода!

Член Государственной Думы приехал на Ленские прииски, чтобы как-то успокоить людей, отмежевать правительство и царя от кровавых событий. Он помог тем заключенным, у которых подходил к концу срок каторги, сбросить кандалы. Вскоре эту группу расковали и доставили в Иркутск. Федор Мельников был в их числе и, получив позорный паспорт каторжанина, вышел на волю.

В его сумке лежало более пятидесяти писем товарищей. Он обязался выполнить их просьбу — доставить письма родственникам.

Последнее письмо от студента социал-демократа политкаторжанина Лутмонова солнечным утром привело его в город Верный к богатому дому. Служанка провела Федора к хозяйке. Барыня, увидев на конверте почерк сына, трясущимися пухлыми руками вскрыла его, развернула исписанный знакомым почерком лист бумаги и, то и дело промокая платочком слезы, запричитала:

— Господи боже мой! Что же он наделал, что наделал?.. И что ему нужно было?

Потом, посмотрев на стоящего рядом с нею Федора, сказала:

— Садитесь, пожалуйста, сударь, рассказывайте, как он там.

— Да вы не расстраивайтесь, мамаша. А рассказывать особо нечего. Житуха там, доложу я вам, несладкая.

— Не болеет он?

— Болеет? Что вы, там болеть не положено.

— А что он делает?

— Как и все. Тачку в руки и возит камушки. Золотишко русское для англичан добывает.

— Ох, ох!

— Не волнуйтесь, мамаша, не заметите, как отбудет срок и вернется.

— Сколько же вы-то там были?

— Немногим больше четырех лет, сударыня. Порядком испил чашу царской милости.

— Прошу вас, не говорите так...

Федора богачи Лутмоновы приняли неплохо. Вымылся он в бане, выспался на мягкой постели, а вечером, переодетый во все чистое, хозяйское, сидел за столом в кругу семьи. Он рассказывал о жизни каторжан,

о расстреле на Ленских приисках. Старая барыня то и дело смахивала платочком слезы с глаз и тихо повторяла:

— И что он надумал супротив царя идти?

— Ничего, сударыня,— повернулся к ней Федор и — успокаивающе: — Года через три вернется.

— Уж и не знаю,— барыня перекрестилась и стала нервно промокать глаза платочком.

— Как же вы думаете теперь жить, Федор Архипович? — спросил Мельникова глава семейства.

— А у меня, как у ветра, везде дом.

— Оставайтесь тогда у нас. Будете работать на мельнице. Механик нам требуется. Жалование вам положу неплохое.

Лутмоновы держали в городе паровую мельницу, пивоваренный завод, магазины.

Федор дал согласие. На мельнице он познакомился с рабочими и понял, что Лутмоновы ничем не отличаются от других эксплуататоров.

Каторга отняла у Мельникова немало сил и здоровья, бывало, целый день за тачкой до того уходится — ноги гудят, руки ломит, спасу нет. Но каторга была для него и неплохой политической школой: политкаторжане — народ образованный.

В городе Федор познакомился с социал-демократами. Снова началась подпольная работа, которая и привела его к большому особняку. Постучал. Дверь открыла служанка.

— Здравствуйте! — улыбнулся ей Федор.— Мне бы госпожу вашу повидать нужно!

— Проходите,— сказала девушка.— Я сейчас доложу.

Походил по прихожей. Осмотрелся: «Сюда ли я попал?» — подумал он. Но вот послышались шаги, и вошла высокая представительная блондинка.

— Здравствуйте, сударыня! Слышал, вам работник требуется на кухню. Я от Арсения.

— Работник не требуется, сударь. Но раз вы ищете работу, идемте...

Они прошли в залу.

— Зовут-то как, сударь?

— Мельников.

— Меня величайте Полиной Григорьевной.

Барыня неожиданно подала ему руку. Федор поспешно пожал ее.

— Придется вам, Мельников, поухаживать за моей служанкой. Можете и влюбиться, девушка она славная,— предложила барыня.

Федор внимательно наблюдал за молодой барыней и никак не мог поверить, что именно она, жена офицера, привезла политическую литературу. Что-то в России творится неладное. Лутмонов — политкаторжанин, а жена доблестного царского офицера хранит у себя политическую литературу. Неужели она и вправду заодно с простым народом? Может, я ошибся адресом? Но ведь все вроде идет так, как нужно. Да и пакет!

— Прошу вас, товарищ Мельников, не забывать об осторожности. Если что...

— Не беспокойтесь, Полина Григорьевна.

— За другими книгами придете завтра в это же время.

— Ясно.

— Матренушка! — крикнула она.

Вошла служанка.

— Слушаю вас, барыня.

— Проводи, милая, господина Мельникова. Сегодня ты мне будешь не нужна...

Федор загляделся на девушку. Ему нечасто приходилось видеть такие кроткие и добрые глаза. Попрощав-

шись с барыней, он пошел следом за девушкой. Его окрикнула хозяйка:

— Не забудьте уговор, сударь.

— Это невозможно, сударыня. До свидания!

Федор и Матрена вышли из дома. Девушка провела его до конца улицы. На прощание она сказала:

— Теперь, надеюсь, найдете дорогу?

— Смотря куда? Вас, кажется, зовут Матрена?

— Да. А вас?

— Федор. Вы куда-то торопитесь?

— Нет.

— Тогда идемте погуляем.

— Идемте.

В этот вечер они гуляли допоздна, а вскоре, когда он снова появился в офицерском доме, хозяйка сказала:

— Лучшей жены, чем моя Матрена, тебе, Федор, не сыскать. Женись-ка ты. Тебе уже тридцать с лишним — давно пора о семье подумать.

— А работа?

— Работе это не в ущерб. Слишком у вас, революционеров, примитивные взгляды на личную жизнь.

— Какой из меня муж, смех да и только.

— Деньгами я помогу вам.

— Да не в деньгах дело, Полина Григорьевна.

— Трудностей боитесь?

Федор хотел что-то сказать, но в этот момент вошла Матрена.

— Легка на помине, Матренушка. Вот Федор Архипович твоей руки просит. Жених он, конечно, несостоятельный...

— Да ведь...— начал было Федор, но Полина Григорьевна прервала его:

— А вы помалкивайте, сударь!

Матрена смущенно опустила глаза.

На правах жениха Федор мог теперь приходить в дом, где хранилась запрещенная литература, без подозрений.

Вскоре молодые супруги перебрались жить в поселок Бургун. Родилась у них дочь. Жить бы да жить. Но 1914 год полыхнул всемирным военным пожаром. Царскому правительству потребовались солдаты, много солдат. И бывшего политкаторжанина вызвали на призывной пункт.

Матрена, прижимая к груди дочку, всплакнула.

— Не плачь. Служить царю я не буду,— твердо сказал Федор.

— Опять ведь засадят тебя.

— Поживем — увидим! — отрезал Федор.

Пришел околоточный, но Федор наотрез отказался идти с ним:

— Эта война, господин околоточный, мне не нужна. Пусть воюет царь, а я — каторжник.

В 1915 году за отказ от воинской повинности Федора арестовали.

Беременная Матрена Харитоновна с дочкой на руках проводила мужа до полицейского участка. Федор помахал ей на прощание рукой:

— Если что нужно будет — к товарищам обращайся, помогут.

«Знакомый кабинет!» — невольно подумалось Федору, когда он увидел на стене огромный портрет царя.

Жандармский офицер грозно посмотрел на потемкинца, стоящего перед столом в поношенной кепке, и закричал:

— Ты, что? Не видишь, что перед тобой царь? — И, указав на портрет царя, закричал еще сильнее: — Снять кепку!

— Вы напрасно царем прикидываетесь! — Будто ничего не понимая, спокойно сказал Федор и добавил: — Царь, вон, на стенке повешен.

— Что?!

— Царь, говорю, не вы: царь на стенке повешен.

Офицер позеленел от злости, он решил приказать, чтобы сейчас же убрали из кабинета этого каторжника, но, взглянув на подчиненных, передумал и шагнул к потемкинцу.

Федор невозмутимо смотрел насмешливыми глазами на офицера, продолжал громко рассуждать, чтобы слышали его и за пределами большого кабинета:

— Царю, ваше благородие, до моей кепки никакого дела нет. Царь мне не покупал ее...

— Молчать! — вскипел офицер.

— Помолчать, конечно, можно,— невозмутимо согласился Федор. Ему нравилось, что он имеет возможность поиздеваться над этим самодовольным вельможей.

— В тюрьму его! В тюрьму! — грозно прокричал офицер.

Два жандарма схватили Федора и потащили из кабинета. В подвале втолкнули в камеру. Бросив в сторону жандармов полный ненависти взгляд, он, точно только что заметив арестантов, озорно крикнул:

— Привет, счастливчики!

Арестанты явно не ожидали увидеть в камере такого веселого парня с рыжеватой бородкой и дерзко искрящимися глазами.

— Ты, что? Заговариваешься? — подошел к нему здоровенный детина.

— Я?! А ты давно сидишь?

— Восемь месяцев.

— Значит, дурак, если не счастливчик,— грубо, со смехом парировал Федор. И чтобы все его слышали, крикнул: — А ты знаешь, что таких, как ты, сейчас убивают на русско-германском фронте? А твою душу, чтобы она не улетела в рай, охраняют здесь от немецких пуль жандармы...

— Ну — ты!

— А ты не тычь, а скажи жандармам спасибо. Что лучше: получить пулю в лоб за царя-батюшку или проводить время в столь приятном обществе? — Федор как бы обвел рукой камеру и громко: — Привет, братцы-арестанты!

— Что-то ты больно разговорчив! — буркнул верзила, но его слова заглушил смех.

— А мне, браток, терять нечего. Я уже прошел огонь, воды и медные трубы. Ясно?!

— Ты, видно, наших законов не знаешь...

— Законы я знаю все, даже царские. И знаю их лучше, чем обер-прокурор. Кто у вас староста?

— Нет такого,— отозвалась камера.

— Тогда беру эту обузу на себя.

— Бери, раз законы знаешь,— загоготали арестанты.

— Благодарю, братцы, за доверие,— и, подойдя к двери камеры, Федор что было сил забарабанил в нее ногой.

Надсмотрщик появился в дверях злой.

— Я староста! — заявил ему Федор и начал энергично высказывать требования камеры и наговорил их столько, что здешние тюремщики и арестанты были удивлены.

Надсмотрщик, не проронив ни слова в ответ, удалился.

— Скатертью дорога! — крикнули ему вслед.

Через несколько дней тюремное начальство стало посылать арестантов ремонтировать дороги.

— Мы не рабочие,— заявил Федор.— Будем, братцы-арестанты, работать, когда начальство удовлетворит наши условия... Иначе — забастовка.

И камера объявила забастовку.

Вскоре зачинщиков бунта: Мельникова, Елецкого

и Петренко (все рабочие социал-демократы) выслали в Нарым. Снова Сибирь.

— Ничего, ребята, главное не унывать,— подбадривал друзей Федор.— Сибирь куда лучше, чем смерть за царя. Долго так продолжаться не может. Не тот теперь солдат и рабочий. Придет и царю конец. Придет! Не пропал я на каторге, а в ссылке и подавно не пропадем...

— А семьи?

— У меня у самого,— Федор вздохнул,— кошки скребут здесь,— он постучал по груди,— жинка беременная, дочка маленькая на руках. Да ведь все равно нас послали бы на фронт, а мы еще нужны будем революции. За свое кровное дело, за свободу можно и голову сложить, но за царя-кровопивца погодим.

Глава восьмая

Не думал Федор Архипович, что первый выход в город закончится для него так трагически. Хорошо, что ребята были рядом: иначе пропал бы. Сейчас все это уже позади, но тогда, упади мгновением позже — всех троих прошил бы вражеский пулеметчик. Хотя фашист, конечно, отлично видел, что стреляет не в военных людей, а в старика и детей. Но на то он и фашист!

— Аннушка! Что-то ребята запаздывают?

— Запаздывают...

Федор Архипович впервые разрешил Мишке и Филиппке пойти в город одним. Доверил им ответственное дело. Но что он мог сделать еще? Аннушку Сотникову послать нельзя. Дочь ее уже месяц как в партизанском отряде. А здесь ночью прискакал Данилов, нужно было срочно доставить Захару Захаровичу записку. Вот и решился он доверить это дело ребятам,

а теперь неспокойно было на душе старика. В сотни раз лучше бы пойти самому, но пока еще раны дают о себе знать. Теперь вот беспокойся...

Быстро росло на Смоленщине партизанское движение, увеличивалось и число карательных отрядов. В город теперь (как узнал старик от Аннушки) пробраться не так-то просто. Особенно после того, как у самой станции кто-то пустил под откос вражеский эшелон. Паровоз ли взорвался, мину ли кто подложил под рельсы, но результат один — несколько дней гитлеровцы разбирали завал на дороге, а сколько покалеченных и убитых фашистов вывезли оттуда — все больницы завалены, говорят, даже специально новый госпиталь в бывшей школе организовали и целое кладбище у железной дороги выросло...

Старик то и дело поглядывал в окно: не идут ли ребята, но село точно вымерло. На днях к Сотниковым заходил местный староста с полицаем. Староста — старик, а полицай — молодой парень, которого в Красную Армию не взяли из-за болезни (Федор Архипович узнал об этом от хозяйки).

— Это что у тебя за бородатый мужчина, Анна? — спросил староста, не обращая внимания на то, что здесь присутствует сам Федор Архипович.

— А ты что, впервые видишь его? — вопросом на вопрос ответила Анна Сотникова.

— Раз спрашиваю, отвечай.

— А ты у меня спроси,— вмешался в разговор Федор Архипович.

— Придет время, и у тебя спросим.

— Моего мужа отец. Разве не видишь? Еще до прихода немцев приехал,— спокойно ответила Анна.

— Что у него с ногами?

— При бомбежке ранило. Вот и остался.

— Коммунист, как твой муженек?

— Дурак ты. Он при царе орденом награжден был. Крест вон имеет...

Староста внимательно посмотрел на старика, лежащего на кровати, и вдруг спросил Анну:

— А дочка твоя куда запропастилась?

— С немецким офицером в Москву уехала,— вставил Федор Архипович, не отводя от полицая насмешливых глаз.

— Ты вот у меня поговори, поговори,— дернул за ремень тяжелую немецкую винтовку полицай.

— Ты знаешь хоть, как с этой штукой-то обращаться? — снова хихикнул Федор Архипович.— Придется тебе брать у меня, старика, уроки.

— Без тебя справимся.

— Ну! Тогда добро.

Староста и полицай ушли.

— Где это немцы таких дурней разыскали, Аннушка? Признаться, не думал, что в вашем селе найдутся такие...

— Нашлись. Как бы они не доложили насчет моей Зинки? А? Что тогда делать, Федор Архипович?

— Говори, в Смоленск уехала, работу искать.— А про себя подумал: «Нужно с ними не спорить, наоборот, бутылочку бы выставить. Маху мы с Аннушкой дали, маху... Они нам еще пригодятся».

А сейчас он размышлял: «Где же запропастились ребята? Не могли они сразу вдвоем...» Он вспомнил, как учил их идти в город по одному. Один впереди, а на расстоянии видимости — второй, чтобы знать, как вести себя, если произойдет заминка какая: немцы остановят или еще что... «Малы еще мальцы для такой работы, малы. А в то же время...» — Старик даже представить не мог, что бы он делал без них, когда его ранило.

Эти два паренька, едва фашистский танк скрылся, подбежали к нему.

— Деда Федя, вы живы, живы?

— Сейчас, ребятки, обследуем корпус. Что-то в сапогах жжет. О!.. Как же это он, гад, ногу-то... Дай-ка, Филиппка, твой ремешок, нужно пока суд да дело жгут наложить...

Ребята склонились над стариком, приподняли его и стали наблюдать, как он перетягивал выше колена ногу. Трава рядом обагрилась кровью.

— Да-а-а,— вздохнул он и поморщился от боли.— Вот для чего, ребятки, идя на задание, нужно надевать чистую рубаху. Снимай-ка, Мишка, свою, придется пустить ее на бинты. Стаскивай, Филиппка, сапог. Вон как его разодрало. Такую вещь испортил, гад. Потише, Филиппка, потише тяни. Вот так, умница...

Помогая мальчику стягивать с ноги сапог, Федор Архипович то и дело сжимал зубы, чтобы не вскрикнуть от боли. Он понимал, если вторая нога цела, то при помощи ребят как-нибудь до села доберется, а сейчас нужно быстрее перевязать рану.

— Рви, Мишутка, рубаху, рви, не жалей, набросишь на себя мой пиджак. Не замерзнешь. Да-а-а, изрядно он покалечил мне ходовую часть... Изрядно...

Филиппка, увидев залитую кровью ногу старика, отвернулся.

— Не гляди, внук, не гляди... Это не для детского глаза картина. Здорово он разворотил мне... Лишь бы кость была цела, а мясо нарастет.

Закончив бинтовать, Федор Архипович опустил штанину, но сапог надевать не стал.

— Теперь, ребятки, нужно найти деревцо рогулькой и сделать из него костыль.

— Сейчас, деда, сейчас,— и Мишка помчался в лес. Филиппка за ним. Они сразу поняли, о какой рогулине идет речь. Вскоре они вернулись. Дед удивился даже, как они без топора и без ножа так быстро разыскали в лесу нужное деревцо.

— Теперь, братишки, поднимите меня.

Мишка и Филиппка подняли старика. Он стоял на одной ноге, прилаживая под мышку рогулину. Обламывать концы не стали. Главное, основание подошло точно по росту. Федор Архипович попробовал идти: ничего, получилось. Его радовало то, что рана теперь не причиняла особой боли. Они сразу же отправились в путь, подобрав с земли все пожитки. Филиппка нес мешок с провизией и дедов сапог, а Мишка подлез старику под мышку, помогая ему идти...

Когда подошли к речке, Федор Архипович попросил Мишку смыть с сапога кровь и прополоскать его внутри. Передохнув на берегу, не спеша двинулись дальше...

Федор Архипович вздохнул, слез с постели и посмотрел в окно. Не хотелось ему верить, что ребят могли забрать каратели. И все же ругал себя за то, что не подождал дня два-три, мог бы и сам пойти вместе с ними. Но дело было сделано, и теперь необходимо было ждать, ждать и ждать...

НАРЫМ

Нарым — проклятый богом уголок сибирской земли, так, по крайней мере, считало царское правительство. Сюда ссылали опасных политических заключенных. Люди здесь, как и природа, суровы. А пристав Лутин — высокий, усатый, с красным мясистым носом и голубыми, как озера, глазами,— смотрел из-под белесых бровей нелюдимо и с поднадзорными был груб и жесток. Ссыльным Мельникову с товарищами он заявил прямо:

— Вздумаете бежать — убью! Без моего ведома никуда не отлучаться.

— Шутите, господин жандарм? — усмехнулся Федор.— Куда бежать? Ну, допустим, побежали бы?

— Молчать!

— Молчать-то можно, но куда вы нас подбиваете бежать?

— Что?

— Куда бежать, спрашиваем? На фронт? Так зачем тогда вам убивать, когда на фронте и немцы убьют за милую душу. Вы бы, случаем, на фронте оказаться не хотели, а?

— Что?!

— На фронт, говорим, хотели бы попасть?

— Что за разговоры?!

— За царя-батюшку, господин жандарм, желали бы голову сложить или нет?

— Молчать! — вышел из себя Лутин.

— Замолчать-то можно. А за царя-батюшку надо бы не пожалеть жизни, господин жандарм, а то что же получается — выходит, вы против царя?

Сбитый с толку Лутин смотрел расширившимися голубыми глазами на своих поднадзорных и, не зная, что сказать, снова крикнул:

— Мол-чать!

Лутин никак не мог взять в толк, почему его обвиняют в том, что он против царя. Служит он исправно, политических держит в крепких руках — у него не больно поговоришь! — и вдруг его обвиняют в том, что он плохо служит царю. И кто обвиняет? Политические. Этого он никак не мог понять. А Федор продолжал:

— За царя-батюшку, господин жандарм, умереть одно удовольствие. Поэтому принять смерть от вашей руки или от германской одно и то же. Только мы не знаем, конечно, почему вы заодно с немцем, с врагами нашего царя-батюшки? Объясните, господин жандарм! Вы вроде должны служить верой и правдой престолу

русскому, а вы — убью! А ведь царь-батюшка присылает сюда не того, кого хочет убить, тех он шлет на фронт. Так как же понимать? За немцев вы или нет?

— Что ты мне голову здесь дурманишь? Вот я тебе поговорю!— взревел Лутин.

— И кричать вам, господин жандарм, никто не позволит. Это в плену на русского брата немец может кричать безнаказанно. А раз вы не желаете умереть за царя-батюшку нашего, то и кричать вам не дозволено. Мы законы знаем...

Долго еще шел разговор о законах и беззакониях. И Лутин ушел красный и посрамленный, придерживая шапку.

— Выходит, и бить их нельзя? — бубнил он.

Держался Лутин после этого разговора подальше от политических. Слышал, что ссыльные подрядились в селе дом строить. «Может, запретить?» — думал Лутин, но не решился вести с ними разговор на эту тему.

Ссыльные Мельников с Петром Елецким и Николаем Петренко жили дружно. А когда познакомились с политическим ссыльным, прибывшим из столицы, стали ходить на заработки. Дело у них спорилось.

Столичный товарищ, который представился им как Михаил, жил недалеко от их стройки. Он слесарил прямо на открытом воздухе. Друзья подходили к нему покурить. Приветливо улыбаясь им, он откладывал инструмент в сторону и, смотря из-под очков, говорил как бы между прочим:

— Вы, ребята, не дичитесь. Заходите как-нибудь вечерком. Поговорим о житье-бытье.

А вечером, за чаем, все стремился выспросить: кто да что, да как. Узнав, что Мельников с «Потемкина» и что отбыл уже каторгу, Михаил сказал прямо:

— Надо бежать, братишки!

— Бежать?

— Да.

— Куда? Ведь это же Сибирь! Кругом тайга.

— Были бы деньги.

— Деньги заработать можно.

— Тогда поскромнее жить надо.

— Мы и так скромнее скромного.

— Рад, что вы поняли меня. Во-первых, с надзирателем следует завести дружбу. А это расходы. Может, и выпить с ним придется, и взяткой задобрить.

— Паспорта бы достать? — вздохнул Елецкий и посмотрел на Михаила.

— Паспорта будут!

На следующий день решено было послать к Лутину Мельникова. После работы Федор с бутылкой в кармане направился к жандарму.

Перед тем как войти, он негромко постучал. Подождал немного и открыл дверь. Лутин сидел на скамейке и подшивал валенки. «Видно, тоже нежирно живется на царской службе»,— решил Федор.

— Добрый вечер, господин жандарм,— весело сказал он и, посмотрев на угол с иконами, перекрестился.

Жандарм, не ожидая такого визита, несколько стушевался. Отложил валенок, встал. На Лутине была простая холщовая рубаха и старые жандармские брюки с заплатами на коленках.

— К зиме готовимся, господин жандарм? — указав на работу, спросил Федор.— Правильно. По-нашему. Время-то, оно не ждет, осень не за горами. Похолодает, заметет... Вот это, господин жандарм, и привело меня к вам с просьбой. Может, поможете нам достать обувку, валенки то есть. Всем троим, конечно, а мы уж вас отблагодарим.

— Да-а-а! Зима у нас суровая,— буркнул жандарм.

— Вы уж извините, что пожаловал к вам на дом. Получили вот деньги за работу. А вам, господин Лутин (Федор сделал паузу и посмотрел на жандарма, он впервые назвал его по фамилии, и интересно было,

как будет реагировать на это надзиратель), мы как душевному человеку премного благодарны. За хорошее отношение к нам, вот,— Федор положил на стол деньги,— не откажите в любезности принять эту благодарность. И очень просим вас купить нам валенки,— Федор положил рядом другую стопку денег.— Всем известно, у вас связи большие, почитай все здесь в ваших руках.

— Обувь зимнюю, это, конечно, приобрести необходимо,— проговорил надзиратель, смотря на деньги.

Федор почувствовал, что теперь самый момент перейти в окончательное наступление. Пока надзиратель стоял в нерешительности, он ловко вытащил из кармана бутылку и поставил на стол.

— Вы уж, господин Лутин, не посчитайте за бестактность, примите и это. Ребята просили. Вы хоть и строги, но справедливы и честны. А посему, как говорится, чем можем, тем и решили отблагодарить вас.

— Право, не положено...

— Что вы, господин Лутин. Мы ведь от чистого сердца. Правда, поначалу, когда прибыли к вам, было у нас недоразумение, но, как говорится, былое быльем поросло.

Увидев на столе кружку, Федор решительно откупорил бутылку, налил в нее водку, затем отыскал другую, наполнил и ее. Поднес кружку Лутину.

— Выпьем, господин жандарм.

— Растрогал ты меня, Мельников. Что с вами делать...

Чокнулись.

— Ты садись, язви тебя. Я сейчас закуску принесу.

Лутин ушел и появился с хлебом и салом. Они сели за стол.

— Мы, господин Лутин, думаем подрядиться еще дом построить. Если вы не будете против, мы вас отблагодарим.

— Что с вами делать? Валяйте! Только прошу: вести себя исправно.

— Да мы, господин Лутин, сами видите, кроме работы, ничем не занимаемся. Раз положено искупить вину — искупаем.

— Это похвально.

Они распили бутылку, и Федор, еще раз напомнив о валенках, ушел.

Друзья были довольны его посещением Лутина.

Как-то надзиратель сам заглянул к ним на стройку. Федор соскочил со сруба вниз.

— Добрый день, господин надзиратель,— Лутину льстило, когда к нему обращались «господин жандарм» или «господин надзиратель».

— Письмо вам, Мельников,— сказал жандарм и полез в карман. Он не спеша вытащил конверт и передал ссыльному.

Матрена писала о том, что жить трудно, что их теперь трое — народился сын, назвали Алексеем.

Вечера ссыльные проводили вместе — обсуждали план побега. У Федора на руках появился новый паспорт, по которому он значился Хомяковым Алексеем Петровичем.

Бежать решили, когда будет достроен дом. Работа должна быть закончена до первых заморозков. А осень с приходом не медлила, уже позолота тронула деревья. Отсолнцевались поля. Но дни все еще стояли погожие, хотя ночами было зябко.

Встретив как-то жандарма Лутина, Федор поинтересовался:

— Не забудете, господин надзиратель, обуть нас к зиме?

— Не беспокойся, Мельников.

— Спасибо вам, господин надзиратель.

А вечером, собрав в дорогу все необходимое, четверо политических ссыльных совершили побег.

Глава девятая

Как-то под вечер в дом Сотниковых неслышно вошел мужчина, остановился у порога и позвал:

— Есть здесь живые души?

Схватив самодельные костыли, из своей комнатушки выпрыгнул Федор Архипович — и ахнул:

— Ба! Кого я вижу, Алеша! Ну удружил. Проведал-таки старика.

Расцеловались. Сели на лавку.

— Рассказывай, Архипыч, как твои дела? — спросил Алексей Васильевич.

— Дела, как сажа бела. Не заживает рана, и все тут, а ведь скоро ноябрьские праздники.

— С таким лечением ты никогда не поправишься. Будешь ездить на перевязки в город...

— Машину пришлешь, аль как? — прищурив левый глаз, хихикнул старик.

— Я тебе серьезно говорю. А заодно и ответственное задание выполнишь. Устроили мы твою внучку Зину Сотникову работать в городе в офицерской столовой. Должность невелика, но для нас и этого достаточно... Да, Данилов докладывает, ты здесь с двумя мальцами сдружился? Не подведут?

— Ребята золотые.

— Ну смотри.

— Я ведь, Алеша, без них, как без ног и без рук. Должны они сейчас появиться. Познакомлю. А ты что же, один?

— Мы здесь почти всем отрядом,— пошутил Алексей Васильевич.— Привезли тебе товар. Ты должен переправить его в город. На перевязки придется ездить каждый день. Коня тебе будет запрягать староста. С ним поговорили. Согласен. Ну а напарниками себе бери ребят. Телегу могут проверять. Товар невелик, и его

нужно будет перевезти так, чтобы никакая проверка не обнаружила.— Алексей Васильевич рассказывать старику о «товаре» не спешил. Но Федор Архипович догадывался, что это могло быть какое-то оружие. И уже начал прикидывать, что сделать, чтобы провезти этот «товар» в город сквозь проверочный пункт незамеченным.

— Ты, Васильич, не тяни душу: что за товарец-то?

— Товарец — шашки толовые. Но главное — часовой взрыватель собственной системы.

— Это мы враз доставим, а я уж, грешным делом, думал, артиллерийскую установку.

— Дело, Федор Архипович, в том, чтобы со стороны немцев не было ни малейшей догадки на то, как и кем это было сделано. Чтобы отвести подозрение от людей, работающих на нас. Это на передовой все ясно: здесь — мы, там — они. А здесь другое дело. Здесь нужно у них вызвать страх, панику, чтобы они не знали, где их ожидает возмездие. Вот что важно. Важно и другое: вселить в наших людей уверенность, что врага били, бьем и будем бить. А то геббельсяты больно уж кричат, что дни Москвы сочтены. Ты из дома, наверное, не выпрыгиваешь, а если бы ты видел, с какой радостью восприняли люди крушение на железной дороге у станции. Хотя диверсия была и не нами проведена, но факт-то остается фактом: сколько фашистов угробили — целое кладбище.

— Ты мне, Васильич, политграмоту не читай. Я к тебе приехал воевать, а о смерти я не думаю. Давай поговорим о деле.

И Алексей Васильевич рассказал старику о своей задумке в надежде, что и со стороны опытного, бывалого красного партизана будет поддержка и дельный совет.

Федор Архипович одобрил замысел, что взорвать столовую с офицерами сейчас самый подходящий мо-

мент. Выполнить эту операцию должна Зина Сотникова. Для этого ее и устроили на работу в столовую под другой фамилией да вдобавок еще по протекции. Начальник столовой немец Курт Нагель — худощавый, длинный лейтенант лично занимался наймом. Брал он на работу только особо красивых молодых девушек — по всем этим статьям подходила ему и Зина, а вот рекомендацию должен был подписать ей сам начальник районной полиции. Пришлось пойти на риск: Зина явилась к Курту Нагелю с полицаем (подпольщиком, «работающим» у немцев) и фальшивой рекомендацией. Но, видно, не столько рекомендация и не столько полицай с винтовкой, стоявший за ее спиной, сколько глаза Зины решили вопрос о ее приеме.

На кухню Курт Нагель никого из русских не допускал — поварами были сами немцы. Русские девушки (их было девять) работали официантками, уборщицами, посудомойками. Зину взяли на место уборщицы, которая не оправдала надежд лейтенанта, не согласилась быть гулящей девкой.

Алексей хорошо понимал, как трудно будет там работать Зине. Но что поделаешь. Так надо.

Федору Архиповичу нужно было ехать в город завтра же утром. Взрывчатку он должен будет передавать в приемной врача полицаю, а тот — Зине.

Чтобы побольше уничтожить фашистов, решено было произвести взрыв вечером, когда в столовой особенно многолюдно. Офицеры проводят там время.

В первую поездку Федор Архипович решил взять только толовые шашки. От ребят он скрыл главную цель своей поездки. Дети ведь еще.

И вот, когда за окном послышались голоса ребят, Федор Архипович сказал секретарю райкома:

— Идут мои гвардейцы. Как мы тогда до дому дотащились, удивляюсь. Без них пропал бы...

Вошли. За руку, как взрослые, поздоровались со стариком и покосились на мужчину, сидящего на лавке.

— Познакомьтесь, ребята, с командиром партизанского отряда,— просто сказал им Федор Архипович.

Ребята враз оробели, не понимая, шутит старик или правду говорит. Стоят, мнутся. Алексей Васильевич сам пришел им на помощь: подал руку сначала Филиппке, как меньшему, потом Мишке. Похвалил их, пообещал принять в отряд.

— Здесь, правда, заминочка одна вышла,— как бы между прочим сказал Федор Архипович.— Послал я их в город. Жду обратно, а их нет и нет. Чего только не передумал, а они, проказники, задание-то выполнили быстро и успешно, а вот доложить об этом забыли. Ребятишки, видишь ли, в ножички играли, а мои разведчики остановились возле них и целых два часа проторчали там. Хорошо, что Аннушка их увидела, позвала. А они и думать забыли, что дед их ждет не дождется.

— Прости, деда, больше этого не будет. Мы думали...

— Думали, думали,— заворчал старик.

— На первый раз, Федор Архипович, я полагаю, можно простить. Но, ребята, чтобы это было в последний раз. Больно уж жестокая эта штука — война. Дисциплина прежде всего. А у партизан, да еще у разведчиков железная должна быть дисциплина!

— Это мы знаем.

— Знаете, а доложить забыли.

— Я говорил тебе,— толкнул Мишка Филиппку.

Филиппка виновато надул губы.

— Завтра поедете со мной в город. На перевязку повезете старика,— Федор Архипович подсунул под мышки самодельные костыли и направился к сто-

лу. Сел на табуретку. Поставил костыли к стене. Ребята уселись рядом на лавку.

— Ну, гвардейцы, идите, постойте у дома на часах, а заодно и в ножички поиграйте.— Федор Архипович, понимая, что разговор еще не окончен, подтолкнул ребят к двери.— А мы с командиром поговорим о наших делах.

Ребята, поняв, какое ответственное задание им поручили, выбежали на улицу и стали играть в ножички. Им хорошо видна была улица.

— Никому не скажут, что видели меня?

— Ребята надежные.

— О моем посещении твоего дома никто не должен знать.

— А как же староста?

— С ним договорились просто,— улыбнулся Алексей Васильевич.— Он вынужден выполнить наше требование!

Проводив командира, Федор Архипович долго сидел в раздумье. И вспомнился ему тот далекий осенний вечер 1916 года.

ПОД ЧУЖИМ ИМЕНЕМ

Поздним холодным вечером на квартиру рабочего большевика Лобова постучали четыре раза. Хозяин молча открыл дверь.

— Здравствуйте. Я от товарища Михаила,— представился незнакомец.

Хозяин пригласил гостя в комнату. В прихожей внимательно осмотрел пришельца, переспросил:

— От товарища Михаила, из инструментальной мастерской?

— Да. Я Хомяков.

— А! Алексей Петрович, здравствуйте, здравствуйте! Мне товарищ Михаил говорил о вас. Вы очень точ-

ны.— И, показав на часы, висящие на стене, справился о здоровье.

— Спасибо, на здоровье не жалуюсь. Товарищ Михаил просил вам кланяться.

Хозяин оживился.

— Жена,— крикнул он,— собери-ка на стол. Идемте, я покажу вам комнату.

Когда они зашли в уютную комнату, хозяин заметил:

— Придется вам пока без надобности на улицу не выходить. Поживете у меня. А потом Михаил что-нибудь найдет для вас понадежнее.

Михаил зашел на следующий день к Федору под вечер, когда за окнами начали сгущаться ранние сумерки. Он с улыбкой пожал Федору руку и коротко сказал:

— Устал, Алексей Петрович, без работы?

— Без дела жить — хуже ссылки!

— Зато безопасно.

— Выходит, в столицу бежали для того, чтобы отсиживаться?

— Всему свое время, Алексей Петрович. Друзей твоих пристроили, а тебе надо подождать. Отдохни немного...

— А ты? Отдыхаешь?

— Ну что с тобой делать, Хомяков? Хорошо. Согласен быть моим связным?

— Что за разговор?

— Значит, договорились? Доверяем тебе секретную переписку. Надеемся на твою матросскую смекалку. А пока, чтоб не скучал, вот тебе план города. Ознакомься с ним.

И целые дни Федор изучал теперь рабочие кварталы столицы. А в начале февраля на конспиративной

квартире его познакомили с младшим унтер-офицером гвардейского полка.

— Это наш связной,— представил его Олев и добавил: — Человек надежный.

Военный подал Мельникову руку:

— Кирпичников.

— Хомяков,— сказал в свою очередь Федор.

— На всякий случай: с этой минуты вы друг друга не знаете и никогда не встречались,— уточнил Михаил и добавил: — Придется вам Алексея, товарищ Кирпичников, устроить в своей роте вольнонаемным на кухню.

— Ясно, товарищ Олев.

— Связь со мной держите только через него. В нашем деле мелочей нет, поэтому будьте осторожны.

Так Федор Мельников был пристроен на кухню вольнонаемным.

В канун Февральской революции в кухне ночью состоялось секретное совещание солдат и рабочих. В числе делегатов от рабочих был и Олев. Охранял совещание взвод старшего унтер-офицера Лисничьего.

На заседании обсуждался план совместных действий рабочих и солдат во время восстания. Заседание окончилось глубокой ночью. Федор пошел проводить Михаила.

— К тебе, Алексей, просьба: во время восстания держать меня в курсе, как и что. Связь с воинскими подразделениями для нас особенно важна.

В феврале рухнул наконец-то дом Романовых.

В Петрограде установилось двоевластие. «Рядом с временным правительством, правительством буржуазии, сложилось еще слабое, зачаточное, но все-таки существующее на деле и растущее другое правительство: Советы рабочих и солдатских депутатов». А в апреле большевики ждали возвращения Ленина из-за границы.

Федор приехал на Финляндский вокзал с товарищами для охраны вождя революционного пролетариата.

Сотни людей с нетерпением всматривались в даль. И вот показались огни паровоза. На перроне, затаив дыхание, все замерли.

Владимир Ильич и Надежда Константиновна, удивленные такой встречей, подошли к почетному караулу...

Федор пытался уловить разговор Владимира Ильича с Подвойским, но так ничего и не мог расслышать.

— Тише!

— Тише, товарищи!

Но нарастающий шум с площади заглушал голоса.

У вокзала рядом с броневиками стояла легковая машина, в которой должен был ехать Владимир Ильич. Но когда он подошел к машине, голоса приветствий и такое огромное скопление народа еще больше удивили его.

Федор видел, как Владимиру Ильичу помогли подняться на броневик.

В ту ночь, да и во все последующие дни в казармах только и разговоров было о приезде Ленина, о его речи, произнесенной у Финляндского вокзала.

Россия 1917 года напоминала бурное море. Сбросив самодержавие, она искала выход, и этот выход был найден только в октябре.

24 октября Федор, выполняя поручения Олева, снова явился к Кирпичникову, а вечером собрался на совещание совет полка. На повестке дня стоял вопрос о вооруженном восстании. Солдаты были на стороне большевиков. Им вместе с рабочими Петрограда предстояло решить судьбу России.

Октябрьская революция победила! Впервые государственные дела России стал решать сам народ.

Работы в Петрограде было много, но думы о семье не давали Федору покоя. Как-то там Матрена? Да и сына он еще не видел. Однажды поздно вечером Федор зашел к Михаилу.

— Здравствуй, Федор! — Олев назвал его настоящее имя.— Ты чем-то озабочен?

— Да, Миша, просьба у меня к тебе.

— Какая?

— Думаю поехать к семье, в Семиречье.

— Ну что же, хорошо. Там сейчас очень нужны наши люди. Опыт у тебя теперь богатый — Октябрьская революция.

Глава десятая

Последнюю партию взрывчатки (часовой механизм со взрывателем старик доставил вчера) Федор Архипович вез с недобрым предчувствием. Почему-то казалось, что сегодня обязательно гестаповцы будут его обыскивать. У реки он остановил лошадь и ссадил ребят. «Погибать, так одному»,— подумал он.

— Мишка! Филиппка! Извините, ребята, но сегодня я должен ехать один. Нога у меня подживает. Чувствую себя хорошо. А вам, ребятки, приказываю сегодня отдыхать,— и протянул на прощание руку.

Ребята ничего не могли понять, но со стариком явно что-то произошло. То взял с собой, то вдруг ни с того ни с сего высадил, когда уже отъехали от села больше двух километров. Однако противиться не стали. Слезли с телеги, да так и застыли посреди дороги и стояли до тех пор, пока повозка не скрылась за зарослями кустарников.

— Что это с ним сегодня? — спросил Филиппка.

Мишка передернул плечами: откуда, мол, мне знать.

А старик, когда ребята скрылись из виду, подумал: «Нервы стали сдавать». Перед ним вдруг предстали, точно наяву, глаза веснушчатого, толстомордого фельдфебеля. Фашист обычно стоял в стороне и наблюдал, как ведут себя проезжающие или проходящие через контрольный пункт. В правой руке фельдфебель небрежно держал автомат, готовый дать очередь в любую минуту. Иногда он как-то странно вскрикивал на солдат, и те сразу принимались то истово обшаривать повозки, то ощупывать проходящих. Казалось, что из-под пристального взгляда этого гестаповца ничто не может ускользнуть.

Особенно Федор Архипович волновался вчера, когда ни с того, ни с сего фельдфебель вдруг энергично направился к его повозке и, схватив старика за забинтованную ногу, крикнул:

— Aufgestanden!*

— Не могу я встать, дорогой ты мой фашист. Кранк. Болен, значит.

— Bist du Partisan?**.

Федор Архипович громко засмеялся, рукой ударил по бороде, как бы взбивая ее вверх, и распахнул ватник, показывая фашисту Георгиевский крест.

— Не партизан я, а бывший офицер царской армии! Можешь ты понять это, дубина стоеросовая?

К повозке подошел полицай лет сорока пяти. Он, как показалось старику, услышал его разговор с немцем.

— Что тут у вас?

— Еду на перевязку в город. А этот...

— А, это ты, борода. Не волнуйся.

— Его благородие принял меня за партизана. Легко бы воевать было с такими партизанами.

---

* Встать! (нем.)

** Ты партизан? (нем.)

— Раз борода, то по его понятию — партизан.
— Выходит, все попы — партизаны?
— Документ? — протянул полицай руку.
— Ты уж мой документ, поди, на память выучил.
— А ты, дед, поменьше разговаривай.
— Я тебе не дед. Я, дорогой ты мой красавец,— бывший капитан и к тому же георгиевский кавалер! Говорит это тебе что-нибудь?
— Порядок нужно соблюдать, папаша, немцы во всем любят порядок,— немного смягчился полицай.
Федор Архипович полез в карман за справкой, выданной ему старостой, и сунул ее между немцем и полицаем.
Потянулось к ней две руки: немца и полицая. Полицай свою руку тут же отдернул. Немец повертел бумагу, вернул старику.
— Ты будешь смотреть?
— Проезжай!.. Стой! А это что за чумазая команда?
— Это? — старик подмигнул полицаю и, подавшись к нему, как величайшую тайну, сообщил: — Это, милок, самые главные... Понял? Карапузы от деда ни на шаг. Мне ведь без них из воза не вылезти.
Полицай обошел воз, но на нем, кроме охапки сена для лошади да ребят, ничего не было, и махнул рукой.
«Что-то он внимательно стал приглядываться к нам»,— подумал старик, а сердце отбивало: «а вдруг... а вдруг... а вдруг...»
«Пожалуй, стоит с собой противотанковую гранату возить. Если что — раз... и в расчете...» — подумал и действительно в следующий раз взял гранату, но у реки ребят ссадил с воза. Решил ехать один: «Мало ли что может случиться, а им еще жить да жить».
Миновал перелесок. Оглянулся. Чего доброго, ребята крадутся за ним сзади. В глазах у них, когда слезли с воза, застыло непонимание: почему это старик не берет их?

Федор Архипович видел, что пока его телега не скрылась за перелеском, они стояли на дороге.

Показалась будка у переезда. К поясу под пиджаком привязана граната. Проверил: легко ли будет вырвать чеку, а там чуть тряхнул — и соскочит предохранитель. От противотанковой никому из рядом стоящих не уцелеть. Все же веселее с фашистскими выродками будет на тот свет идти.

— Но-о, милай! — подстегнул Федор Архипович коня, который давно уже забыл, что такое рысь.

У переезда стояло несколько подвод.

«Ну вот... Не зря, выходит, было предчувствие. Ну ничего. И без последнего десятка шашек достаточно будет Зинке, чтобы взорвать столовую с фашистскими офицериками и похоронить их всех под обломками... Но рано, Федор Архипович, ты себя отпевать стал, рано. Еще повоюем... Ну а если что... не оплошаем напоследок...»

Придержал коня: «На тот свет не стоит торопиться»,— решил он. Вспомнилось, как посоветовал он полицаю, молодому человеку с интеллигентным лицом, поместить в подвале железный бак, а в него — толовые шашки, бутылок шесть-семь бензина. Неплохо было бы, конечно, канистру целую припрятать, чтобы после взрыва вспыхнул этот дом таким пламенем, из которого ни одна бы душа не вылетела, чтобы было известно, кто там сгорел, одному господу богу. Пусть гестапо поломает голову, что и как.

Когда Федор Архипович подъехал к переезду, осталось две подводы.

— Тпру, милай... Что там у тебя, красавец, стряслось? Здравствуй! — Весело бросил старик полицаю, проверяющему впереди стоящую повозку. Из-за крупа лошади трудно было понять, что там происходит. Но вот полицай подошел и к нему.

— Здравствуй, говорю, сокол ясный!

— Ты что это сегодня навеселе, дед?

— По такому поводу не грех было бы и в пляс пойти,— Федор Архипович прикинулся выпившим, расчесал скрюченными пальцами бороду, облизал языком губы.

— Долго ты еще будешь ездить?

— Последний, ежели врач не отменит свое решение. Скоро я их,— он ударил рукой по костылям, лежащим у ног,— на дрова пущу. Можешь меня поздравить.

— Это с чем же? — полицай поправил винтовку на плече и поднял на старика изучающий взгляд.

— Скоро я, соколик, стану ваше благородие! Скоро поеду принимать из рук германского командования свои поместья.— И — тише: — Пойдешь служить ко мне? Жалование положу хорошее. Дом дам. Ну а жену-красавицу сам найдешь. Как? — весело прикрикнул Федор Архипович и ударил ладонью полицая по плечу.— Они еще узнают, что жив-здоров георгиевский кавалер капитан его величества...— И закашлялся.

— Так почему ты весел, старик? — снова спросил полицай, но не придал особого значения, что тот от души шарахнул его по плечу.

— Аль ты не слыхал, что на фронте происходит? Если бы побольше было у нас таких, как ты, сокол, давно с большевиками... «А я, пожалуй, переговариваю, переговариваю...» — одернул себя Федор Архипович.

— Нет бы угостить...

— Ты ж на посту.

— От твоих речей...

— А германец-то ничего не скажет? Есть у меня бутылочка. Врачу везу. Да ладно. В мешке лежит. Конфискуй. Что с тобой сделаешь.

Рукой поправил тряпочку, привязанную к колечку от чеки. Усики разогнуты. В случае чего. Только вот от будки далековато...

Полицай полез в мешок. Там лежало несколько кусков хлеба, завернутых в старую районную газету, не-

много свинины, несколько луковиц, в отдельном мешке килограммов десять картошки и бутылка самогона.

— Возьми луковицу, кусок хлеба. Сало-то оставь. Я без сала не могу. Парень ты, смотрю,что надо, службу несешь исправно. Такие мне нравятся. Не надумал идти ко мне?

— Поезжай!

— Да, заговорился я с тобой, но, видно, несговорчивый ты... Иль думаешь, не отпустят?

— Езжай, ладно.

— Но, милай!

Телега запрыгала на досках у переезда.

Когда отъехал, стер со лба холодный пот. «Что это со мной? Вроде все в порядке. Нервы стали шалить, нервы». Федор Архипович расстегнул пиджак, вытащил гранату, загнул усики на чеке, замотал в шарф, снятый с шеи, и сунул в мешок. «Им, видно, больше самогон нужен, чем партизаны». Когда подъехал к дому врача, у крыльца ходил полицай. «Заждался, видно».

— Задержали? — спросил парень, поправляя на рукаве повязку полицая.

— Заговорился.

— А я уж волновался.

— В мешке граната противотанковая. Хотел «лимонку», она поменьше, но решил РПГ-40 — чтобы себя и их.

— О чем это вы? — не понял парень.

— Блажь в голову вошла. Пособи мне спуститься. Кило двести да десять шашек. Вот громыхнул бы старик.

Парень помог Федору Архиповичу вылезти из телеги. Подал костыли. Вытащил мешок с картошкой и пошел за стариком. В коридоре в противогазную сумку, которая висела на боку, быстро переложил переданные стариком два пояса с шашками, а гранату спрятал под пиджак.

— Завтра мы громыхнем. Думаю, двадцать четвертой годовщине Октября подарочек будет хороший. Привет нашим. Зинку переправим в лес сегодня. Часы поставим на девять вечера. До встречи.— Он донес мешок с картошкой до приемной и ушел.

Федор Архипович так разволновался, что сумел только улыбнуться и качнуть на прощание головой. Постоял, прислонившись к стене, отдышался, словно нес непосильную ношу, и только потом постучал в кабинет врача.

— Разрешите войти?

— Да, да! — послышалось за дверью.

Врач вышел сразу. У него никого из больных не было. Увидев старика, приветливо улыбнулся.

— Господин Дымов, проходите.

Вошел Сел на кушетку. Помощница врача размотала бинты на ноге.

Врач, худенький старичок, в золоченом пенсне, в белом до рези в глазах халате и таком же белом колпаке, крепкими тонкими пальцами помассировал ногу в том месте, где еще розовели шрамы недавних ран и, хлопнув по ней ладонью, прикрыл их, опустив штанину.

— Одевайтесь. Советую вам ходить. Ничего, если будет побаливать. Ничего. Вы еще хорошо отделались. Большой привет Анне Дмитриевне. До свидания. Я вам больше не нужен.

Поблагодарив врача, Федор Архипович засеменил на улицу, неся костыли под мышкой.

«Ну вот и все обошлось благополучно, а я...» Но вдруг поймал себя на мысли, что больно уж все удачно получилось. Как бы чего не вышло. Не нравилась ему эта удачливость. И все же ехал он домой довольный, с чувством выполненного долга.

И опять воспоминания, воспоминания, воспоминания о революции, гражданской войне, о семье...

НАВСТРЕЧУ ОПАСНОСТИ

Трое друзей: Елецкий, Петренко, Мельников — до Ташкента добрались без приключений, а оттуда — в Верный. Лишь через неделю ночью приехал Федор в знакомый поселок под Верным. Привязал коня. Постучал в окно.

— Кто там? — спросили испуганным голосом.

— Я это, Матрена, я — Федор.

— О-о, господи! — охнула жена.

Федор заспешил к крыльцу. Открылась дверь — Матрена стояла в ночной рубашке, босиком. Она никак не могла понять: сон это или явь? Залилась слезами, прижалась к его груди:

— Господи, неужели ты, Федор?

Вдруг она вздрогнула:

— Кто-то стучит, Федор!

Федор выхватил наган, вышел на улицу. Но там было тихо, лишь конь бил копытом о землю. «Вон это кто пугает нас»,— Федор спрятал наган и вернулся в дом:

— Жеребец мой балует.

— Ой, да его же завести во двор нужно.

— Я сам все устрою.

Федор вышел на улицу. Ночь была тихая, звездная. И была она коротка, коротка для людей, которые не виделись столько времени...

Матрена говорила:

— Сын уже так бегает, не догнать.

— На кого же похож-то? — спросил Федор.

— Говорят, на тебя,— и испуганно: — Ты надолго к нам?

— На двое суток.

— А потом?

— Снова в Верный надо. Дела. Но ничего, Матрена, скоро мы будем вместе, скоро. Дай только здесь власть нашу Советскую утвердить...

Целый следующий день Федор был вместе с детьми. Играл с дочкой, с сыном. Как приятно было слышать их голоса и особенно дорогое слово: папа!

Приходили соседи. Расспрашивали о том, что происходит в России, многое для них было не ясно, они слушали Федора, качали головами:

— Не было бы хуже? Вон их сколько войск-то у царя.

— Царя больше нет. А солдаты — те же рабочие и крестьяне.

— А как же без царя-то? Кто же Россией теперь править будет?

— Большевики!

— Ох, ох! Большевики? Кто ж они такие?

— Мы! Народ!

И еще одна ночь пролетела как сон, а утром Федор ускакал в Верный. Он оглядывался то и дело, точно думал увидеть стоящую у дома Матрену с дочерью и сыном на руках. Коротка была их встреча, будто и не было ее совсем. Но он верил, что выполнит поручение партии и — домой. Если бы не враги, которые окружили Республику, не дают ей мирно строить жизнь, был бы уже с семьей, да разве он один оторван сейчас от семьи... Разве его одного поджидает неизвестность...

Глава одиннадцатая

Федор Архипович потерял связь с партизанами. После удачно проведенной операции по уничтожению столовой с гитлеровскими офицерами (говорят, их там погибло больше сотни) Данилов к нему приходил два раза. Первый раз — передал благодарность и сообщил, что Зина благополучно добралась до отряда, а второй раз привез несколько противотанковых мин, сказал, что они скоро пригодятся.

Попросил надежно припрятать их, так как из леса таскать их по таким сугробам задача не из легких.

Прошел месяц, скоро Новый год, а связи с отрядом нет. Старик выходил на улицу лишь по хозяйственным делам: дров заготовить, за водой на колодец сходить.

В близлежащих деревнях ни немцы, ни каратели в последнее время не появлялись. Скучно стало старику. Угнетало больше всего то, что неизвестно было, как дела на фронте. А на дворе трещали такие морозы, что нос не хотелось на улицу высовывать, поэтому и листовок давно не видел, которые иногда сбрасывали наши самолеты. Хорошо, что ребята еще не забывают навещать.

Не успел старик подумать о ребятах, как в сенях послышались шаги. «Легки на помине»,— улыбнулся он и засеменил к двери.

— Здравствуй, деда Федя!

— Закрывайте быстрее дверь. Тепло беречь надо. Ну раздевайтесь. Как там, на улице?

Пожал ребятам руки.

— Холодина!

— Тети Ани нет?

— Ушла к соседке.

— Плохо, деда, зимой. Из села шагу не сделаешь.

— Зато и фашист сидит себе в городе.

— А что, деда, фашист будет делать, если, к примеру, подорвать железную дорогу, а? — Филиппка пытливо глянул на старика.

— Будет ремонтировать дорогу.

— Деда, а борода греет? Тебе не холодно на морозе?

— Нос, Филиппка, мерзнет. Вот если бы и нос бородой оброс, тогда другое дело.

— Деда, а если нам взорвать железную дорогу? — предложил Мишка.

— Сейчас нельзя,— заметил Филиппка.— Фашисты по следам сразу найдут.

— А если следа не будет? — спросил Мишка.

— Ну да, не будет.

— Правильно, Филиппка, чтоб следа не было, нужно летать по воздуху,— и старик подмигнул мальчику.

— Сейчас такой наст...

— И наст продаст.

— Могут и собаку пустить по следу.

— И без собаки, Филиппка, ясно. А вообще-то Мишка хорошую идею подал.

— Конечно,— Мишка понял, что старик одобряет его идею, и добавил: — Если в метель — не заметят.

Федор Архипович набросил полушубок, натянул шапку, вытащил из печурки овчинные рукавицы и пошел на улицу за дровами. Морозный, колючий ветер ударил в лицо. «Да, в такую погоду там в лесу...» — вздохнул старик. Зашел в сарай, набрал охапку березовых дров, побрел обратно к крыльцу. Свалил дрова на пол и стал укладывать в печурку.

— Видел, деда Федя, как крутит?

— Если бы в такой мороз взорвать, вот была бы потеха,— как бы между прочим заметил Мишка.

— Дорогу, особенно на нашем участке, они, ребята, берегут пуще глаза. Не успеешь дойти до полотна, как пристрелят,— тихо сказал Федор Архипович и добавил: — А взорвать бы неплохо. Давайте покумекаем, как это лучше сделать.

— На лыжах надо идти. Попробуй найди. А мину на фанеру можно положить. Везти легче будет.

— Молодец, Мишка, мысль дельная. Мина есть. Взрыватель натяжного действия. Колечко выдернул, и — взрыв. Но мину нужно установить возле рельса. Установить так, чтобы незаметно было, да и быстро...

Старик поджег лучинки. Вскоре поленья начали весело потрескивать.

Мишка, пока дрова разгорались, излагал свой план. Федор Архипович некоторое время молчал, раз-

мышляя, как быть. «Если Мишке было бы лет пятнадцать,— подумал он с горечью,— а то ведь совсем ребенок. Куда ему с миной возиться».

— У нас, деда Федя, маскхалаты есть белые,— сказал Филиппка.

— Где же вы достали их?

— Папкины рубахи.

Старик засмеялся:

— Рубаха и кальсоны—и никакой фашист не страшен. Так?

— Мы с Мишкой уже пробовали надевать.

— Ну а шапка-то у тебя черная?

— А на шапку платок.

— Знаешь что, Мишка, пожалуй, рискнем. Суворов говорил: риск — благородное дело! Только тебе, Филиппка, придется побыть дома. На такое задание нужно идти тихо, как в шапке-невидимке. Но и тебе найдется работа. Часы есть у вас дома?

— Есть. С гирьками.

— Хорошо. Сейчас по морозу далеко слышно, как поезда по железной дороге стучат. Два дня будешь записывать, во сколько проходят поезда на восток и во сколько на запад. Ясно?

— Ясно.

— А мы с Мишкой будем готовиться...

— Деда Федя, у тебя нога болит. Может быть, я с Мишкой, а?

— Нет, Филиппка, ты еще подрасти должен. А потом мина тяжелая.

— Деда Федя...

— У тебя не менее важное задание, Филиппка. Понял?

— Понял...

— Во... Слышите? Это ветер доносит шум поезда. Записывай, Филиппка.

Долго в тот вечер трое партизан обдумывали, как взорвать железную дорогу и идущий к фронту эшелон. Федор Архипович нашел вскоре простое решение, на нем и остановились.

Трудно было Филиппке согласиться с мыслью, что он не пойдет к железной дороге. Ведь он так хорошо катается на лыжах. Но раз деда Федя приказал, значит, надо ему сидеть у окна и с замиранием сердца прислушиваться к завыванию ветра и ждать, ждать, ждать взрыва.

СЕКРЕТНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Кожевенный завод в Кульдже был поистине интернациональным. Платили гроши, но и никаких документов для поступления на работу не требовалось. Отработал день — получи деньги.

Мельников с товарищами устроились на поденщину, чтобы ближе познакомиться с людьми и узнать обстановку. Осмотревшись, они сразу же приступили к делу: закупке продовольствия и полушубков для Красной Армии. Деньги припрятали; было опасно держать при себе такую сумму — в городе полно вооруженных белоказаков. Закупленные товары отправляли партиями в несколько возов.

С каждой партией уезжал кто-нибудь из товарищей. С последней уехал Петренко. Мельников остался один. Много подвод было отправлено через границу, а деньги еще не израсходованы.

Оставшись в чужом городе один, Мельников подружился с немцем Вальтером. Молодой белобрысый парень знал русский язык и работал на заводе мастером.

Шли дни. Помощники Федора назад не возвращались. Мельников начал волноваться. Вскоре он заметил, что за ним следят. Следили грубо. Вероятно, о его

5 9-242

деятельности узнали белые. Бежать? Нет, не решился. Утром, придя на завод, Федор сунул Вальтеру пакет.

— Отдашь, в случае чего, Петренко. Он будет искать меня.

— Понял, Федор.

— Только ему. Больше никому. Ты его помнишь?

— О, да, да, Федор.

Мельников с благодарностью улыбнулся ему, а сам подумал: «Правильно ли я поступаю?» Догадывается Вальтер или нет, что лежит в пакете? А вдруг придет кто-то другой? И Вальтер, не разобравшись, передаст этот пакет чужому человеку. Он снова подошел к немцу.

— Вальтер.

— Да, Федор?

— Может случиться так, что придет кто-то другой. Тогда прошу отдать пакет человеку, который друг мне. Понял?

— О, не волнуйся, Федор. Вальтер знает, что делать.

— Вот за это спасибо.

— Почему ты думаешь, что с тобой что-то случится?

— За мной следят белые.

— Но здесь не Россия, Федор.

— Эх, Вальтер, вот именно, не Россия. В России теперь все по-другому. А здесь меня могут арестовать...

И случилось именно то, чего боялся Федор. Его схватили, едва он вышел из ворот завода.

— Пройдемте! — любезно сказал Федору военный с погонами полковника.

Сопротивляться было бессмысленно: за спиной полковника стояло еще шестеро.

Федора привезли в русское консульство.

Консул Временного правительства в Кульдже встретил Мельникова любезной улыбкой. Провел его в свой

кабинет. Задернув зеленую портьеру, пригласил присесть.

Достал бутылку коньяка и поставил на столик, где стояли уже две рюмки. Внимательно рассматривая Мельникова, который сидел перед ним в поношенном сером пиджаке, консул наполнил рюмки, пододвинул одну Федору и указал глазами на вазу с фруктами. Не торопясь, заговорил:

— Я полагаю, господин Мельников, нужно выпить за столь приятное знакомство с вами.

«Откуда знает мою фамилию этот прилизанный гусь?» — подумал Федор и, прикинувшись простачком, потянулся за рюмкой. «Деньги от меня они все равно не получат,— решил он,— лишь бы немец не подвел. Вроде бы честный, порядочный малый...»

Федор ответил консулу с почтением:

— С большим удовольствием готов выпить с вами, господин консул, но не могу догадаться, почему мне оказана такая честь?

— Господин Мельников! Это вы оказываете мне честь!

Выпили.

Консул прошелся по кабинету. Полистал на столе бумаги, потом выглянул в окно, снова прошелся по ковру. Глядя себе под ноги, точно размышляя над чем-то, остановился около Федора и взял его за плечо.

— Сколько вам лет, господин Мельников?

— Мне? — удивился Федор и подумал: «Ответить или отшутиться?» — сказал: — Мы, вероятно, одногодки с вами, господин консул.

— Да, возраст солидный. В такие годы хочется жить с оглядкой на завтрашний день. Вы большевик?

«Довольно интересный разговор начинается»,— посмотрел на консула Федор и — неопределенно:

— Русский я, господин консул.

— Большевик — это не нация, господин Мельников, а партийная принадлежность.

— Тогда другое дело, а я думал, вы меня приняли за китайского мандарина.

— Кто вы, господин Мельников, нам хорошо известно.

Консул подошел к столу и, положив ладонь на стопку бумаг, с улыбкой заметил:

— Здесь приятные сообщения из России.

Консул снова наполнил рюмки.

— Наши войска не сегодня завтра будут в Москве... Мне известно, что у вас хранятся большие деньги. Вы обязаны передать их законным представителям России, то есть нам. За события, происходящие на нашей Родине, отвечать будут большевики. А вам, господин Мельников, пора подумать о себе. Мы поможем вам переехать в какую-либо страну. Хотя бы в Америку. Через месяц к вам прибудет семья... Думаю, вас это вполне устраивает?

Федор слушал консула молча.

Выпили еще. Вышли в сад. Консул взял Мельникова за руку.

— Вас, господин Мельников, ждет роскошная жизнь.

— Простите, господин консул, но я никак не могу догадаться, о какой жизни вы говорите?

Консул закурил и предложил Федору, но тот отказался.

— Недели через две большевики будут разгромлены. Вы можете оказаться на каторге, а я хотел предложить вам такое выгодное предприятие.

Когда они вернулись в дом, к ним подошли два полковника.

— Здравствуйте, господа!

— Приветствуем вас, господин консул!

— Господа, поговорите, пожалуйста, с большевиком Мельниковым. Я, к сожалению, не имею больше свободного времени.

Консул ушел.

Федор понял — дипломатическая часть окончена, и смело пошел за офицерами.

Пустая комната. Точно такая же, как в Петропавловской крепости, где его допрашивали,— пустая — стул у стены напротив стола, за которым сидел полковник в пенсне.

— Садитесь,— коротко бросил офицер.

Федор сел. Два казака стали справа и слева. Здоровые. «Вот такие же, наверное, тогда — отца и брата Сергея... Где-то сейчас мать, братишки? Около пятнадцати лет о них ни слуху, ни духу. Хорошо хоть с женой и с детьми повидался. Сынишку посмотрел. Эх, Матрена, Матрена, неудачная жизнь получилась у тебя».

— Та-а-ак...— процедил полковник.— Мы, большевик Мельников, коньячок распивать с вами не будем.

Полковник встал и, опершись о стол, сквозь стекла пенсне уставился на Федора злыми немигающими глазами.

«Будут пытать!» — решил Федор.

— Где деньги?! — прямо спросил офицер.

Федор полез в карман и, вытащив все, что у него имелось в наличии: восемнадцать рублей и мелочь — протянул их на ладони полковнику.

— Вот мои деньги!

Офицер скривился в улыбке.

— Слушай, Мельников, если ты не выложишь на этот стол все деньги...

— Не могу знать, о каких еще деньгах вы справляетесь, господин полковник?

— Вы слышите, господа,— крикнул он входящим в комнату офицерам,— он не знает. Мы все знаем о

тебе, Мельников. Если ты не выложишь на этот стол деньги, мы расстреляем тебя! Понял?

— Понял! Но где взять больше?

Казак, который стоял справа, неожиданно резко ударил Федора прикладом в спину, мелочь посыпалась на пол. Федор упал и потерял сознание.

Когда его отлили водой и он пришел в себя, снова увидел полковника в пенсне. Услышал вопрос:

— Деньги?.. Деньги?.. Деньги?..

Снова удар. Еще удар... еще... еще...

Федор с трудом разомкнул веки — белая туманная пелена расходилась медленно, он никак не мог разглядеть, где он находится. Пошевелил рукой и — точно обожгло плечо. Крикнул от боли коротко, каким-то чужим, незнакомым голосом.

— Ну! Мельников! Мы требуем деньги! Отдашь — будешь жить... Ну!

Ему кричали еще что-то, но слова потеряли для Федора смысл, они не доходили до его сознания.

— Где деньги?! — и удар.

— Где деньги?! — и плеск воды в лицо.

Вода плещет в нос, в уши, в глаза, он глотает ее...

Его приподняли. Вороненый ствол нагана припечатали к виску.

— Считаю до трех... Не скажешь — заказывай панихиду...

Мельников молчал. Он не знал о том, что из Пишпека на завод прибыл Петренко. Целую неделю он искал его, наводил справки. Кто-то вспомнил, что одного русского забрали казаки. «Это, конечно, Мельникова,— решил Петренко.— Если бы Федора не арестовали, куда ему деться. Но где же деньги? Неужели и они попали в руки белых?..»

Петренко ходил по городу, где ему то и дело встречались казаки.

«Как это нам удалось столько обозов переправить отсюда? — подумал Петренко.— Видно, не сразу белячки догадались... Где же Мельников? Где? Ведь если жив, его можно найти».

Завод. Он должен появиться на заводе. Петренко верил, если Федора арестовали, кто-то должен знать об этом. Когда он увидел Вальтера, подошел, подал руку.

— Помоги мне, Вальтер, найти Мельникова!

— Какое у вас дело к Федору?

— Я его товарищ.

— Я вас, кажется, помню. У меня есть для вас... Оно цело. Вальтер берег его. Я дал Федору слово.

...А Федору в этот вечер снилось, что лежит он в пустыне. Под ним песок раскаленный, а ветер — жжет.

— Пить!.. Пить!..

Мельников стонет. Ноют раны. Ему кажется, что огромные пиявки присосались к телу.

— Пить!.. Пить!..

Как укрыться, как спрятаться от пиявок — они везде, везде...

«Терпи, сынок, терпи!» — это говорит отец. У него разрублена голова, он прикрывает рану рукой: «Терпи, сынок, терпи!»

— Пить!.. Пить!..

Голоса, шаги. Федор просыпается. В комнате он лежит один. Но это не простая комната, это лазарет. На койке рядом с ним сидит полковник. Он любезен. Просил прощения, что получилось такое недоразумение, обещал, что больше его бить не будут. А вскоре ему зачитали бумагу, где говорилось, что он приговаривается к смертной казни.

— Вы можете еще спасти себе жизнь,— сказал полковник.— От вас требуется одно — передать деньги белому командованию. Мы надеемся,— вежливо продолжал полковник,— что жизнь вам дорога и вы будете благоразумны.

В этот день Мельникову принесли хороший обед. «Вероятно, идут на последнюю уловку»,— подумал Федор. Было бы не страшно умереть, если бы знать, что его пакет передан друзьям. Там еще немало денег... Только бы они не достались белым.

Глава двенадцатая

Федор Архипович волновался. Все время поглядывал в окно. Ветер не утихал. Небо весь день закрывали облака, шел снег. Мороз градусов двадцать пять, не меньше. Если стоять на открытом месте — мороз проберет до костей. Может быть, действительно гитлеровцы ослабили охрану дороги? Поезда, как выяснилось по записям Филиппки, шли с различными интервалами. Ночью, это уж Федор Архипович сам следил, проходили очень редко. Вчера, например, долго с вечера не было никакого движения, а под утро пошли один за одним через несколько минут.

И вот наступила ответственнейшая ночь. Федор Архипович решил так: через часа полтора, сократив по лесу путь, они выйдут к дороге. Если на ней никого не будет (теперь по ночам немцы и полицаи предпочитают отсиживаться в домах), еще километра два — и они на месте. Если до того, как приблизятся к железной дороге, их обнаружат немцы,— отступят в лес. Старик взял на всякий случай в карман четыре «лимонки».

Федору Архиповичу нравилось, что даже погода помогает им. Облака плотно закрывали небо, валил снег, но было не очень темно. С дороги свернули в перелесок. Теперь около километра — и железная дорога. Если что, нужно будет отступать не в сторону леса, а под уклон к реке. За увалом пули их не достанут.

Немцы у железной дороги лес вырубили. Старик

с Мишкой затаились у края вырубки. До полотна метров двадцать пять. Молча вглядывались в ночь. Вслушивались: лишь шуршит снег. Федор Архипович подошел к Мишке. Снег в лесу, к сожалению, рыхлый, лыжи вязнут, хотя они у него широкие, охотничьи. Мишка подтягивает фанеру, на которой закреплена мина. Сняв рукавицы, Федор Архипович достал из кармана взрыватель, ввернул его в гнездо. Пристроил проволочный штырь, который они покрасили белилами, приготовленными из мела. Штырь имел на конце три крючка в разные стороны. Решили мину просто положить рядом с рельсами на полотно и засыпать снегом в надежде, что паровоз заденет за этот крючок, а следовательно, вырвет штырь, соединенный с чекой взрывателя, и тогда взрыв. Теперь только бы поставить мину...

Кто пойдет к железной дороге? Кто отвезет мину? Договаривались, что это сделает Мишка.

«Чертовы ноги,— старик чуть не выругался.— Но почему я не должен доверять мальцу?» — и он решился.

— Ну, Мишка... Только не торопись. Все сделай как положено...

— Да знаю я, деда, знаю.

Пригнувшись, Мишка пошел к дороге, таща за собой мину. Когда взобрался на насыпь, установил мину. Ножом перерезал веревочки, освободил ее от фанеры. Пододвинул к рельсе, закрепил между шпал. Когда мина была установлена, разогнул усики на чеке взрывателя. От соседних рельсов шел странный гуд. «Что это?» Мишка поскорее засыпал мину снегом, чтобы ее не было заметно и, съехав вниз, побежал к тому месту, где его ожидал Федор Архипович.

— Как? — спросил старик.

— Порядок. Ее не видно. И штырька не видно. Только рельсы что-то гудят.

— Значит, состав идет. Ну давай бог ноги!

Когда они пробежали перелесок и выбрались на дорогу, минут через десять от фронта прогрохотал к станции состав.

Они спешили как можно дальше уйти от того места, где установили мину.

От станции донеслось пыхтение паровоза, но они не заметили этого. Сзади Мишки на веревочке бежал фанерный лист. Он так его и не бросил. Здесь, на пустынной дороге, среди ночи мальчишка в белой рубахе, натянутой на шубейку, казался призраком. Сейчас они не испытывали страха, думали об одном: лишь бы сработала мина.

По дороге они бежали рядом. А когда свернули в лес и пошли напрямик к деревне, своих следов не заметили. Это их обрадовало. Хорошо, что лыжи у них широкие. Пошли не спеша. Минуло уже около часа после того, как они установили мину. Почему же не идут поезда? Прогромыхал только один и то на запад.

Лес кончился, стали спускаться к реке. Снег шуршал и поскрипывал. Ветер бил в разгоряченные лица снежинками.

До села оставалось меньше километра. И в этот момент воздух дрогнул — взрыв, и, будто гром, загудело в той стороне, откуда они возвращались. Мишка повернулся к Федору Архиповичу, лыжа наскочила на лыжу, и он упал, раскинув руки, и засмеялся от счастья!

Мишка вскочил и повис на шее у старика — они, плача от радости, целовали друг друга.

— Сработала, деда!

— Сработала! Ай да мы, Мишка! А так бы просидели у печки. Ну какой же ты молодец!

— Жалко, деда Федя, Филиппку мы не взяли...

Они любовались полыхающим за лесом заревом. Федор Архипович знал, что в городе, видно, тоже все всполошились. И фашистам и полицаям теперь не до сна.

ПОБЕГ

Два месяца провел Федор Мельников в палате один. Лишь иногда в двери заглядывали казаки — любопытствовали. Как ни старался Федор выяснить, есть ли возможность бежать из этого лазарета, не узнал. Последнее время по ночам его мучали кошмары. Вот уже несколько дней он не вставал. Сначала не мог, потом стал притворяться. «Пусть хоть повозятся с моим...»,— думал Федор. Ночью, когда все кругом затихло, осторожно подошел к зарешеченному окну. Во дворе весь день стучали топоры. Посмотрел и ужаснулся: напротив окна увидел виселицу. Значит, правда,— повесят! «Как убежать? Раз они задумали повесить, то я ничем не рискую! Ясно одно, уйти можно только через дверь, но там охранник. По ночам казак притворяет дверь и уходит. Почему они дверь не закрывают? Может, действительно, думают, что не могу ходить?» Федор сам слышал, как полковник кричал на казаков.

— От двери никуда не отходить: ни днем, ни ночью!

— Ясно, ваше благородие,— ответили казаки.

Сегодня, когда дверь прикрыли и Федор услышал, как шаги охранника затихли, он встал. Ноги заныли тупой болью. «Смогу ли идти? Но ведь это последний шанс. Завтра, возможно, будет уже поздно». Приоткрыл дверь, которая заскрипела. Раньше он не слышал никакого скрипа, а тут... Прислушался. Тишина. Выглянул в коридор — темно. Лишь тускло светит окно в конце коридора.

Федор в белой рубахе. В темноте она показалась ему очень заметной. Вернулся к койке, накинул на себя серое одеяло. «Хорошо, что босиком — не слышно шагов».

Стоя в коридоре, Федор стал припоминать, как его вели сюда. Шаг... Второй... Рука медленно ощупывает

стену. Выступы. Двери палат. Впереди окно. Только бы не оступиться, не упасть. В конце коридора показалась слабая полоска света. Вероятно, дверь приоткрыта и в комнате горит лампа. Но выход за этой дверью. Значит (будь, что будет!), надо идти. Федор пошел несколько быстрее. У самых дверей затаился: спокойное похрапывание и — все. «Спят. Наверное, дежурные санитары»,— решил Федор. Потянул голову к дверной щели. В комнате на столе слабо горел огонек лампы. Трудно было сначала рассмотреть, что там, в этой комнате. На топчане спал казак, укрывшись шинелью. Это в пяти шагах от двери, а за столом — другой, уронил голову на лежащие на столе руки. Федор внимательно осматривал комнату, но никого больше не обнаружил: «Что делать?.. Что?..»

Конечно, можно незаметно пройти, а что дальше? Вероятно, в этом доме расположились белые. Да и не только в этом доме, если они смело здесь строят виселицу, значит, чувствуют себя уверенно.

Федор снова остановился. Если бы не болели ноги, он бы смог, конечно, бежать, но сейчас, когда каждый неосторожный шаг отзывается болью во всем теле, далеко не убежишь. Посмотрел внутрь комнаты.

«Сколько сейчас времени? Часа два, не больше».

Отступив несколько шагов, Федор направился к выходу. Медленно открыл дверь, поднялся по ступенькам лестницы вверх. Теперь нужно пройти большое помещение. Оно походило на казарму. Федор начал припоминать, что, когда его тащили в лазарет, сначала было большое помещение. Ему бросились в глаза койки и гогочущие казаки.

«Что, попался, большевичок!» — весело кричали они.

«Куда его тащите? К стенке вон — и в расход».

«Видно, важная птица. Иначе князь долго возиться бы с ним не стал».

«Ничего, пусть отдохнет перед смертью».

Еще дверь — теперь осторожнее. Около выхода столик. На нем еле теплится огонек настольной лампы. На стуле, отвалившись, дремлет вахтенный. Подкравшись к койкам, Федор споткнулся о сапоги. Присмотрелся. На лавке, за которую он чуть не зацепился, лежала одежда, а рядом стояли сапоги. Кто-то бормотал во сне. Федор, не раздумывая, надел первые попавшиеся брюки, намотал портянки и — в сапоги. Хотел надеть гимнастерку, но проснулся вахтенный, прибавил огонек в лампе.

«Если заметит... Все...» Федор быстро осмотрелся, что к чему. Выход рядом со столиком вахтенного. Там же невдалеке висят шинели. Отложив гимнастерку, он пошел к шинелям. Как ни осторожничал Федор, вахтенный заметил его.

— Чего там роешься? — шепотом спросил он.

— Шинель...

— Что?

— Да приспичило...

— С пива, что ль?

— Иди ты...

— Не шуми...

— Я тихо...

Федор набросил шинель и, стараясь идти как можно бодрее, направился к выходу. Вахтенный начал закуривать. Заметив, что Федор идет как-то странно, он, слюнявя цигарку, прошипел:

— Гульнул вчера, что ль?

— Было.

Дверь захлопнулась.

После долгого пребывания в помещении свежий воздух одурманил Федора. Он постоял несколько минут. Осмотрелся. Луна. Звезды. Черные контуры домов. «Куда идти?» Раздумывать некогда. Потер рукой заросшее лицо, глаза — и побрел мимо виселицы по дорож-

ке. Вдруг заметил впереди две фигуры. «Не часовые ли?» — мелькнула догадка, и спрятался у стены в тени. Два офицера прошли молча. До Федора донеслось ржание коней, увидел у дома коновязь и поспешил в сторону.

Город спал. Федор шагал к окраине, где был расположен завод. Нужно было засветло выбраться из города и — к реке...

Глава тринадцатая

Федор Архипович без посторонней помощи дошел до окна и, опершись руками о подоконник, долго смотрел на людную улицу.

— Ну вот, Филиппка, скоро мы тебя проводим. Устроят тебя в детский дом. Пойдешь учиться. Кончилась твоя партизанская жизнь. А город ничего, красивый. Жаль, Мишка к первому сентября не успеет поправиться.

— Ты, деда Федя, накаркаешь, что меня действительно оставят здесь.

— А ты слушай меня, старика. Твое дело сейчас учиться. Вот окончишь десять классов. К этому времени мы Гитлера разобьем. И, пожалуйста, кем хочешь быть, тем и будешь. Алексей Васильевич обещал тебя с Мишкой к наградам представить. Да и мне придется домой ехать. Теперь уж всё, не сбежишь в партизаны. Весь мой корпус в дырках, Мишка! Я бы тебя, будь на месте Михаила Ивановича Калинина, орденом наградил. Больно эшелон мы с тобой важный завалили. Под Москву перебрасывали какую-то эсэсовскую... Небось в вагонах спали и видели, как по столичным улицам маршируют, а мы их в сугроб, охладиться... А вот что нас подстрелили — глупо...

— Если бы они, деда Федя, не струсили — каюк бы нам. А Мишка здорово им врезал. Сколько их было убито, деда?

— Не помню.

— Деда Федя!

— Что, Мишка, что родной?

— Значит, Филиппка скоро уйдет от нас?

— Ему учиться надо. Подвести тебя к окну?

— Подведи.

Федор Архипович, застегнув халат, подошел к мальчику и помог ему подняться. Филиппка держал его справа, а старик — слева.

— Деда Федя, а где ты на балалайке так научился играть?

— Я и на гармошке могу. В твоем возрасте, Филиппка, я пас стадо. Целый день один. Правда, собака была со мной. Деревенские ребята на балалайке играть научили.

— А помнишь, деда, наш концерт в лесу?

— Помню. Как же.

И встал перед глазами старика тот лесной концерт.

Дед сел на табуретку, а мальцы стояли справа и слева от него. Дед играл не ахти как, но бил по струнам старательно. Сначала запел Мишка:

Гитлер думал обладать
Нашей территорией,
Сразу видно, не в ладах
С русскою историей.

Собравшиеся покатились со смеху. Дед подождал, пока стихнет смех, и подмигнул Филиппке. У Филиппки голосок тоненький, но звонкий. Не обращая внимания на шум, он запел, и шум разом стих.

Гитлер вздумал угоститься —
Чаю тульского напиться.
Зря, дурак, позарился —
Кипятком ошпарился.

Комиссар не утерпел и ударил в ладоши, а Филиппка лихо пошел отплясывать вприсядку. Старик всеми пятью пальцами бил по струнам с такой силой, что одна струна не выдержала и звучно лопнула. Старик, не обращая на это внимания, продолжал играть на двух струнах.

— Давай, ребятки, давай! — подзадоривал пожилой партизан.

Дед кончил играть, встал и поклонился.

К старику подошел комиссар, пожал руку:

— Не знал, Федор Архипович, что у вас такой талант. Спасибо! Вы, гвардейцы, молодцы!

ДВАЖДЫ НЕ УМИРАЮТ

В дубовом парке Пишпека в последний день декабря 1918 года было торжественно-траурно. Полковой оркестр играл «Интернационал». Люди в скорбном молчании опустили головы, смотрели на старинные пушки, стоявшие в углах свежей братской могилы, и на скромное надгробье, где было написано:

Товарищи красноармейцы,
павшие в боях с белыми бандитами
с 7 по 30 декабря 1918 года...

Ниже перечислялись фамилии бойцов революции, среди которых значился и «Ф. Мельников».

После возвращения Петренко из Кульджи и его рассказа о судьбе потемкинца все посчитали его погибшим.

Но Федор Мельников был жив!

Пять лет Мельников пролежал в больницах. Только в 1923 году вернулся к семье и переехал в Москву. Удостоверение инвалида первой группы запрещало ему

выполнять какую бы то ни было работу, хотя чувствовал он себя временами неплохо.

Его товарища по палате направили работать после излечения секретарем райкома на Смоленщину, в родные края. Каждый год Алексей Васильевич навещал друга.

Матрена накрывала стол. Выпивали по стопке. Алексей Васильевич успокаивал Федора:

— Отдыхай, Архипыч. Ты свое дело сделал. А летом приезжай ко мне. Речка у нас — вода, как слеза. Лес рядом — ягоды, грибы...

Так и жил Федор Архипович. Дети росли. Дочь — в институте, сын — в армию пошел.

А в сорок первом сразу вспомнил друга.

Алексей Васильевич, бывало, шутил над ним:

— Теперь тебе, Архипыч, жить да жить. Если уж твое имя среди похороненных появилось, смерть минует тебя. Это уж точно. Не числишься ты в ее списках среди живых.

«А ведь и вправду»,— подумал старик, возвращаясь из Новосибирского госпиталя в Москву. Он не терял надежды перебраться через линию фронта снова к Алексею Васильевичу. Думал даже в случае необходимости обратиться к Михаилу Ивановичу Калинину. Летают же во вражеский тыл самолеты. Перебросят.

Скучая на нижней полке вагона, он, подложив под голову руки, думал о Мишке и Филиппке — как родные стали они за этот тяжелый и суровый год войны. Вспомнился комиссар госпиталя — добрый и мягкий седоволосый человек, бывший латышский стрелок. Владимира Ильича охранял; вручал им с Мишкой по ордену Красной Звезды. Из детдома приехал и Филиппка — ему тоже прицепил комиссар награду — медаль «За боевые заслуги»...

Стояли тогда перед ранеными. Филиппка в нарядном синем костюмчике и белой рубашке с красным пи-

онерским галстуком. Волосы у него уже немного отросли. Возмужал, поправился.

Филиппка по воскресеньям навещал своих друзей, хвастал отметками. А сегодня приехал не один — с воспитателем и новыми друзьями.

«Ну вот подлечится Мишка — в этот же детдом пойдет. Будет Филиппке веселее».

У старика и Мишки своей одежды не было. Стоят во всем новеньком: гимнастерки красноармейские подогнаны, брюки, сапоги.

Впервые увидели их такими раненые командиры Красной Армии. Думали, что за бородач с двумя ребятами в их палате лежит. А у этого бородача — орден Красного Знамени. Только в петлицах ни шпал, ни кубиков. Медсестра пояснила, что из вражеского тыла вывезли их на специальном самолете, а теперь награды нашли героев.

Мишка и Филиппка, когда Федора Архиповича выписали из госпиталя и он уезжал домой, в Москву, пришли проводить его.

В купе присели. У Филиппки выступили слезы.

— Герою-партизану плакать не положено! — И Федор Архипович крепко обнял и прижал мальчика к себе.

— Деда Федя, давай сбежим в партизаны, а?

— Ты знаешь, сколько тысяч километров бежать-то надо? Пока прибежим — наши уже в Берлине будут.

— Так мы на поезде,— горячился Филиппка.

Мишка молчал. Он понимал, что на фронт его теперь не отпустят. Но когда немцев отгонят от Ленинграда, он поедет домой. Вместе с Федором Архиповичем они написали в Ленинград два письма, но пока никакого ответа не получили.

За окнами вагона валил пушистый снег. Было морозно. Ребята были в шапках, теплых зимних пальто и валенках. Так бы в партизанском отряде одевали.

Не то что их шубейки и разбитые валенки, в которых на Большую землю доставили!

Потом Федору Архиповичу вспомнился тот злополучный случай...

Связной из отряда прибыл на рассвете и приказал быстро всем уходить в лес. Анна Дмитриевна успела только шепнуть Филиппкиной матери и тетке Мишки. Федор Архипович ушел вместе с Даниловым. В лесу за селом их поджидала груженная мешками подвода.

Хорошо, вовремя сообщили из города, что каратели будут делать облаву. Задержись связной часа на три — и не миновать бы беды многим из тех, кто шагал сейчас лесной тропой.

Целый день, с небольшим отдыхом на обед, шли они на северо-запад подальше от железной дороги, от вражеских гарнизонов в лесную глухомань.

Быстрая ходьба измучила. Особенно старика. Данилов, правда, упросил его сесть на лошадь, на которой по очереди ехали то женщины, то ребята. Старик все время бодрился. Им, деревенским людям, было в привычку прошагать двадцать пять километров по лесу — какой это путь, а вот для старика, они это понимали, дорога была непосильной. Старался скрыть свою усталость, но то, как он опирался на клюку, как переставлял неподатливые ноги — видели все. И теперь, покачиваясь в седле, Федор Архипович почувствовал предательскую усталость, что казалось, все тело будто пронизывает током.

— Далеко еще? — поинтересовался Федор Архипович у партизана, шагающего рядом с телегой.

— Сейчас, отец, отдохнем еще разок, а там — рядом.

— А стоит отдыхать?

— Стоит. Полем дорога пойдет. Километра два по открытой местности. В объезд — болото. Думаю, про-

скочим. Карателей-то здесь нет. Самолеты страшны. Могут из пулеметов, могут и бомбу...

Подошел Данилов. Мишка держался за стремя. Он тоже устал. Обрадовался, когда заговорили про отдых.

— После отдыха пойдем парами. По двум бомбу бросать не будут. Если только из пулемета ударят. Но это не так страшно. На днях обстреляли нас здесь. Пришлось могилу копать. Около опушки — останавливайся! — приказал Данилов вознице.

— Ясно.

— Как назло, день летный. Вот она и опушка. Привал! — объявил он, кладя автомат на землю под березой.

— Костер будем разводить?

— Нельзя. Давай ведро, за водой схожу.

Послышался гул самолета. Но пролетел он где-то вдалеке.

— Легок на помине. Заметит дым — не отстанет. Из леса никому не выходить.

Данилов взял ведро, автомат и пошел лесом к речушке за водой.

Остальные развалились под березой.

Возница выпряг лошадь, разнуздал ее, пристегнул вожжи и выпустил пастись на сочную траву. Но едва послышался гул самолета, лошадей увели под дерево.

— Охотится, гад. Теперь не отстанет.

— Может быть, обождать здесь до вечера?

— Посмотрим.

Пока Данилов ходил за водой, женщины приготовили ужин. А самолет, как назло, все время кружил над лесом.

— Они что, знают, где находятся партизаны? — спросил Мишка возницу.

— Догадываются. Если б знали — начали бомбить. Это разведчик. Вот перекусим, а когда он улетит, перескочим поле.

Данилов посмотрел на часы. Он всегда носил их в нагрудном кармане на цепочке.

— Через полчаса подъем. Идем так: сначала повозка, затем вы, Анна Дмитриевна, с какой-нибудь из женщин, вы, Федор Архипович, поедете рысцой, а ребята: Филиппка и Мишка — будут за стремя держаться. Мы вдвоем идем последними. Если появится самолет — падайте в траву. Хотелось бы, конечно, проскочить незаметно.

Данилов рассчитал точно: пока партизан впрягал лошадь, самолет, сделав круг, улетел.

— Пошли! — скомандовал Данилов.

— Но-о! Милая...— партизан подстегнул лошадь, и та рысцой устремилась вперед. Когда повозка отъехала метров на сто, пошла Анна Дмитриевна. И здесь Данилов решил пойти сам с женщиной, а Федор Архипович должен был с ребятами отправиться последним.

Никак не мог старик предполагать, что этот переход имеет такое ответственное значение. Ведь лес впереди, казалось, был совсем рядом. Он влез в седло. Внимательно осмотрел поле. «Вероятно, здесь сеяли рожь»,— подумал Федор Архипович и вдали заметил печные трубы. Сразу догадался: была деревня, но гитлеровцы, видно, сожгли ее дотла. Он посмотрел, далеко ли ушел Данилов, и заметил, что тот машет ему рукой, тихо дернул поводок уздечки:

— Но-о! Родной ты мой!

Конь бежал мелкой рысью.

— Успеваете? — спросил старик ребят.

— Успеваем,— весело отозвались Мишка и Филиппка.

— Этак мы Данилова перегоним. Не устали?

— Нет, деда Федя, давай еще быстрее.

Старик отпустил поводья. Конь прибавил рыси.

Вскоре они действительно догнали Данилова, который тоже шагал быстро.

— Давай, если ребята не устали, поспешай.

Обогнали они и Анну Дмитриевну. И вдруг Филиппка споткнулся, упал. Старик остановил лошадь. Мишка подбежал помочь товарищу. Филиппка пошел прихрамывая.

— Ты что ж это?

— Нога подвернулась.

— Садись на мое место,— старик слез с лошади, а Филиппке помогли взобраться на нее.— Вы поезжайте, а я один.

Пожалел Федор Архипович, что клюку положил на телегу. Ребята уехали, а он засеменил за ними. Вскоре его догнали и перегнали женщины, догнал и Данилов.

— Валите, валите, я быстро не могу,— махнул рукой Федор Архипович.

— Что у вас случилось?

— Филиппка упал, ногу подвернул.

Старик хоть и старался идти быстро, но заметно отставал.

Кругом тишина, даже стрекота кузнечиков не было слышно. Старик прислушался: издалека донеслась птичья песня, но он так и не разобрал, кто поет...

Дорога была прямая. Повозка и ребята уже скрылись в лесу. И он злился на себя, что так отстал. «Может быть, Мишка догадается на лошади прискакать за мной, но он городской, не Филиппка, поди, ездить-то верхом не умеет». Он видел, что Данилов кому-то машет рукой. Но вот он побежал к лесу, оставил женщину. «Видно, сам решил мне помочь»,— догадался Федор Архипович и вдруг услышал сзади нарастающий гул самолета. А лес уже рядом. Один остался на дороге. Попробовал бежать, да ноги не слушались. Вдруг из леса ему навстречу выбежал Мишка, за ним Данилов.

Они втащили его под дерево. А через несколько минут над ними пролетел вражеский разведчик.

— Заметил? — спросил старик.

— Не думаю,— ответил Данилов.

Почему вспомнился Федору Архиповичу этот переход?! Может быть, потому, что на войне нет ничего второстепенного. Особенно в тылу врага. Как глупо тогда на карателей напоролись. Хорошо, что подрывники-разведчики были рядом.

...Старик и ребята, оставив лошадей в лесу, с лукошками должны были пройти к деревне, к мосту, разведать, есть ли там охрана. Подрывники-разведчики следовали за ними на расстоянии, следя за каждым их движением.

Первым почувствовал неладное Филиппка. Его острый слух уловил чужую речь. Он тут же дернул Федора Архиповича за рукав, и одними губами показал: впереди враг. Старик замер.

Мишка с автоматом шагал немного сзади, он на секунду задержался, увидев на ветке какую-то пташку. А когда бросил взгляд на идущих впереди, сразу же понял: тревога! Остановился за деревом, внимательно прислушался. Автомат — на изготовку, указательный палец — на спусковом крючке.

Это случилось в нескольких шагах от дороги. До моста меньше километра. Отсюда Федор Архипович с Филиппкой должны были идти к мосту. Но это в том случае, если мост не охраняется. Если же около него охрана, надо затаиться в кустарнике и следить издалека.

И вот на тебе — встреча с карателями. Они остановились рядом с дорогой.

Мишка, выглядывая из-за березы, не видел, что происходит на дороге, но явственно услышал тихий стук и разговор. Разговаривали по-немецки. Мишке по-

казалось, что на дороге стоит машина и ее ремонтируют. Нужно было узнать, что там делают немцы и сколько их. Но в это время Филиппка не утерпел и, зажав рот рукой, начал чихать.

Никак не ожидал Федор Архипович, что в них швырнут гранату. Взрыв прогремел совсем рядом. Старик успел прикрыть собой Филиппку, который неожиданно вскрикнул. Когда в их сторону полетела вторая граната, старика и Филиппку спасло то, что они оказались за деревом.

Мишка понял, что произошла беда и, забыв про опасность, выскочил к дороге и дал длинную очередь по машине, за которой скрывались три фашиста. Двое из них сразу же упали, но третий несколько раз выстрелил в мальчика, и Мишка потерял сознание.

Через минуту к месту неожиданной схватки подоспели разведчики.

Гитлеровец, стрелявший в Мишку, был убит наповал. Разведчики разделились на две группы: одна — отнесла раненых, оказав им первую медицинскую помощь; вторая — пошла в сторону моста. Мост охраняли местные полицаи. Услышав взрывы гранат и автоматные очереди, они заспешили к деревне за подмогой. Подрывники тем временем заложили мины, и мост был взорван. Не дожидаясь, пока появится враг, разведчики отошли к лесу, собрали трофеи, документы убитых, подожгли машину и поспешили к месту сбора.

В отряде врач осмотрел раненых. К сожалению, раны у Федора Архиповича и Мишки оказались тяжелыми. Ночью за ними прилетел У-2...

К счастью, теперь все это позади. Федор Архипович расцеловал своих юных друзей. Проводник попросил провожающих покинуть вагон.

— Не забывайте меня, пишите. Хорошо, что вы вместе. Очень хорошо. Я тоже буду писать вам. Ну... Отдать швартовы!

У Филиппки из глаз вновь покатилась предательская слеза. Не хотелось ему показывать свою слабость, но что он мог поделать с собой. Ведь ему так трудно было расставаться.

— Ну, время прощаться?

Филиппка уткнулся лицом в грудь Федора Архиповича.

— Не забывайте, ребята, старика.

— Мы будем писать, деда.

Мишка крепился. Молчал. Не мог говорить.

Старик гладил Филиппку по плечу.

— Целоваться пора.

Мишка чмокнул старика в щеку.

— Учитесь прилежно.

Филиппка отпрянул от груди старика и, теранув тыльной стороной пальцев по щекам, тихо сказал:

— Мы еще увидимся, деда Федя.

— Обязательно, Филиппка. Приезжайте ко мне.

— Мы тебя не подведем, деда.

— Я верю. Будьте дружны.

— Прощай, деда,— буркнул Мишка.

— До свидания, родные вы мои.

— До свидания, деда Федя.— И Мишка быстро направился к выходу.

Ребята выскочили на перрон. Федор Архипович припал к окну. Он стоял, смотрел на ребят, все хотел стереть у левого глаза слезу и боялся, что ребята заметят это, вот и поглаживал бороду... Вагон качнулся, и поезд тронулся. За окном остались перрон и Мишка с Филиппкой.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Приехав в Москву, Федор Архипович не терял надежды вернуться в партизанский отряд. Но вынужден был после разговора в штабе партизанского движения зайти в парикмахерскую и,

на удивление молоденькой парикмахерши, срезать бороду. Все надежды вернуться к Алексею Васильевичу рухнули.

Когда он пришел домой, жена так и ахнула:

— Господи! Да ты ведь еще совсем молодой. Глянька в зеркало. А рядился, как старый дед.

— Что ты понимаешь, Матрена? Ну да ладно, что о бороде горевать. От Алексея весточки нет?

— Вот письмо. Второй орден Славы заслужил. А где и кем воюет, не пишет. Видно, нельзя.

Она обняла мужа, целуя его и гладя по чисто выбритому белому подбородку, не скрывая слез радости, что вернулся он наконец-то домой...

Но до Дня Победы было еще далеко. Очень далеко!..

ЭХО ГОР САЯНСКИХ

Глава первая

В ЦЕНТРЕ АЗИИ

Над Саянами — яркое солнце. Оно врывалось в салон Як-40 через иллюминаторы, и Константин Григорьевич надел темные очки.

Самолет подбрасывало, словно катер на морских волнах, а внизу, залитые ослепительным светом, простирались горы. Они походили на стада верблюдов: серые с темно-зелеными пятнами впадин и белесыми всплесками хребтов. На горах лежал снег, он сползал с вершин и белыми прожилками тянулся к речкам.

А вот и голубая Тува — центр Азии.

Самолет пошел на снижение. Внизу, между гор, заискрился Енисей!

Константин Григорьевич не отрывался от иллюминатора. Вот она — великая сибирская река. Народы, проживающие на ее берегах, по-разному величают ее: одни Кимсуг; другие — Улуг-Хем; третьи — Ионесси. Но для всех Енисей могуч и прекрасен!

Самолет резко идет на снижение. Внизу — город: многоэтажные здания, ровные зеленые улицы. Столица Тувы — Кызыл. В переводе на русский язык — Красный. Строительство города начато в 1914 году. А в 1919, когда к нему подошли белоказаки, преследуя отступающую партизанскую армию Петра Щетинкина и Александра Кравченко, здесь было около пятидесяти

строений. Лишь в 1922 году по решению первого Великого хурала из села Туран в Кызыл (тогда он назывался Белоцарск) приехало тувинское правительство. Город особенно расширился после присоединения Тувы к Советскому Союзу в 1944 году.

Колеса коснулись посадочной полосы, и самолет Як-40 побежал, подруливая к зданию аэровокзала.

Константин Григорьевич заволновался. Долго собирался он навестить своего фронтового друга, тувинца Степана Иргитовича Володина. Почему Володина? Об этом знает лишь Степан Иргитович. Родители его умерли рано. Мальчик прибился к красным партизанам. А когда послали его на задание с Володей Данилкиным и он вернулся к командующему с донесением, доложил так:

— Прибыл я — Володин! Туран много белых...

С той поры и стали мальчика называть в отряде Володин.

Когда началась Великая Отечественная война, Степан Иргитович ушел воевать с фашистскими захватчиками. Стал одним из лучших снайперов в полку. «А каков-то он теперь?» — подумал Константин Григорьевич, шагая под палящими лучами солнца к аэровокзалу. В толпе встречающих заметил седого мужчину и догадался — он! Невольно рука потянулась к своим наградам: поправил и, сняв очки, пристальнее вгляделся в человека, на груди которого поблескивали два ордена Славы, невольно прибавил шагу.

— Костя! — рванулся к другу Степан Иргитович.— Дорогой!

— Степан!

Обнялись. Расцеловались. Степан Иргитович долго покачивал седой головой, похлопывал друга по плечу.

— А ты не изменился. Сколько тебе? Ты ведь моложе меня на целых двадцать лет. А я сдал. Как Татьяну похоронил, совсем стал плохой... Знакомься: Вик-

тор Степанович. Сын! Он у меня блондин. В мать. Глаза только немного раскосые — тувинские. Инженер, не то что отец.

— А старик говоруном стал,— улыбнулся Константин Григорьевич, пожимая Виктору руку.

— Давайте ваш портфель, Константин Григорьевич. Идемте к машине,— предложил Виктор.

Виктор сидел за рулем, а два фронтовых товарища сзади, позванивая орденами и медалями, все еще возбужденные радостью встречи, толковали о своем житье-бытье.

— Я вас, Константин Григорьевич, по нашей столице провезу. Когда смотришь сверху — улицы как по линеечке расчерчены. Теперь посмотрите вблизи.

— А может, гость дорогой поесть желает?

— Самолет — не поезд. Я, Степа, только что пообедал в Красноярске, а здесь ужинать будем.

От аэродрома до города несколько минут езды. Солнце почти в зените. Печет. Но когда «Москвич» ныряет в тень, то делается сразу прохладнее. Остановились у небольшого сквера с памятником красным партизанам. Здесь же, на самом берегу Енисея, монумент с лаконичной надписью: «Центр Азии».

— Вить, жми к парку, сынок. Это наша главная достопримечательность. Парк имени Героя Советского Союза Николая Гастелло. Здесь, где сходятся воды Малого и Большого Енисея, прежде лежали зеленые острова, теперь парк: детские площадки, театр, даже хуреш для проведения праздничных состязаний. К главному входу парка примыкает центральная магистраль города — улица Ленина. Советская власть, Костя, принесла нам не только освобождение от феодализма, но и дала нашему народу письменность. Там, где некогда проходили караванные тропы, пролегли асфальтированные дороги. Куда нельзя добраться на автомашине, к услугам самолеты и вертолеты. Быстрыми темпами

у нас развивается промышленность, сельское хозяйство...

— Ты мне, Степа, политграмоту не читай, тайгу покажи. А ты все цивилизацию демонстрируешь. Поди, забыл, когда охотился?

— Отец теперь больше с удочкой балуется,— хихикнул Виктор.

— Ну а ты, Константин, охотишься?

— Некогда, Степан. Вот если только с тобой сходим.

— Ты ведь стрелок был отменный. Помнишь? — и потянулся рукой к орденам.— На хитрого и свирепого зверя мы с тобой охотились, на фашистского зверя.

— Степа, случайно не пропагандистом стал?

— С ребятами он, Константин Григорьевич, такие дела заворачивает...

Константин Григорьевич рассматривал город, а когда машина выбежала на мост через Енисей, отвалился на спинку сиденья и почувствовал, что полет в самолете и разница во времени дают о себе знать. Бросил взгляд в боковое окно на небо — синева слепила глаза. «А не случайно, видно, Степан называл свою родину голубой,— подумал Константин Григорьевич.— Тана — Тува. Голубая Тува!»

НА УЛУГ-ХЕМЕ

Солнце опускалось за горы, тень от которых удлинялась и удлинялась. Потускнела вода Улуг-Хема. Потянуло холодом. В костре догорал сушняк. Степан Иргитович молча встал и направился к палатке.

— Пожалуй, заминусит,— предсказал он.

В кустарнике ветерок зашуршал сухими шарами перекати-поля и донес степные запахи. Воздух посвежел, и пламя заиграло веселей.

— Костя, Витя! Пора спать, мужики! — просипел из палатки Степан Иргитович.

Ночь наступила сразу. Константин Григорьевич даже не заметил, как стемнело. Свет от костра лизнул выгоревший брезент палатки и стал угасать. Луны не было. Кругом чернота. Константину Григорьевичу показалось, что они находятся на дне огромной ямы, края которой резко вырисовываются на фоне догорающего заката.

— Давай по мешкам, мужики! — снова предложил Степан Иргитович. Все трое залезли в палатку. Включили фонарик. Разлеглись на ветках лиственницы: Степан Иргитович и Виктор по краям, а Константин Григорьевич — посредине.

Степан Иргитович долго по-стариковски сопел. Старик он еще крепкий, хотя жизнь была не из легких.

Вернулся на родину лишь спустя много лет после войны и не один, а с маленьким светловолосым мальчуганом. Как он жил за Саянами, никто не знал. Была у него жена, но умерла. До пенсии работал дорожным мастером, жил степенно. Сын воспитывался в интернате, потом учился в институте, а теперь женился, получил квартиру, звал отца к себе, но старик наотрез отказался. Не захотел стеснять молодых — живет один. Степан Иргитович серьезный, а Виктор ради красного словца иногда загнет такое, что отец только головой покачивает.

Оба они заядлые рыбаки, поэтому даже приезд гостя не заставил их отложить поездку на рыбалку.

Сейчас, укладываясь спать, Виктор сказал:

— Ты, батя, не перебивай меня, когда я что-то рассказываю. Ты рыбак какой? Мелкий! На сковородку наудил, полюбовался Улуг-Хемом, и все. А ты в Тодже был? А-а-а! Вот где рыба! Таймень... Ленок... Налим... Окунь... А хариус! Ты таких сроду не ловил!

— Поживи с мое,— как бы между прочим вставил Степан Иргитович.

За палаткой река полощет черный полог ночи.

— Если хочешь знать, отец, я на Чагытае язей ведром ловил. А ты бывал на Тере-Холе? Э-э-э! Таких озер на всем свете не сыщешь! Рыба там на пустой крючок берет.

Виктор чувствует, что Константин Григорьевич в рыбной ловле ничего не смыслит, и не стесняется блеснуть красноречием. Он упорно просвещал гостя, как ловить щук, как сибирского сига, как ельца...

— Посмотришь, Костя, завтра рыбака в деле,— вмешивается в разговор Степан Иргитович.

Но Виктор словно не замечает его реплики.

— Поездил я по Туве. Люблю ее — и все! Золотые горы сули — не уеду! Здесь такое можно встретить... Вы видели, чтобы реки в гору текли? А здесь текут!

— Вода выше уровня не пойдет! — вмешался Степан Иргитович.

— Не пойдет?!

Степан Иргитович, конечно, физику не изучал, не то было время, а Виктор, сказав «А», не в силах удержаться, чтобы не сказать «Б».

— Вы посмотрите,— обращается он к Константину Григорьевичу,— не пойдет!

Константину Григорьевичу тоже в некоторых местах казалось, что ручьи текут как бы в гору, но законы физики неумолимо точны. А Виктор вошел в раж.

— Ты знаешь, отец, когда рыба мечет икру, до самых ледников доходит? А-а-а! Вот то-то! Молчишь!..

Степан Иргитович уже мирно похрапывал. У Константина Григорьевича тоже слипались веки.

— Давайте спать,— предложил Виктор,— заболтались. Отец дрыхнет. Завтра вскочит чуть свет. А что

в гору ручьи текут, я ему еще докажу. Ну да ладно, спим.

Свежий воздух забирался в щели и давал понять, что ночь холодная. Вот тебе и июнь!

Проснулся Константин Григорьевич от неимоверной жары и духоты в палатке. Толкнул Виктора и вылез наружу. Солнце уже было высоко, и холода как не бывало. Пробежался, сполоснул ледяной водой из реки лицо и подошел к Степану Иргитовичу. В брезентовом ведре крутились серебристые хариусы. А на костре закипала уха.

— Клюет! — крикнул Константин Григорьевич другу, но тот не заметил этого.

Когда Виктор пригласил Константина Григорьевича на рыбалку, гость откровенно признался, что ловил только в детстве пескариков. А хариусы! Он слышал, что это редкие рыбы из семейства лососёвых, но никогда не видел их. Правда, интерес к рыбалке возбужден был поездкой на Улуг-Хем. Здесь когда-то началась боевая молодость Степана Иргитовича. И старик не случайно, видно, повез гостя именно сюда.

Да — река! Но как же здесь рыбачить? В Москве Константин Григорьевич часто останавливался возле скучающих рыболовов над зеркалом воды, где поплавок, словно вбитый в ослепительную поверхность, безжизненно покоился, пока его не коснется набежавший ветерок.

— Здесь скучать не придется,— заметил Степан Иргитович.

В субботу под вечер «Москвич» затарахтел у окна. Виктор вошел в комнату и велел одеваться потеплее, хотя на улице была тридцатиградусная жара.

И вот они на Улуг-Хеме. Река бурная. Ее мутноватая вода рябит солнечными всплесками. Выбежав из-за каменного утеса, пропадает за зеленым заслоном лиственниц.

Рыбачить Константин Григорьевич, откровенно говоря, не собирался. А увидев Улуг-Хем, его быструю воду (ночью ему казалось, будто лежит рядом с работающей мельницей), вообще усомнился, что можно будет что-либо поймать. И вот теперь, когда на его глазах Степан Иргитович то и дело выхватывал из воды хариусов, загорелся. Чем черт не шутит! Отошел подальше, чтобы его никто не видел, поймал по пути какую-то мошку, насадил ее на крючок, плюнул и забросил крючок подальше от берега. Поплавок запрыгал по волнам, то пропадая, то появляясь. Константин Григорьевич, как молодой, бежал за ним по берегу до тех пор, пока поплавок не прибило к камням. Леска блеснула в воздухе, поймал крючок — пустой. «Какую же приманку насадить?» — думал он, припоминая советы Виктора. В Заполярье, когда ездил навестить сына, видел, как моряки ловили рыбу на хлеб и на селедку. Решил взять хариуса, разрезать и ловить на кусочки мяса.

Позаимствовал из ведра Степана Иргитовича хариуса, распорол брюхо. Вытащил из желудка малька, насадил на крючок и забросил в воду. Снова побежал за поплавком, и вдруг леска натянулась... Что было сил взмахнул удилищем. Белое тело рыбины выскочило из воды и тут же — обратно в воду.

— Ушел,— Константин Григорьевич зло сплюнул. Вот так бывало первое время и на фронте, когда охотился за фашистскими офицерами. Поторопишься — и мимо. А Степан Иргитович (они всегда ходили на охоту вместе) хихикнет: «Что, Костя, промазал? Ты, дорогой, не торопись».

Константин Григорьевич рассматривал хариуса. Рыба лежала на камнях. На солнце поблескивала еще не потускневшая красками перламутровая чешуя с малиновыми вкрапинами на хвосте. Огромный длинный плавник на спине уже увял и начал темнеть.

— Мужики, конец рыбалке. Пора завтракать,— крикнул Степан Иргитович.

Виктор шагал к костру угрюмым: проспал, да и рыбы в его ведерке было маловато.

— Угостим рыбака ушицей? — с издевкой спросил друга Степан Иргитович, стрельнув узкими глазами в сторону сына.

— Погодка мировая,— Константин Григорьевич поспешил перевести разговор на другую тему.

— Как, Константин, есть еще в руках снайперская сноровка?

— Не знал я, Степан, что ты такой классный рыбак.

Уха была пахучая, вкусная, жирная. Степан Иргитович хлебал ее и лукаво косился на Виктора. Пощипал жиденькую бороденку, сощурил и без того узкие глаза, губы дрогнули в улыбке:

— Коту хоть на зуб поймал?

Виктора наконец-то задело за живое:

— А ты меня разбудил? Вскочил с зарей. У нас только клев начался: «Пора завтракать...» И так всегда...

Виктор обвинял отца в том, что тот всегда встает втихую, и припомнил еще массу всяких «что». А Степан Иргитович покуривал трубку и молчал.

Солнце палило беспощадно. Перекусив и поблагодарив Степана Иргитовича за уху, Виктор и Константин Григорьевич пошли по берегу.

— Вот здесь, Константин Григорьевич, батя, спасаясь от белых, вплавь перебирался на противоположный берег. Как это ему удалось?

— Отец твой, Виктор, настоящий герой. Как-нибудь я тебе поведаю о нем. Отец-то, поди, не очень любит о себе говорить?

— Ребятам в школе иногда рассказывает.

Набродившись по лесу, вернулись к костру, палатка была разобрана, все уложено в машину.

Обедать решили у Виктора. Когда приехали, Степан Иргитович протянул сыну ведро с хариусами.

— Не надо! — гордо отказался Виктор.— Сам наловил, сам и управляйся с ними.

— Я не тебе даю, а Нинушке. А то другой раз не отпустит... Бери!

В дверях появилась молодая хозяйка.

— Что же вы, рыбаки, задерживаетесь? Обед давно вас поджидает,— весело сказала она.

Виктор быстро взял ведро и передал жене, а небольшой целлофановый пакет с рыбой сунул отцу и нарочито громко крикнул:

— Забирай, батя, свой улов!

Степан Иргитович хитро сощурил глаза и посмотрел на Константина Григорьевича:

— Ну что ты с ним поделаешь...

Взял у Виктора рыбу и тоже передал хозяйке:

— Поджарь-ка вот это, Нинушка, на закуску...

Вошли в дом.

— Пока обед готовят,— начал Степан Иргитович,— я расскажу тебе, Костя, о том, как мы здесь, в Туве, за Советскую власть воевали...

Глава вторая

ОГНЕННЫЙ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

В девятнадцатом году в тылу колчаковских войск разгорелась партизанская война. Вот «Верховный правитель» и бросил на красных партизан карательную армию. Вести открытую

войну партизанам было не под силу. После упорных боев они решили оставить повстанческий центр — село Степной Баджей и, выставляя заслоны, которые прикрывали отход полков, стали организованно отступать за Саяны в Туву, где у власти были Советы.

Атаман Бологов, командуя карателями, не смог развернуть боевые операции в горах, но он задумал закрепиться в Туве. С Советами мечтал покончить одним ударом, разгромив плохо вооруженную армию большевиков, во главе которой стояли бывший штабс-капитан, кавалер четырех Георгиевских крестов Петр Щетинкин и бывший поручик агроном Александр Кравченко.

ЗАДАНИЕ

Белоцарск. Владимир Данилкин, ординарец Щетинкина, вбежал в штаб — деревянный домишко под дощатой крышей. Командующий сказал:

— Срочное задание, Володя! Жена у тебя с Манским полком?

— Да.

— Увидишься,— поцелуй дочурку за меня. А теперь слушай внимательно. Твоя задача найти Канский и Манский полки и передать мое распоряжение.

— Ясно.

Командующий подвел ординарца к карте:

— Канцам — ускорить движение. Манцам, чтобы сбить с толку карателей, необходимо свернуть с тракта на Усинск и таежной тропой идти на Белоцарск. Путь трудный, но безопасный — они оставят в дураках атамана Бологова.

Он подал ординарцу конверт и пожал руку.

— Да, возьми-ка с собой вот этого тувинского мальца за переводчика. Степка,— крикнул он пареньку,—

поступаешь в распоряжение Данилкина. Будешь Володиным помощником.

— Ясена! — с охотой крикнул Степан, поправляя за спиной длинную японскую винтовку. — Будешь Володиным.

Не впервой Данилкин выполнял подобные поручения. Военное дело он знал отлично. Еще в германскую воевал снайпером и имел два Георгия.

Командующий увидел в окно, как боец и тувинский паренек вскочили на коней и рысцой направились к переправе через Енисей.

Около восьмидесяти километров позади. Гулко цокают копыта. Конь почуял воду. Подошел к речке, ткнул морду в звездное отражение. Владимир спрыгнул на землю, зачерпнул в ладони ледяную воду. Степан последовал за ним. Володя напился, вытер губы и подбородок тыльной стороной ладони, похлопал коня по влажным губам:

— Ну, Савраска, двигаем дальше.

Поднялся на горку. Из темноты окликнули:

— Чьи будете?

Владимир придержал коня:

— Свои.

— Что нужно?

— Канцы?

— Ну.

— Где у вас командир?

— Данилкин?

— Я!

— А с тобой кто?

— Тувинский парнишка.

Данилкина провели в штаб. Командир обрадовался, быстро разорвал конверт, подошел поближе к лампе,

прочел приказ командующего и, обняв Володю за плечи, спросил:

— Отдохнете?

— Нет, спешим к манцам.

— Будьте осторожны!

Вышли на улицу.

— Темно, хоть глаз коли.

— Ничего. Савраска у меня бывалый. Да и Степан — парень надежный...

Через минуту рассыпался дробный стук копыт, и Данилкин со своим напарником растворились в ночи.

В УСИНСКЕ

У дороги, сворачивавшей с тракта на Усинск, Данилкин остановился в недоумении: куда ехать дальше? Слез с коня. Прислушался — лишь птичий трезвон.

— Что будем делать, Степан?

— Вперед ехали,— сразу же ответил малец.

— Пусть будет по-твоему.

Решил проехать по тракту вперед.

Вскоре увидели манцев. Командира в полку не оказалось, он с арьергардом сдерживал колчаковцев. Приказ командующего прочел заместитель и отдал распоряжение повернуть на Усинск.

— Вовремя ты подоспел, Володя, а то уже Бологов на пятки нам наступает. Ну теперь ступай, навести женушку с дочкой... Ты с нами идешь?

— Нет, приказано назад.

Полина, увидев мужа, со слезами припала к его груди. Женщине было трудно с восьмимесячной дочкой, но помогали люди.

Катюшка спала в повозке.

— Может, разбудить Катюшку, Володенька?

— Не надо пока...

В Усинске полк остановился на отдых.

Данилкиных пригласила к себе в дом пожилая женщина.

— Садитесь-ка, милые, поешьте. Проголодались, чай.

Поели. Подошли к дочери, лежащей на кровати. Володя поправил волосики, закрывавшие девочке лицо, и, наклонившись, поцеловал в щечку...

Данилкина нашел командир полка.

— Где он тут?

Увидел Полину с дочкой на руках возле спящего мужа.

— Полина, буди его, собирайтесь... Здравствуй, Катюшка! Ну-ка, иди ко мне! Вот так...

Полина разбудила мужа. Командир поздоровался с Володей и тихо сказал:

— Передашь начальству: у нас порядок! Пусть не волнуются.

Проводив командира полка, Володя подошел к жене:

— Подросла Катюшка, а меня не узнает. Забыла...

— Это папа, доченька, па-па!

Какая-то женщина подала Полине узелок.

— На дорожку вам,— прослезилась.

— Спасибо!

Дочка тискала ручонкой отцовское ухо, нос и смеялась, когда Володя вертел головой. Так они дошли до обоза. Он посадил их в телегу, посмотрел в веселые глазенки дочери, поцеловал.

— Береги себя! — напутствовала Полина.

— В Белоцарске я вас встречу. Не волнуйся.

Он уходил, махая им рукой, пока телега не скрылась за другими повозками. У штаба нашел Савраску. Пого-

ворил с бойцами, которые остались для прикрытия полка, закурил у них.

— Ты, Данилкин, поторапливайся, а то как бы казачки не нагнали тебя.

— Вы их так напугали, поди...

— Нет. Они, видать, не из пугливых.

До тракта Данилкин со Степаном ехали осторожно. Осматривались. Прислушивались. «Где им меня догнать? От обозов-то, от артиллерии, поди, отрываться не станут, а мосты разрушены. Пока наведут»,— думал Володя.

— Савраска, вперед,— и пришпорил коня.

АТАМАН БОЛОГОВ ОЗАДАЧЕН

Атаман Бологов с передовым отрядом ворвался под вечер в Туран и понял: партизаны его обманули. Последний их отряд покинул Туран третьего дня. Он терялся в догадках, куда могла уйти от него эта огромная малоподвижная армия, которая задержала его на реке Ус? Стал опасаться за свои тыловые части, за обозы, за артиллерию. Продолжать преследование теперь было бессмысленно, возвращаться — тоже. Решил ждать подхода основных сил.

Остановившись в просторной избе, невдалеке от церкви, атаман распорядился выставить у крыльца часовых и пригласил за стол хозяина.

Бородатый крестьянин сидел подле мрачного атамана. Атаман молча жевал кусок жареной баранины и, не спуская со старика глаз, спрашивал:

— Слушай, мужик, кроме тракта есть еще дорога на Белоцарск, минуя Туран?

— Туран, господин офицер, миновать нельзя — кругом горы, тайга.

Бологов крикнул денщика и — сурово:

— Мигом к Баринову. Пусть на тракте установит усиленную охрану, да подальше от села. Всех задержанных ко мне!

Налил атаман в кружку самогона, выпил. «Если бы кого-нибудь задержать... Куда же они делись?» Впервые он оставил основную массу своих войск: хотел догнать партизан, но зря спешил.

В окне догорал закат. Скоро на село упадет ночь, сползет с гор прохлада. Казаки напьются, и чего доброго... Атаман вышел на крыльцо. Подвели коня. Через несколько минут он был на тракте. У поскотины гомонили казаки. Заметив всадника, замолчали, вытянулись перед начальником и, выслушав его указания, старший выпалил:

— Здесь и муха не пролетит, ваше благородие!

Лично проверив все посты, атаман немного успокоился.

НА РАССВЕТЕ

Данилкин всю ночь ехал шагом. Боялся за парнишку: заснет и упадет с лошади. Молчали. О чем только не передумал за это время Данилкин. Война. Революция. Женитьба.

Впереди что-то прокричало. Данилкин приостановил коня. Рука у нагана. Над горами зарозовела кромка неба. Мрак редел, сползал к западу. Уже стала различима дорога. По сторонам тракта шумела пшеница. Ну вот и Туран!

Вдруг впереди показались вооруженные люди. «Неужели канцы еще не ушли из Турана?»

— Стой, Степан. Ты оставайся здесь, я поеду один. Если что — в обход Турана постарайся добраться до командующего. Понял приказ?

— Да.

Данилкин пришпорил коня. У поскотины остановился и крикнул:

— Чьи будете?

Солдаты вскинули винтовки. Только теперь Данилкин заметил погоны. «Хорошо, что мальца оставил у поворота»,— подумал и выхватил из ножен шашку. Конь, словно черная молния, рванулся на врага.

Острая сталь покрылась кровью. Казаки разбежались. Повернул коня и, прижавшись к холке, пустил его во весь мах назад. Загремели выстрелы. «Только бы не убили...» Снова выстрелы. Конь дернулся и как подкошенный рухнул на землю. Данилкин вылетел из седла, ударился о дорогу. Вгорячах, не чувствуя боли, приподнялся, посмотрел назад: невдалеке бился в предсмертных судорогах Савраска. «Гады, видно, живым взять задумали. Ловко коня срезали, ловко. Ну ничего. Мы еще посмотрим». Схватил шашку, винтовку и, пригнувшись, побежал от дороги вверх. У межи споткнулся о груду камней. Стрельба, крики, топот солдатских сапог. Отполз за кучу камней, натасканных с поля.

Когда белые подбежали шагов на десять — выстрелил. Казак торкнулся лицом в землю. Упал второй, третий, четвертый... Повернули назад. Покатая, открытая местность, без кустика, без бугорка — укрыться негде... Нужно было задержать казаков, чтобы Степан мог ускакать от них. Пожалел, что не растолковал ему, как добраться до своих...

ВЫСТРЕЛЫ

Атамана разбудили выстрелы. Выбегая из дома, он ударился о притолоку, выругался.

— Что за стрельба?

— Какой-то красный, ваше благородие.

— Что?!

У Бологова загорелись глаза. «Наконец-то! Разведчик! Живым, живым взять!»

Выскочил на улицу, прыгнул в седло и понесся к дороге. Кругом бегали казаки, седлали коней.

— Ваше благородие! Осторожно! — закричали ему.— Он, черт, больно меток.

За крайним домом атаман остановился. Приказал взять большевика живым. Казаки, пригнувшись, побежали к дороге, то и дело стреляя. Но их косили меткие пули Данилкина. Снова залегли. «Не идти же, в самом деле, на одного красного в атаку сотней! — злился атаман.— Только бы его взять — жилы вытяну! Он у меня заговорит». Подозвал казака. Приказал по пшенице подползти к дороге и кричать, чтобы сдавался. Казак, пригнувшись, побежал к пшенице, она начиналась за поскотиной, невдалеке от села. Но только казак выбежал на открытое место, щелкнул выстрел.

Атаман посмотрел в бинокль, у камней мелькнуло что-то белое.

— Костров, большевик выбросил белый флаг. Доставьте его сюда, да побыстрее!

Три всадника в карьер полетели к дороге. Их встретили выстрелы. Костров упал с коня. Остальные повернули назад. Кострову на помощь пополз казак. Меткая пуля сразила и его.

Взошло солнце.

Хорунжий Баринов и атаман зашли в дом.

— Ваше благородие,— робко начал хорунжий,— застрелить его к чертовой матери!

— Он мне нужен живой! Понимаешь, хорунжий, живой! Я не знаю, куда делись большевики и что они думают! А этот, я уверен, знает!

— Ваше благородие, а если...— хорунжий глазами показал на хозяйку.

Атаман повернул голову к чулану:

— Эй ты! Иди сюда!

Женщина высморкалась в передник и посмотрела на атамана.

— Где твой дед? С этими бандитами ушел?

— Што ты, касатик,— и вздохнула.

— Ладно. Сейчас пойдешь к этому. В тебя он стрелять не будет. Скажи, пусть сдается, что Бологов, слышишь, обещает ему жизнь.

— Нет, касатик, сами уж...

— Да ты что! За большевиков?

— Ваше благородие,— в дом ворвался казак,— там конники.

— Какие еще конники?

— Не могу знать.

Бологов и Баринов выбежали на улицу. «Неужели красные?!» — вздрогнул атаман и крикнул:

— К бою!

Верховые, человек десять, ехали не спеша. Солнце так ярко освещало, что даже в бинокль нельзя было разглядеть, чьи они. Сзади атамана стоял казак и держал вороного коня. Все напряженно смотрели то на всадников, то на Бологова. Атаман чувствовал это и старался быть спокойным.

Выстрел — всадник упал.

— Он стреляет!

Всадники опешили. Они не видели, конечно, кто и откуда открыл по ним стрельбу.

Второй выстрел — упал второй всадник, остальные быстро повернули назад. Их преследовали меткие пули.

Не успел атаман отдать приказание, как всадники скрылись из вида.

— Огонь! — заорал атаман.

Сотни выстрелов разорвали тревожное напряжение. Казаки бежали по дороге. «Если большевик живой, они разорвут его»,— подумал атаман и, вскочив на коня, поскакал к месту боя, не обращая внимания на убитых.

ПОСЛЕДНИЙ ПАТРОН

Три всадника упали — остальные скрылись. Данилкин понял: это разведка главных сил Бологова. Сумел ли Степан уйти? Где он? Если бы ему удалось, пока я стрелял, объехать Туран. Вон уже и солнце над горами. Надо торопиться. Он снял сапоги и шашкой изрубил их, гимнастерку и брюки изрубил тоже. «Получайте трофеи!» — и бросил все в сторону врага. Потом с трудом изломал шашку и части ее разбросал в разные стороны.

Когда от Турана, беспорядочно стреляя, двинулись белоказаки, Данилкин снова лег за винтовку. Пули его редко проходили мимо цели, хотя и самодельные. У партизан с боеприпасами было плохо — в стреляные гильзы сами вставляли пистоны, засыпали порохом, закупоривали пулями. И в руках бывалого снайпера старенькая японская винтовка била без промаха.

Гильзы отлетали в сторону и звякали о камни. Теперь они ему были не нужны. А впереди — стрельба, крики. Данилкин давно понял, что его хотят взять живым, поэтому не очень-то остерегался. Спокойно наблюдал за бегущими и выискивал подходящую цель.

Белоказаки приближались с криками: «Сдавайся!» Патроны у Данилкина кончились. Вытащил из винтовки затвор, забросил в пшеницу. «Ну, прощай!» — и ударил винтовку о камни. Ложа отлетела. Ударил еще раз и бросил в сторону врага: «Получайте!» Стал стрелять из нагана.

Некогда было подумать о себе. А жизнь была коротка — двадцать три года! Вырос у верстака. Война. В большевистскую партию сам командующий рекомендовал!

И вот конец, последний патрон. Встал. Увидел искаженные злобой лица — они совсем рядом: потные,

небритые, красные... Вдохнул напоследок полной грудью запах полыни и поспевающей пшеницы. Как хорошо жить! Слепящая голубизна неба качнулась... «Только бы Степка-тувинец успел добраться до Белоцарска...»

— Да здравствует революция! — крикнул и поднес руку с наганом к виску... Солнце погасло.

БОЙ

Все партизанские полки благополучно дошли до Белоцарска. А когда Степан вернулся один, командующий понял: с ординарцем случилось что-то страшное. После того как малец рассказал о гибели Данилкина, Петр Щетинкин решил: медлить нельзя. На совещании он детально изложил план операции по уничтожению Бологова...

Был полдень, когда партизанские войска заняли заданные позиции. Со своей длинной трофейной японской винтовкой лежал в укрытии и Степан.

Солнце пекло даже сквозь гимнастерки, но Бологов не спешил. Через несколько дней партизанские наблюдатели сообщили о появлении врага. Конная разведка Бологова миновала засады и остановилась у Енисея. Они, вероятно, были убеждены в том, что партизанская армия находится на левом берегу и готовится к защите города, но партизаны решили, что лучшая защита — нападение!

Белоказаки спешились. Перекуривая, внимательно смотрели, что там творится на противоположном берегу. Затем спокойно повернули назад. Полки сибирских партизан и тувинских красногвардейцев молча проводили взглядами вражескую разведку.

Бологов не спеша подтягивал свою армию к Енисею, чтобы заняться подготовкой к форсированию реки и

8 9-242

уничтожению партизанских сил. Ему не нравилась эта открытая местность: горы, словно лысые, выгоревшие на солнце, и ни кустика...

Огромной змеей ползла между партизанскими клещами армия Бологова.

Партизаны спокойно следили за каждым ее движением и терпеливо ждали команды «к бою».

...По обочине тракта на вороном коне пролетел всадник. «Уж не сам ли атаман?» Командующий поднял к глазам бинокль. «Змея», замедлив движение, остановилась, замерла. Командующий начал считать орудия. Потом снова взгляд на всадника. Подозвал связного и отдал приказ подвижным группам отрезать путь к отступлению врага. Бологовцы, утомленные переходом и жарой, расслабились, некоторые сошли с коней, задымили табаком...

— Огонь!

Змеиное тело заметалось, стало расползаться по сторонам, рванулось вперед, назад, словно чешуей, сверкнуло сталью клинков, загремело выстрелами...

Бой был скоротечным. Карательная армия — вся как на ладони.

Раненный в плечо Бологов еле держался в седле. Наконец он свалился на твердую горячую дорогу. К нему подскочил хорунжий Баринов:

— Ваше благородие, надо...— и упал.

Остатки армии Бологова повернули назад, но было поздно.

Не померкло голубое небо Тувы. Ветер давно разогнал пороховой дым. И напоминает проезжим по тракту о тех героических днях лишь белый обелиск, воздвигнутый жителями города на месте гибели простого бойца революции — Владимира Данилкина.

Глава третья

ЖАРКИ

У речки, где Виктор остановил машину, Константин Григорьевич был поражен необычайным зрелищем: впереди, в лощине, казалось, кто-то высыпал горящие угли. Маревом дрожал над ними воздух, и легкий ветерок будто раздувал огоньки — это цвели жарки. Константин Григорьевич не вытерпел и попросил Виктора обождать его, вылез и заспешил к речке, мелкой, шумливой, клокочущей меж камней прозрачной водой; а цветы будто спешили на водопой и, заметив человека, враз застыли. Зачарованный красотой, старый солдат остановился.

Степан Иргитович вылез из машины следом за другом. Сорвал несколько цветков и с улыбкой сказал:

— Такую красоту можно увидеть только у нас, в Саянах... Помнишь, Константин, как лежали мы с тобой в секрете, охотились на вражеского снайпера, а перед нами, как назло, красные маки. Жизнь и смерть.

— Я тогда, Степан, не замечал этого.

— А я по сей день помню. И все же мы его свалили! Хитер был, гад. Хитер!

Степан Иргитович положил цветок на ладонь, посмотрел, вздохнул:

— Вот лишил жизни — и уже нет того огня. Вот она штука какая... А горы наши, посмотри, точно сиреневые. Багульник цветет. Природа не стареет. А мы сдаем. Помнишь, какими встретились?

— Помню. Степа.

— Совсем молоденьким был. На гимнастерке значок «Ворошиловский стрелок». Я ведь тебя, Костя, сразу приметил.

— Фронтовики,—крикнул Виктор,—поехали, что ли?

— Идем, сын, идем.

Залезли в машину.

— Что вас там заинтересовало?

— Жарки, Витя. Не видел я таких цветов отродясь.

— Да, цветы красивые.

— А у меня перед глазами маки стоят. И тот фашист...

Степан Иргитович припомнил тот день, когда ему и его молодому напарнику майор Кураксин поручил уничтожить фашистского снайпера.

— А я думал, вы в атаку ходили. Наград вон, как у генералов.

— В атаку мы редко ходили. У нас была другая задача.

— За что же ордена тогда?

— Я считаю, что тот, кто воевал, уже ордена достоин. Время было тяжелое, опасное. А воевали мы хотя бы ради того, чтобы видеть сегодня вот эти жарки,— и Константин Григорьевич подмигнул Виктору, любуясь алым цветком.

СМЕРТЬ ЗА СМЕРТЬ

Майор Кураксин был взбешен. Не потому, что вражеский снайпер прострелил ему фуражку, а потому, что несколькими минутами позже пуля этого же фашиста на том же самом месте оборвала жизнь его любимого командира роты. Еще не успокоившись от волнения, он вызвал в землянку своих лучших снайперов. Когда те вошли, Кураксин поднялся им навстречу. Усадил бойцов на топчан и спросил:

— Видели командира роты Сапожникова?

— Видели, товарищ майор. Убит товарищ командир роты.

— А вы, Володин, знаете, что этот фашист отнял у меня уже третьего офицера? И убивает их у самой моей землянки.

— Знаем.

— Так почему же вы не ухлопаете эту фашистскую гадину? В тайге, говорят, белке в глаз попадали.

— Будем стараться, товарищ майор.

— Не мне вас учить снайпингу, но чтобы завтра же вражеского снайпера отпевал гитлеровский поп.

— Все поняли, товарищ майор.

— Что вам нужно для этого?

— Спать нужно. Быть очень спокойным нужно. Много наблюдать нужно.

— Спать? — майор поднял глаза на рядового Володина, будто не понимая, куда еще спать, когда впереди ночь, а снайперов ночью он и так не беспокоит. Подумал и сказал: — Хорошо. Если вам ночи мало — спите. Но чтобы завтра...— майор осекся. Он понимал, что не так-то просто выследить и уничтожить этого фашиста. Зимой куда легче было. А летом замаскироваться просто. К тому же эти долгие дни в обороне действуют на людей разлагающе: забывают, что за ними пристально следит враг. А здесь еще и артиллеристы с той и с другой стороны молчат, будто стрелять разучились или снаряды берегут. Иногда лишь резанет слух автоматная дробь или щелкнет глухо одиночный выстрел — и вся война. Майор не любил такого спокойствия. Вчера вышел из землянки и услышал песню жаворонка. Поднял голову — невероятным показалось: передовая и жаворонок — и в это время будто кто-то за фуражку дернул. Снял с головы, а в фуражке — дыра от пули. Вот тебе и послушал жаворонка. Хорошо, что из траншеи не вышел, а то бы хоронили вместе с командиром роты Сапожниковым. Вот тебе и затишье. Поставили бы на могиле деревянный обелиск с надписью: «Майор Кураксин погиб за Родину». А нам еще до Берлина дойти

нужно. И, вздохнув, посмотрел на спокойного тувинского добровольца и его напарника. Как-то они справятся с поставленной задачей. А те посмотрели на командира, подумав, может быть, и повезет, лишь бы фриц открылся.

Вышли из землянки, постояли в траншее, поглядывая из-под касок на вражескую сторону. Долгий летний день догорал. Солнце упало за далекий у горизонта лес, и вода в реке стала темно-розовой, отражая пылающие облака.

— Помню, Костя, когда мы воевали с белокитайцами, поручили мне зайти по горам в тыл врага и посмотреть, чем они заняты. Был у нас командиром русский товарищ, по фамилии Старухин. Экиндеем мы его звали. Вечерело. Ты внимательно смотри, Костя, и думай, где бы он, проклятый фашист, мог сидеть. Так вот, когда я зашел к китайцам в тыл, место нашел для наблюдения — лучше не надо: между двух валунов, а впереди еще два таких же камня. Понял? Они у меня были, как в прицеле. Где майору фуражку прострелили? На этом месте, где мы с тобой стоим. Где командира роты убило? Здесь же. Где он чуть тебя не ухлопал? Здесь же. Вот и я думаю: сидит он в своем укрытии и через какой-нибудь проем... Хотя бы вон в той печке... Видишь? Обстрел у него ограничен, зато и его взять на мушку можно только с этого же места. Вот теперь и думай, как нам его обнаружить? А?

— Выходит, Степан, они знают, где землянка командира?

— Заметили, видно, что часто здесь наши появляются. Сколько отсюда до той разрушенной печки будет? Километра полтора?

Константин в бинокль стал внимательно приглядываться к противоположному берегу. Когда-то там стояла деревня. Немцы разобрали дома на блиндажи и теперь там чего только нет: и бревна, и груды земли, и

полуразрушенные кирпичные печки, изуродованные березы, липы, яблони. Немцы перепахали весь берег траншеями. И попробуй найди фашистского снайпера в этих завалах. Тщательно зарылись фрицы в землю. Полагаясь на то, что вода служит хорошей ничейной полосой, что на крутой берег не так-то просто, миновав реку, подняться, сидят себе и в ус не дуют, хотя по ночам то и дело постреливают ракетами. «А ведь снайпер действительно мог залечь за печкой. Пробил в ней отверстия с одной и другой стороны. Вспышки выстрела не видать. Вот он не спеша и постреливает оттуда. Только выскочил кто из землянки, показалась голова из-за бруствера — выстрел. Так было со всеми погибшими. Все они были высокого роста... Значит, меня спас рост? Будь я на пять сантиметров длиннее, и не было бы меня... Хитер фашист. А Степан-то мужик башковитый. Догадался. Видно, с белокитайцами он так же поступал. Ну что же, завтра мы посмотрим, кто кого?..»

— Что молчишь? — спросил Степан.

— По этой печечке бы из противотанковой пушечки прямой наводкой, а?

— Десяток бомбардировщиков еще скажешь... Нет, Костя, мы должны его сами ухлопать. Нам вот третьего человека бы, а?.. Кто у нас маленький? Боец Касиляускас. Так? Так. Идем к нему...

ПОСЛЕДНИЙ ВЫСТРЕЛ

Спать снайперы легли лишь после того, когда тщательно все продумали. Степан был убежден, что фашист сидит за печкой. За последний месяц, проведенный здесь, кажется, изучили тот проклятый берег. Каждое дерево, каждое бревнышко, каждый камень прощупали. Не отрывая от глаз биноклей, выслеживали врага. Сами чего только не придумывали, чтобы противник не

обнаружил. И вот, кажется, догадались, где пристроился гитлеровский снайпер...

Ночью отрыли себе окопчики метрах в пяти друг от друга за командирской землянкой. Замаскировали. И отправились спать.

Проснулись рано, до зорьки, поели и — по местам.

Боец Касиляускас, небольшого росточка, крепкий двадцатилетний парень из Литвы, охотно взялся помогать им. В связи с тем что внимание вражеского снайпера особенно привлекали командирские фуражки, решили использовать для приманки простреленную фуражку майора Кураксина. Фашист любил охотиться в солнечные дни до обеда. Когда солнце ярко освещало вражеский берег и битые стекла, валявшиеся на земле, начинали лучисто гореть, с нашей стороны нельзя было заметить снайперского выстрела. Но сегодня за вражеским берегом зорко наблюдали в прицелы два человека: снайпер Володин и его молодой напарник. Володин был уверен, что фашист сидит за печкой,— иначе солнце в глаза.

Загнав патрон в патронник, Степан удобно устроился в отрытом ночью окопе и в снайперский прицел стал внимательно осматривать печь. В стенке печки, как он и предполагал, была пробоина. Отложив винтовку, поднес к глазам бинокль. Обрадовавшись, крикнул:

— Вижу, Костя! Держи эту дыру в перекрестии. Скоро начнем охоту. Как вспыхнет там огонь — стреляй.

— Ясно.

— Ну вот и хорошо,— и громче крикнул: — Касиляускас! Через пять минут пошел.

Из землянки в каске поднялся майор Кураксин. Казалось, вся передовая линия занята одним: охотой за вражеским снайпером, хотя разрешено стрелять было только двум бойцам, чтобы не спугнуть врага. Главное — выследить, откуда он стреляет. Когда пуля снова

пробьет фуражку, которую пожертвовал на это дело майор, Касиляускас должен будет вскрикнуть. Если догадка Володина подтвердится — кто-нибудь должен же будет заметить, откуда фриц стрелял.

Степан снова взял в руки винтовку. Никогда еще так тщательно не готовился он к выстрелу.

— Костя, начали,— подал голос Володин, предупреждая своего напарника, что пора указательный палец положить на спусковой крючок.

Точно в перекрестие неожиданно попала вражеская каска. «Вдруг Костя не выдержит?»—невольно мелькнула мысль. Очень уж соблазн велик прострелить эту голову. Но выстрела не последовало. «Молодец! — мысленно похвалил Степан своего товарища и подумал: — А ведь они могли нам тоже для приманки чучело подсунуть». Ребята хорошо придумали: отыскали кусок фанеры, вырезали и нарисовали на этом куске лицо человека, прикрепили фуражку, чтобы клюнул фашист на приманку.

По траншее начал движение к землянке Касиляускас, держа над собой чучело в майорской фуражке. Ни Степан, ни Костя не видели, как двигался по траншее Касиляускас, не видели, насколько над бруствером поднималась фуражка, надетая на чучело.

Едва Касиляускас приподнял чучело, как из-за землянки командира прогремело два выстрела. Боец так и присел. Он сначала ничего не понял. Фуражка с чучела слетела, и ее, простреленную в новом месте, разглядывал уже майор Кураксин. А из-за землянки к траншее с винтовкой в руке, чуть пригнувшись, бежал Володин.

— Вы что? С ума сошли? — заорал на него Кураксин.

— Им сейчас не до меня, товарищ майор. Нет больше снайпера! Ай да мы с Костей! — похвалил он себя и напарника.

На вражеском берегу стояла мертвая тишина.

ЭПИЛОГ

Виктор остановил машину возле обелиска.

— Ну вот,— Степан Иргитович вылез из «Москвича». Константин Григорьевич и Виктор направились за ним к обелиску. Остановились. Склонили обнаженные головы. Положили на холмик рядом с таежными цветами букетик жарков.

Горячее солнце палило нещадно. Трава у подножия горы уже побурела. Ветерок от шоссе обдавал поседевшие головы ветеранов теплом, нежно трепал волосы.

Виктор стоял поодаль и наблюдал за отцом и Константином Григорьевичем. Были они знакомы лишь по рассказам отца, а теперь гость стал ему не только близким, а точно родным. Он знал о нем многое. Ведь отец любил ему рассказывать не столько о себе, сколько о своих боевых друзьях, с которыми навечно спаяла фронтовая дружба. Из жизни ничего не вычеркнешь. Как сейчас, стоят перед Степаном Иргитовичем друзья тех далеких лет, с которыми он впервые познакомился, когда воевал с белоказаками и белокитайцами, и те, с которыми уходил на войну с ненавистным человечеству фашизмом. Каждый день войны — поэма о подвиге, мужестве, интернациональном братстве людей. И вот Степан Иргитович привез своего фронтового друга к месту гибели того человека, чье имя стало его фамилией. Он часто приходит к нему на поклон. Ведь на таких, как Владимир Данилкин, стояла и будет стоять наша Советская власть! Они и после смерти воюют за нее. Да еще как воюют!

ФРОНТОВЫЕ РАССВЕТЫ

ПОРТРЕТ НА БЕРЕЗЕ

Шумят по России березы.

Одни из них — стройные, белоствольные красавицы — выплеснув в звонкую синеву неба бирюзу ветвей, сбежались в дружные рощи; другие точно заблудились среди вечнозеленого хоровода елей и сосен, растут неприметными; третьи, будто зачарованные лепетом осин, застыли, не шелохнутся; а сколько их перекочевало на деревенские и городские улицы; и лишь немногие затерялись среди вольных хлебов, бунтуя на солнечном ветру развесистой кроной.

Да где их только не встретишь в России!

Но едва ли была на Руси более счастливая береза, чем та, которая росла когда-то в смоленском лесу. Тянулась она к солнцу, как и другие деревья, мирно, тихо. Летом зеленела и слушала птичьи запевки; зимой отмахивалась тоненькими прутиками ветвей от морозных неласковых ветров да метелей, а чуть выглянет солнце — слетаются к ней юркие красногрудые чечетки, устраивая веселые лесные базары; весной, когда потянет с юга теплом и обласкает ветерок ее белое тело, сменит старое посеревшее платье на новое и заиграет зеленым пламенем листвы, да так и красуется все лето. А как только дыхнет ночь прохладой и вступит в лес осень, вспыхнет она румянцем, обронит огненный наряд, и вновь готова встретить и стужу и пургу.

Так и росла она.

Но однажды ранним утром разбудил ее необычный гром. Перечеркнули над ее вершиной тихое небо хищные стальные птицы с крестами на крыльях, и забагровел запад. Шел оттуда кроваво-огненный смерч войны.

Вздыбили землю смоленскую разрывы бомб и снарядов, взрезали ее дороги гусеницами вражеские бронированные машины, поползла по городам и селам чужая речь. Темные тучи наплывали на древнюю землю смолян. И появились тогда в лесах смелые люди, которые раньше лишь изредка заходили с лукошками в августовскую глухомань, а теперь, вооруженные, вырыли здесь землянки и стали жить, укрытые от врага дремучей чащобой. Работой их стала война. Когда выходили они из леса, не знал захватчик пощады, не было ему спасения на чужой земле, прославленной легендами о мужестве и силе русского человека. Услышала тогда береза мелодичные народные песни — широкие, вольные, могучие, как сама Россия, и познакомилась с бойкой да умной девушкой.

Бывало, вернется она с задания, снимет с головы кепку (упадут на плечи русые косы, заиграет румянец, заискрятся глаза карие), повесит на сук автомат и острым ножом сделает на дереве несколько надрезов.

— Что, Аннушка, счет ведешь? — спросят партизаны девушку.

— Да! Чтобы не запамятовать! — скажет и, взяв автомат, пойдет, напевая, к землянке.

— Отчаянная! — говорят ей вслед партизаны.

Любили они свою Аннушку. Любили за ум (любое задание было ей сподручно); за красоту (хотя и мешковато сидела на ней красноармейская гимнастерка). Поднимет, бывало, ресницы да поведет бровью — сильнее хмеля вскружит буйные головушки; а об отваге ее такое говорили, что трудно в это верить, а подумаешь — ведь на что ни способна только русская женщина!

Диву давался и командир. Тронет бороду, прищурит глаза и скажет бывало: «Даю слово тебе, Аннушка, прогоним фашистов — буду хлопотать, чтобы орден дали тебе, и не какой-нибудь, а высший — Ленина!»

— Да ну вас! — застесняется, заалеет вся — страсть не любила она, когда ее хвалили.

А хвалить было за что!

Как-то товарищи принесли ее с задания на самодельных носилках. Не успей Аннушка метнуть в фашистов гранату, то ли еще было бы.

Вытащили ее партизаны из самого пекла боя, доставили в лагерь, положили в тень под березу. Фельдшер прибежал рану перевязать, а она ему нож подает.

Сделай, говорит, еще пять зарубок.

Рана вскоре поджила, но вот беда — подниматься ей нельзя, сидеть еще туда-сюда, а вставать фельдшер строго-настрого запретил.

Лишилась Аннушка покоя и сна. Безделье мучило. Лежит под березой и от нечего делать листочки на ветках считает. Правда, на следующий день, вернувшись с задания, разведчики книгу ей принесли. Читай, мол, пока не поправишься.

Дни и ночи стояли погожие. Прочла она книгу — и опять затосковала. Повернется к березе, гладит по стволу теплой ладошкой, а сама смотрит и указательным пальцем по бересте водит и все молчит. Потом попросила принести ей карандаш. А где его возьмешь? Карандаши не грибы, под соснами не растут.

— Зачем тебе карандаш, Аннушка? — спросили разведчики.

— Рисовать буду,— просто ответила она, вспомнив школьное увлечение.

— Возьми вон уголь и рисуй. Только на чем рисовать-то собираешься? Бумаги ведь нет.

— На березе рисовать буду.

Принесли ей уголь. Выбрали какой покрепче. Вроде бы снова успокоилась, перестала тосковать. Сидит у березы и все рисует, рисует что-то на ее белом стволе. А потом уголь отложила, за нож взялась.

Пролетали дни, а она от березы — ни на шаг. Однажды подошли партизаны посмотреть, чем она там занята, и ахнули — на березе портрет Ильича.

Не было в отряде человека, который не побывал бы у березы. Все диву давались, откуда у Аннушки талант такой появился — ведь как живого вождя на березе изобразила.

Так и стояла береза с портретом вождя в партизанском лагере до тех пор, пока фашистов не прогнали со Смоленщины. Пришлось покидать партизанам обжитые лесные места, которые надежно укрывали их от гитлеровских карателей. Тогда и стали думать, что с березой делать. Порешили спилить ее, а часть с портретом Ильича поместить в музее, чтобы знали люди, что в тяжелую годину образ вождя помогал народным мстителям громить захватчиков.

Вот почему счастливая береза! В музее она теперь вторую жизнь обрела. Смотрят на нее люди и вспоминают те далекие военные годы. И каждый по-своему представляет себе партизанский лагерь и художницу — простую русскую девушку-комсомолку, что в трудную для Родины минуту вырезала на березе портрет Ильича.

У ОКОЛИЦЫ

За селом у околицы растут пять берез: четыре из них точно замерли в почетном карауле — высокие, статные. А пятая будто споткнулась, подалась в сторону, изогнулась у комля, стоит растрепанная, ствол ее оброс черными наростами, а ведь все березы — одногодки.

Помню, до войны мы, школьники, решили засадить деревенскую улицу березами. В колхозе нам выделили лошадь. Мы запрягли ее в телегу и с лопатами веселой гурьбой отправились в лес. Накопали там молоденьких березок, аккуратно уложили их в телегу, а корни, чтобы не осыпалась земля, обмотали холстинками. Каждому из нас досталось по пять березок. Но так как у нашего дома сажать их было негде (под окнами росли высоченные липы), я решил посадить березки у околицы, прямо за огородами.

«Когда-нибудь,— мечтал я,— березы вырастут, разбросают семена и зашумит здесь целая роща».

Березки я посадил по одной линии у межи. Каждый день поливал их водой из пруда. Они прижились на новом месте хорошо. Солнца было вдоволь. Года два они осваивались, а потом пошли в рост, стали обживаться грачами. Правда, гнезда грачи на них не вили, видно, чувствовали, что непрочны они еще, слишком сильно раскачивали их шалые ветра, но посидеть на них любили.

В сорок первом ушел я добровольцем на фронт. Куда только ни забрасывала меня военная буря, где только ни заставила побывать, но всегда вспоминал я родимый край и березы у околицы.

После того как фашисты заняли Смоленщину, я потерял связь с родными (был я сирота, жил с дедом и бабкой). А когда узнал, что деревню освободили — сразу же написал бабушке письмо.

Лежал я в госпитале. Время было тоскливое. Читал книги, бродил по больничному парку и мечтал о том, как бы побыстрее поправиться и — на фронт. Сядешь, бывало, на скамейку и вспоминаешь родной край, а березы шумят, шумят, навевают такую тоску, что страшно иногда становилось.

Письмо из деревни я получил перед выпиской из госпиталя. Бабушка писала:

«Дорогой сынок!

Кланяется тебе твоя бабушка, Татьяна Григорьевна. Обрадовал ты меня, сынок, своей весточкой до слез. Слава богу, что жив. Немцев наши прогнали. И ты бей их, поганых, без жалости...»

Бабушка писала о деревенских новостях подробно и просила побыстрее возвращаться с победой. Из ее письма я узнал и про деда Гришу.

Километрах в четырех от деревни кто-то убил двух фашистов-грабителей. Любили они пошарить по сундукам или съестным поживиться. Нашли их случайно — в канаве у болота, валялись притрушенные осокой. В деревню из города нагрянули каратели. Всех мужчин, точнее стариков и подростков, согнали в сарай. Окружили полукольцом. Автоматы на изготовку. Долговязый солдат принес от бронетранспортера канистру с бензином. Поплескал на сухие щелеватые стены, затем смочил в бензине палку, от зажигалки поджег ее и бросил к сараю — всю стену разом охватил огонь.

Народ, согнанный к сараю, качнулся от невольно вырвавшегося рыдания. Кто-то запричитал молитву; кто-то выдохнул единственное бесслезное: «Изверги!»; кто-то упал на землю, но его тут же подняли.

Занялись огнем, затрещали сухие бревна, объятые пламенем, порохом вспыхнула соломенная крыша. Сквозь огненную стену донесся крик погибающих безвинных людей. Что они кричали, понять было трудно: фашисты стреляли в сарай, в обреченных людей, а пламя довершало черное дело. Сразу после того как сарай сгорел, вражеские солдаты разогнали народ, а сами остановились в деревне на несколько дней — праздновали победу. Командовал ими высокий белобрысый фашистский офицер.

Дед Гриша был в отлучке. Он не знал об этом, и на рассвете, когда возвращался в деревню, его задержали часовые. Привели к командиру.

— Ти есть партизан? — спросил сонный гитлеровец.

Дед Гриша молчал.

Фашист сидел в одной нательной рубашке — его подняли с постели. Он сказал, чтобы деда вывели, что допросит он его после сна.

Страшную весть услышал дед Гриша от хозяйки дома, пока ожидал допроса.

«Если они сожгли селян, то и мне не избежать смерти!» — думал он. Дед хоть был и стар, но кряжист, силен. Умирать ему не хотелось. Да не волен он был распоряжаться своей жизнью. Задумчивым, угрюмым сидел он под дулами двух автоматов.

Часа через два деда повели на допрос. Офицер в черном мундире сидел за столом, перед ним лежал пистолет. У двери — солдат с автоматом.

— Где партизан? — спросил фашистский офицер по-русски.

Дед Гриша посмотрел на врага, насупив брови, но не проронил ни слова.

— Пляцен зи,— стрельнул синими глазами офицер, указывая на табуретку у стола, и стал закуривать сигарету. Когда прикурил, добавил: — Побеседуем перед смертью...

Дед Гриша шагнул к столу, наклонился, чтобы поправить тяжелую табуретку... Вдруг она метнулась вверх — откуда взялась у деда такая ловкость! — и со страшной силой упала на белобрысую голову. Фашист коротко вскрикнул. В этот же момент табуретка полетела к двери.

Часовой не успел лязгнуть затвором и нажать спусковой крючок, как припечатался к стене. Дед Гриша схватил пистолет и выстрелил в часового, затем вырвал у мертвого автомат и через двор выбрался на огород.

Фашисты не обратили внимания на выстрел. Они знали своего командира: он любил разговаривать с по-

мощью пистолета. А дед Гриша тем временем, пригнувшись, через кусты смородины побежал к оврагу, а там и лес недалеко...

Гитлеровцев хоронили за деревней. Срубили крайнюю березу. Сделали из нее два креста. Выжгли на них по-немецки какие-то слова, установили кресты на могилах, спалили в отместку еще несколько домов и уехали.

Недолго стояли березовые кресты на вражеских могилах. Однажды они исчезли. Исчезли навсегда с могильными холмами. И только срубленная береза да пепелища долго еще напоминали о том страшном времени. Но жизнь победила! Оставшаяся на срубленной березе веточка так пошла в рост, что люди не заметили, как она обратилась березой. И хотя ей не хватает стройности, она покачивает ветвями, на которых красуются золотые сережки.

Я пришел на то место, где стоит памятник погибшим односельчанам. Над разнотравьем поднялась молодая поросль березок. Сбылась моя мечта: у околицы будет шуметь березовая роща!

ДЕРЕВЯННАЯ ЛОЖКА

В доме Ивана Спиридоновича Бойкова, директора сельской средней школы, мое внимание привлекла деревянная ложка. В серванте среди столового и чайного сервизов лежала она, неказистая, да и черенок весь в зарубках. Но, видно, для хозяина была она куда ценнее переливающегося гранями резьбы хрусталя и фарфора.

Познакомился я с Иваном Спиридоновичем на рыбалке. Как-то попросил он у меня огонька: спички, говорит, случайно подмочил. А я, как на грех, некурящий. «Извините, курить пока не научился». Он

вздохнул и начал бережно раскладывать на солнце спички. Мол, ничего, подсохнут — тогда и задымим.

Рыбачили мы метрах в пяти друг от друга. Я воткнул в берег удочку и подошел к нему. Мы познакомились. Сначала говорили о рыбалке, затем о политике и незаметно стали обсуждать насущные дела — работу. О своих школьных занятиях он рассказывал с увлечением и даже пригласил посмотреть созданный ребятами уголок Славы.

После ознакомления со школой Иван Спиридонович зазвал меня к себе, чтобы показать коллекцию древних монет. Но меня заинтересовали не монеты, а деревянная ложка. Все время подмывало спросить о ней, и, как бы между прочим, я сказал Ивану Спиридоновичу, кивнув головой на фужеры и рюмки:

— Оригинальный хрусталь.

— Жена накупила. Моя страсть — монеты.

— А это что за сувенир?

— Деревянная ложка? — спросил Иван Спиридонович.

— Да.

— Длинная история. Слыхали про Хохлому?

— Не только слыхал, но и бывал там. Но это ведь не хохломская работа?

— Подарок друга. Он вырезал.

Иван Спиридонович подошел к серванту, не торопясь отодвинул стекло, достал ложку.

— Золотые руки у него были...

— Погиб?

— Война,— вздохнул Иван Спиридонович.— Был он из потомственных ложкарей. Вроде бы самая мирная профессия, а война сделала разведчиком. Да еще каким разведчиком! О своем родовом корне он дальше прадеда не помнил, а может, первыми ложкарями на Руси были они — Нефедовы.— Он помолчал и начал рассказ о Хохломе: — Деревянные ложки народные

умельцы из села Хохлома начали делать еще в семнадцатом веке, а может, и раньше. До Октябрьской революции там работали лишь кустари. Среди них был и дед Сергея. Он-то и научил его этому ремеслу. Когда пришла война, Нефедовы жили в Семенове, Сергей добровольцем ушел на фронт. Он часто вспоминал слова деда о том, что у ложкаря руки всегда должны быть в работе. Вот и возил Сергей в рюкзаке березовые чурки, а в свободное время занимался своим любимым делом...

Я смотрел на березовую ложку и вспоминал Семенов. Может быть, Сергею Нефедову работа над ложкой напоминала о далеком родном крае? Трудно представить, что эта ложка когда-то шумела листвой, а по утрам ветерок трепал ее кудрявые ветви.

Хохлома — березовая кудесница. У меня тоже хранятся хохломские ложки. Они тоже когда-то шумели буйной листвой. Но пришли в лесосеку сильные люди, брызнули из-под пилы пахучие опилки, под слепящим ливнем топоров упали срубленные сучья, и огромная машина отвезла березу на просторный фабричный двор. В раскройном цехе звонкие стальные пилы пели ей свое: з-зинь, з-зинь! Потом береза попала в сушильную камеру, где шесть дней жара выжимала из нее влагу. В цехе, пропахшем сладковатым настоем древесины, из нее сделали чурки — и вот чурка в руках умельца-ложкаря. Острый резец мастера врезался в дерево до тех пор, пока из обыкновенной деревяшки не получилась ложка. От ложкаря ее передали в другие руки. И целых десять суток трудились над ней люди: добротно пропитывали сырым льняным маслом, натирали специальной жидкой глиной и снова сушили. Потом покрыли алюминиевой пудрой. И ее здоровое с оттенком охры тело стало белым, чем-то напоминая цвет бересты.

Наконец-то ложка попала в руки художника. Сидя на лавочке у низенького стола, он быстро и ловко наносит красочный узор по серебряному фону тоненькой кисточкой. Иногда под кудрину, иногда под травку (редкий рисунок без фона).

После художественной росписи ложку снова отправляют в сушку. Покрывают лаком и прокаливают в специальной печи при температуре выше ста градусов. Раньше прокаливание было самой трудной операцией: человек входил в раскаленную печь и расставлял там изделия. От этого зависело многое. После прокаливания словно сама природа оживает в рисунке: загорается ярко-золотистая гамма солнечных бликов, смешанная с жаром осенних догорающих листьев, вспыхивают зеленые всплески лета и багряные пожары закатов, наплывает чернота безлунных ночей.

Но это другие ложки. Ложка, вырезанная армейским разведчиком Сергеем Нефедовым, была без художественной раскраски.

Я подошел к фотографии, висевшей на стене в железной рамочке. Фотография хотя и находилась на теневой стороне, прямой свет от окна на нее не падал, но все же заметно выцвела от времени.

— Второй слева — Нефедов,— сказал мне Иван Спиридонович, заметив, что я остановился возле фотографии.

Когда Иван Спиридонович показывал мне свою школу, я особенно заинтересовался уголком Славы.

— Ребята собрали фотографии фронтовиков. Все они когда-то учились здесь, в нашей школе. Это — погибшие, а эти и сейчас еще живы-здоровы,— пояснял он.— Ребят интересуют герои войны. Это хорошо.

Я внимательно рассматривал фотографии, а он говорил мне, кто на них изображен. Было видно, что и сам Иван Спиридонович принимал большое участие в создании уголка Славы.

Да, как ценим теперь фронтовые фотографии. Хотя и трудно было в групповом снимке рассмотреть Нефедова, но был он, конечно, еще очень молод. Рядом с Нефедовым я вдруг увидел сержанта: на гимнастерке две звезды Славы и другие награды. Присмотрелся — да ведь это же Иван Спиридонович!

— Да, это я,— подтвердил Иван Спиридонович, когда я спросил его, не обознался ли. Я попросил у него припомнить хотя бы один эпизод из фронтовой жизни.

— Сейчас, признаться, многое кажется невероятным. Особенно, если говорить о боевых делах Нефедова. Помню такой случай. Наши и вражеские позиции разъединила болотистая низина, поросшая высоким кустарником. Была зима. Никому не хотелось сидеть в сырости. Ничейная полоса была довольно широкая. Нефедову и мне было приказано разведать, что из себя представляет передовая линия врага. Небо еще в полдень затянули облака, и пошел снег. Это нас радовало. В полночь мы стали на лыжи, автоматы — под белые маскхалаты и осторожно направились в сторону врага.

Немцы обычно по ночам освещают ничейную полосу ракетами, но здесь, видно, понимали, что в такой снегопад ракеты не помогут.

Идем мы, идем, а гитлеровцев все нет и нет.

«Может, не заметили и проскочили их траншеи?» — подумал я и шепнул про это Нефедову.

— Немцы и без проволочного заграждения в обороне,— хихикнул Нефедов.

Шагаем дальше. Наконец-то — заграждение. Отступили немного и пошли вдоль него.

В небольшом леске, на пригорке, заметили сарай. К нему с вражеской стороны ведет тропинка. Стали думать, чтобы это значило. На всякий случай легли. Думаем, что предпринять. Снег идет. Тишина. Но су-

мерки стали жиже, часа через полтора нужно будет возвращаться. Внимание напряжено. Дышим и то осторожно, медленно втягивая в себя воздух, чтобы не помешать слуху. И только, было, хотели направиться к сараю, посмотреть, что там у немцев, за проволочным заграждением послышался разговор. Затаились. Всматриваемся. У заграждения показались темные силуэты.

«Идут!» — обрадовался я и толкнул старшину, но тот ничего не ответил, мол, вижу.

Немцы шли к сараю растянутой цепочкой.

— Четверо,— сосчитал.— Многовато!

Тихо скрипнула дверь.

Нефедов ткнулся в мое ухо:

— Подождем еще. Может, это у них корректировочный пост.

Немцы не спешили покидать сарай.

— Придется брать всех,— вдруг шепнул Нефедов.

— Что? — не понял я.

— Я иду. Жди. В случае чего...

— Ясно.

Он встал. Подъехал к сараю. Снял лыжи. Отстегнул от пояса противотанковую гранату. Повозился с ней. Вошел в сарай.

Правая рука с гранатой вытянута вперед. На груди вспыхнул фонарик. Луч света осветил гранату, сарай и немцев. Левой рукой на виду у изумленных, а затем и перепуганных фашистских солдат старшина выдернул чеку — теперь стоит разжать пальцы, и все взлетит на воздух.

— Хенде хох! — приказал он тихо.

Запас немецких слов у старшины был не богат, и он крикнул мне:

— Бойков, ко мне. Остальным занять оборону.

Я быстро сбросил лыжи и — в сарай.

— Собирать автоматы,— приказал он мне.

Все автоматы я оттащил к дверям.

— Загляни на чердак,— сказал старшина.

Я подошел к фашистам и сказал по-немецки, что если они будут вести себя благоразумно, то для них война, можно считать, окончилась. Все они будут живы.

У немцев действительно наверху был оборудован корректировочный пункт. Мы забрали телефоны. Вывели немцев, построили. Их оказалось семь человек. Не спуская глаз с противотанковой гранаты, они точно выполняли все мои распоряжения. Два автомата и граната с выдернутой чекой превратили их в покорное стадо, хотя они догадались, что нас только двое.

Через ничейное поле мы повели их к нашим позициям.

Сарай сожгли после.

Бесстрашие у Нефедова сочеталось с поразительным хладнокровием, выдержкой и смекалкой. Он был настоящий разведчик: хитрый, смелый, умный.

— Как же граната, Иван Спиридонович? Ведь чека-то была выдернута? — спросил я.

— А-а-а. Граната? Она была без взрывателя... А погиб Сергей случайно, в Германии, в конце войны...

Я рассматривал ложку и считал на ней зарубки. Их оказалось двадцать три.

— В сорок третьем,— Иван Спиридонович кивнул на ложку,— после первого задания, которое мы выполняли вместе, он подарил мне эту березовую ложку.

— А надрезы? — спросил я.

— Это — «языки».

— Двадцать три?! — удивился я.

— Добыча всей нашей группы.

За окном гулял зеленый березовый шум, а я смотрел на Ивана Спиридоновича и думал, что едва ли знают его ученики о том, как воевал их директор. Ведь в школьном уголке Славы среди фотографий погибших

и живых воинов-односельчан я не видел его портрета. Едва ли знают они и о существовании березовой ложки, а ведь она могла бы о многом поведать им.

ТАРАН

Березы, березы, березы... Они бегут за окнами поезда. И едва ли найдется человек, который останется равнодушным при виде мелькающего за окном белого частокола стволов и зеленой кипени ветвей.

Береза — сама красота!

К окну вагона приник седовласый пожилой мужчина. Перелесок, светофор, будка стрелочника... И перед глазами встали события далекого военного лета. Он вспомнил, как, подойдя к новенькой тридцатьчетверке, молоденький сержант доложил командиру танка о прибытии. Он как сейчас видит этого загорелого безусого паренька в новенькой шинели. Лейтенант протянул ему руку и предложил закурить.

— Не курю, товарищ гвардии лейтенант.

— Вот экипаж подбирается! Я — Комаров Дмитрий Евлампиевич! Выкладывай, кто ты и что?

Лейтенант сел на пенек у огромной березы. Сержант, видно боясь испачкать шинель, не сел, хотя командир и показал на сухую траву рядом с собой.

Не снимая с плеча вещмешок, он продолжал стоять.

— Биографию? — уточнил сержант тихим голосом.

— Вали биографию. Хотя постой... Ребята! Давай сюда! Механика-водителя нового прислали. Знакомьтесь!

Сержант кашлянул и робко, неуверенно начал:

— Значит, так, родился 22 ноября 1925 года, в рабочей семье, в Туве, в поселке Карагаш.

— Зовут-то как? — перебил его Комаров.

— Зовут Миша. Михаил Артемьевич Бухтуев.

— Девятнадцать лет, значит? — снова перебил его Комаров.

— Да...

— Воюешь давно?

— С 8 июля 1943 года в Красной Армии. В учебной части, на Урале, выучился на механика-водителя, ну и...

— Все?

— Все.

— Не густо. Фрицев видел?

— Нет.

— Ну что ж, увидишь. Принимай хозяйство.

— Есть!

— Комсомолец?

— Комсомолец.

Залезли в машину.

— Ну, Михаил Артемьевич, заводи... Сейчас поглядим, на что ты способен. Только не задави, пожалуйста, кого-нибудь из своих.

— Не волнуйтесь, Дмитрий Евлампиевич. По вождению отлично! — в тон лейтенанту ответил сержант.

— А ты, видать, не из робкого десятка, а? Ладно. Поглядим, как с танком управишься.

Экипаж рассмеялся.

Комаров был всего года на три постарше подчиненных, но старался показать себя человеком пожившим, повоевавшим.

— Закрыть люки. Вперед! — скомандовал он.

И начал давать команду за командой.

Тридцатьчетверка вертелась в каком-то неимоверном кордебалете. Когда машина остановилась, командир дружески хлопнул новичка по плечу и молча вылез из танка.

Вечером Миша писал матери, Раисе Семеновне:

«Милая мамочка! Машину мне дали отличную, экипаж дружный. Теперь будем на ней громить врага...»

Наконец закончено формирование. Первый бой. Первое испытание. Командир танка остался доволен экипажем.

«Зря сетовал!» — подумал он, посматривая на подчиненных, а механика-водителя даже похвалил:

— Классно ты, Михаил, поутюжил окопы! Пусть фрицы знают наших!

После боя, когда фашисты отступили, остановились в освобожденной деревне. Только какая это деревня: вместо деревьев торчали черные головешки; вместо домов — груды кирпича и золы.

Миша сказал тогда:

— Драпают и все за собой уничтожают, паразиты!

— Не убегут! — твердо отрезал Комаров.

Однажды танки остановились у небольшой речушки, бойцы валялись на траве, мылись в прохладной воде. Вспоминали гражданку. Комаров расхваливал свой городишко Шахунье и Поволжье, а Бухтуев рассказывал о прииске «Заря», где он немного шоферил до службы.

А потом — Черные Броды! Железная дорога Лунинец — Бобруйск. Станция с темно-красным зданием вокзала была опоясана минными полями, кругом торчали гнезда артиллерийских батарей. Освободить ее — задача трудная. Но батальон гвардейской танковой бригады получил приказ: взять Черные Броды!

Атака! Рядом подорвался на минах танк командира роты. Миша заметил проскочившую к батареям машину лейтенанта Сорокина и направил Т-34 по ее следу. Минное поле позади. Под гусеницами заскрежетала вражеская пушка!

Из-за перелеска вынырнул бронепоезд. Орудия крупного калибра ударили по нашим танкам. Комаровцы открыли ответный огонь. Страшной силы взрыв потряс машину — башню заклинило. Новый взрыв. Танк стало разворачивать. Миша моментально остановил его. Через нижний люк Комаров вылез наружу, осмотрелся. Разбита гусеница.

— Ребята, надо восстановить...

Разрыв заглушил его голос, но танкисты отлично поняли командира. Не обращая внимания на взрывы и пулеметный огонь, быстро приступили к ремонту.

Бронепоезд находился в выгодной позиции и, маневрируя, вел прицельный огонь. На поле боя горело уже несколько танков. А у подбитой тридцатьчетверки возились комаровцы. Нужно быстрее устранить неисправность. Немцы не обращали на их танк внимания.

Когда неисправность была устранена, Комаров приказал двум членам экипажа остаться в воронке. И они, подчиняясь приказу, забрались в еще горячую, пахнущую ядовитым дымом влажную яму, наблюдая оттуда за боем.

Заработал двигатель, и Т-34 устремился к бронепоезду. Немцы сразу же заметили оживший танк. Жерла раскаленных орудий повернулись навстречу тридцатьчетверке. Земля, дым, огонь — больше ничего не видать. Но Миша упрямо вел машину к бронепоезду.

Рвались снаряды, по броне тысячей отбойных молотков барабанили пули и осколки. Над машиной, словно красное знамя, затрепетало пламя. Но вот и насыпь. Рядом стучат о рельсы колеса. Стрельба прекратилась. Бронепоезд пытался уйти и прибавил ход.

— Газ, Миша, газ! Берегись, гады!

По радио командир батальона услышал голос Комарова:

— Идем на таран!